

МАРКСИЗМ В XXI ВЕКЕ

Евгений ГЕРАСИМОВ

КУДА ИДЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Прав ли Карл Маркс в прогнозе его будущего?

Киев
ООО «Друкарня «Бізнесполіграф»
2011

УДК 141.82
ББК 87.3
Г27

ГЕРАСИМОВ Є.М.

Г27 Куди йде людство. Чи мав рацію Карл Маркс у прогнозі його майбутнього? — К.: ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2011. — 240 с. Мова рос.

ISBN 978-966-1645-47-8

У книзі розглядається діалектика як загальна теорія розвитку і загальний метод наукового пізнання та прогнозування, а також методологічне значення принципу тотожності протилежностей у пізнанні суспільства й передбаченні його розвитку. Автор доводить, що людство, як і прогнозував К.Маркс, йде від передісторії до своєї справжньої історії — комунізму, адже сучасне капіталістичне виробництво об'єктивно породжує власне заперечення і перехід від товарного виробництва до безпосередньо суспільного, від капіталізму — до соціалізму й комунізму.

УДК 141.82

ББК 87.3

ISBN 978-966-1645-47-8

© Є.М. Герасимов, 2011
©ТОВ «Друкарня
«Бізнесполіграф», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

О крахе коммунизма говорят как о совершившемся факте идеологи антикоммунизма на Западе и бывшие «последовательные марксисты», ныне ставящие себе в заслугу «уничтожение коммунизма» в СССР и странах Восточной Европы¹. Остановить ход истории идеологам антикоммунизма не дано. XXI век – век мирового социализма и перехода к коммунизму.

К такому заключению пришли участники Международной научно-практической конференции². На основе комплексного анализа политического и экономического состояния современного мира, его развития участники конференции в своих выступлениях научно обосновывали и доказывали, что система капиталистических общественных отношений сыграла свою исторически противоречивую роль, что наблюдается углубление общего кризиса капитализма, нарастание классовой борьбы между трудом и капиталом, между глобальным капитализмом и странами так называемого третьего мира. Был сделан вывод о том, что «мировой революционный процесс снова набирает силу», «вызревает революционная ситуация в мире», следовательно – «эра социализма неотвратима».

Мировой революционный процесс снова набирает силу! Да, снова, поскольку в истории человечества имели и имеют место как подъемы, так и спады революционного процесса. Так, в середине XIX века в странах Запада сложилась революционная ситуация в результате обострения противоречия между трудом и капиталом.

В работе «Положение рабочего класса в Англии», написанной Ф. Энгельсом в сентябре 1844-го – марте 1845 годов (то есть до революции 1848–1849 годов во Франции), говорится о том, что «...скоро достаточно будет небольшого толчка, для того чтобы привести лавину в движение»³. Ф. Энгельс, конечно, имел в виду лавину рабочего движения в Англии. И тогда, как он считал, по всей стране раздастся боевой призыв: «Война дворцам, мир хижинам!». Но на тот момент в Англии не было ни «необходимого толчка», ни «войны дворцам». Надо полагать, что меры предосторожности английская буржуазия предприняла. Потерпело поражение и революционное выступление пролетариата Парижа в 1871 году.

В этих условиях определенным преувеличением было считать, что «...крупная промышленность в своем более полном развитии приходит в конфликт с теми узкими рамками, в которые ее втискивает капиталистический способ производства. Новые производительные силы *уже* (курсив наш. — *Е. Г.*) переросли буржуазную форму их использования»⁴. Преувеличением является также утверждение, что переход на высшую ступень развития неизбежен и что «эта ступень теперь достигнута»⁵.

И все-таки вывод о возможности победы пролетарской революции одновременно в ряде капиталистических стран Запада в тех конкретно-исторических условиях был верен. Именно как реальная возможность. Однако возможность еще не есть действительность. Возможность победы пролетарской революции и установления государства диктатуры пролетариата предполагает, что, с одной стороны, имеются все необходимые объективные условия, а с другой — готовность субъекта революции, то есть широких народных масс, взять власть в свои руки, естественно, при наличии революционной ситуации. Но кроме возможности победы революции существует и реальная возможность ее поражения.

Об этом пишет К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу (октябрь 1858 года). «Трудный вопрос, — замечает он, — заключается для нас в следующем: на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще восходящее движение?»⁶. Опасения К. Маркса подтвердились и спустя сто тридцать с лишним лет, когда в СССР и странах Восточной Европы произошел контрреволюционный переворот. Сегодня сетовать на то, что всемирная коммунистическая революция, на которую рассчитывали Маркс и Энгельс, не произошла не только при их жизни, но и более чем сто лет спустя — не диалектично. Если исходить из этого, то К. Маркс и Ф. Энгельс предстают перед нами как фаталисты, не владеющие диалектикой. Но это же абсурд! Еще раз подчеркнем: нет вины К. Маркса и Ф. Энгельса в том, что реальная возможность победы пролетарской революции в странах Западной Европы не увенчалась успехом в тех конкретно-исторических условиях.

Иная историческая обстановка сложилась в конце XIX — начале XX веков. Между различными империалистическими державами развернулась борьба за источники сырья, за передел уже

поделенного мира путем экономической и военной экспансии. В этих условиях объективно становится невозможной победа пролетарской революции одновременно во всех или большинстве стран Западной Европы, как это было еще в середине XIX столетия.

К такому выводу приходит В. И. Ленин в начале XX века. В статье «О лозунге Соединенных штатов Европы» (1915) он пишет: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»⁷. Речь, как видим, идет о капиталистических странах и прежде всего о странах Запада.

Иначе обстояло дело в России – именно она оказалась тем слабым звеном в цепи империалистических государств. В условиях Первой мировой войны здесь обострились как внутренние, так и внешние противоречия. Политическая революция в России в 1917 году прошла в два этапа (в зависимости от целей и движущих сил). В феврале она была буржуазно-демократической, а в октябре – социалистической. Пролетарская революция в России, по своим движущим силам, из возможности стала реальной действительностью в одной отдельно взятой стране.

Вывод В. И. Ленина в данном вопросе не противоречит учению классиков марксизма о том, что «...коммунизм... вообще возможен лишь как «всемирно-историческое» существование»⁸. Напротив, победа социалистической революции даже в одной стране предполагает неизбежность перехода к социализму все новых и новых народов, торжества социализма во всемирном масштабе. Превращение Советского Союза в мировую державу, его победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов обеспечили переход к социализму в КНР, КНДР, СРВ и на Кубе. Несмотря на временное поражение в СССР и государствах Восточной Европы (это говорит о возможности реставрации капитализма и в странах социализма), социализм не сломлен. Сбывается прогноз К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что коммунизм – будущее человечества.

В современную эпоху с объективной необходимостью экономическая общественная формация переходит в коммунистическую⁹. Анализ объективных закономерностей развития человеческого общества, вступившего в XXI век, подтверждает: капитализм не имеет будущего, он – угроза всему человечеству.

Поэтому, как отмечалось в Декларации участников Международной научно-практической конференции, объективные процессы в природе и в мировом сообществе диктуют принять в наступившем столетии альтернативу «социализм или смерть», «социализм или варварство».

В XXI веке создается реальная возможность не просто перехода от одного типа общества (капиталистического) к другому (социалистическому), а создания в перспективе условий становления коммунистических общественных отношений, то есть перехода от отношений господства и подчинения к отношениям сотрудничества и взаимопомощи в планетарном масштабе. В сложившихся конкретно-исторических условиях это не абстрактная, а вполне реальная возможность.

И все-таки, повторимся, возможность не всегда становится действительностью. Переход к социализму на современном этапе развития общества предполагает борьбу с глобальным капитализмом. В настоящее время над миром нависла угроза, исходящая от агрессивных сил именно глобального капитализма. Вопрос стоит так: или гибель всего живого на планете Земля в результате применения оружия массового уничтожения, или установление «нового мирового порядка», то есть насаждение более варварских форм господства так называемой «избранной элиты» над всем остальным населением планеты.

Мировой революционный процесс набирает силу. Причем, чтобы быть успешным, он должен протекать не стихийно, а осознанно со стороны широких народных масс. Для этого необходимо внесение сознательности в движущие силы мирового революционного процесса, вооружение их научно обоснованной теорией, которой является учение К. Маркса и Ф. Энгельса о коммунистическом преобразовании общества. Научной основой доказательства неизбежной гибели капитализма и становления коммунистического общества был и остается диалектико-материалистический метод познания и прогнозирования развития человеческого общества. Овладение этой научной теорией, борьба за ее претворение в жизнь — веление времени.

Настоящая работа обращена к поколению XXI века. И преследует цель — способствовать усвоению научно обоснованной теории общественного развития широкими народными массами, являющимися субъектом истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Критике взглядов идеологов российского антикоммунизма (А. Яковлева, В. Вильчека, А. Ципко, Г. Шахназарова и др.) посвящена брошюра «Антикоммунизм: история и современность» — К.: Оріяни, 2003.

²Социализм — категорический императив современной эпохи. Декларация участников Международной научно-практической конференции «Конец предьстории человечества: социализм как альтернатива капитализму». Материалы одноименной международной научно-практической конференции, Институт философии РАН, 27–29 мая 2003 года. — Омск, 2004.

³Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т.2. — С. 517.

⁴Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 19. — С. 211.

⁵Там же. — С. 226.

⁶Маркс —Энгельсу в Манчестер. Лондон, 8 октября 1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т.29. — С. 295.

⁷Ленин В.И. О лозунге Соединенных штатов Европы // Полн. собр. соч. — Т.26. — С.354.

⁸Маркс К, Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т.3. — С. 35.

⁹Термин «экономическая общественная формация» используется К. Марксом применительно к периоду производственных отношений, базирующихся на частной собственности. Данный термин не отрицает, а предполагает наличие экономических отношений в условиях собственности общественной. См.: К. Маркс. Экономические рукописи 1857– 1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т.46 — Ч.1. —С. 477.

I

Диалектика как всеобщая теория развития и всеобщий метод научного познания и прогнозирования

*Презрение к диалектике
не остается безнаказанным.*
Ф. Энгельс

Слова эпитафии, произнесенные полтора столетия назад Ф. Энгельсом, не утратили своего значения и сегодня. Они вынуждают буржуазию Запада и наших криминально-уголовных олигархов содрогаться в преддверии перехода от предыстории человечества к его подлинной истории — коммунизму. «В своем рациональном виде, — писал К. Маркс, — диалектика внушает буржуазии и ее доктринарам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹.

Сегодня в эпоху перехода от экономической общественной формации к постэкономической, коммунистической общественной формации, самое разумное и прогрессивное, что мог бы сделать капитализм на современной стадии развития, — уйти добровольно, поскольку это историческая необходимость или, если хотите, неперемное условие его дальнейшего развития. Эту истину не хотят понять и усвоить те, кто считает капитализм не отмирающим, а находящимся в своей зрелой стадии. Например, доктор философских наук А. Ципко пишет: «Мы полагали, что капитализм — это приговоренный к смерти старик, дышащий на ладан, а оказалось, что это добрый молодец, который только сейчас начал расправлять плечи»².

Александр Сергеевич Ципко сделал блестящую карьеру, популяризируя учение К. Маркса, положения «диалектического материализма», идеи «научного коммунизма», а став слугой ново-явленной российской буржуазии, он и ему подобные призывают

распрощаться с К. Марксом и марксизмом, а следовательно и с его диалектико-материалистическим методом познания. Идеологи антикоммунизма как в странах Запада, так и в постсоциалистических государствах выступали и выступают с отрицанием коммунизма как исторически неизбежной и закономерной стадии развития человеческого общества. Поэтому не случайно именно диалектика становится эпицентром идеологической борьбы между коммунистами и антикоммунистами.

К профессиональным антикоммунистам в странах Запада относятся Р. Арон, З. Бжезинский, П. Козловски, К. Поппер, Ф. Фукуяма и другие, а к основоположникам российского антикоммунизма — бывший идеолог ЦК КПСС А. Яковлев, а также помощник М. Горбачева Г. Шахназаров, «верный оруженосец» А. Яковлева А. Ципко и другие. Всплеск антикоммунизма имеет место во всех странах бывшего СССР и государствах Восточной Европы. Антикоммунисты говорят о якобы утопичности, ошибочности самой идеи коммунистического преобразования общества³.

В качестве методологической основы российскими антикоммунистами на вооружение взяты постулаты идеологов антикоммунизма Запада, фальсифицирующие коренные положения марксистского учения, и прежде всего о диалектике. В ниспровержении диалектики особое место среди западных идеологов антикоммунизма занимает Карл Поппер. Он усматривает антинаучность марксизма в том, что это учение опирается на диалектику. «Благодаря диалектике, — пишет К. Поппер, — марксизм стал догматизмом, который достаточно гибок, так как пользуется диалектическим методом, чтобы избежать возможных атак. И таким образом он стал тем, что я называю усиленным догматизмом»⁴.

«Догматизм — это разновидность метафизического метода познания объективной действительности, который состоит в восприятии того или иного учения, положения, теории и т. д. как законченной истины, независимо от конкретно-исторических условий ее проявления»⁵. В основе догматизма лежит не диалектика, а метафизика. Фальсификация сути диалектики К. Попперу необходима для того, чтобы обвинить марксизм во всех тяжких грехах: «утопизме», «историзме», «холизме» и даже «эссенциализме». Соответственно, утопизмом являются любые прогнозы будущего развития общества, в том числе и коммунистического общества.

Следует заметить, что проявление догматизма отдельными индивидами может быть и непреднамеренным. Индивиды, чье

сознание не выходит за пределы обыденного, как правило, мыслят метафизически. Поэтому в вопросах теории и практики они могут выступать с догматических позиций. Недостаточно глубокое, не творческое овладение диалектикой ведет к односторонности, косности мышления, к ошибкам догматического порядка.

Не этим ли объясняется тот факт, что рецидивы проявления догматизма в вопросах теории и практики имеют также место в современном коммунистическом и рабочем движении? Некоторые ученые-обществоведы продолжают настаивать на тех положениях, высказанных К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые либо еще не получили подтверждения, так как относятся к коммунистической стадии развития общества, либо реализовались не в полной мере в конкретно-исторических условиях раннего социализма.

Современные реалии довольно сильно отличаются от условий, в которых жили и творили К. Маркс и Ф. Энгельс. Марксизм был тесным образом связан с определенными практическими задачами той эпохи. Поэтому механически переносить отдельные вопросы теории и практики, сформулированные для одних условий, в другие конкретно-исторические условия не допустимо. Реалии XXI века требуют дальнейшего творческого развития марксизма. «Марксизм не догма, а руководство для действия» — эти слова Ф. Энгельса, о которых говорил В. И. Ленин, и в наше время актуальны как никогда.

Только научно-теоретическое, то есть диалектическое, мышление дает адекватное познание бытия, которое всегда находится в процессе становления, изменения, отмирания старого, отжившего и развития нового, нарождающегося. Диалектика — это мощное оружие как по преодолению проявления догматизма отдельными индивидами, так и в борьбе с фальсификаторами марксизма, идеологами антикоммунизма на современном этапе.

С одной стороны, мир действительно изменяется (а с ним — наши представления о мире и присущих ему законах и закономерностях). С другой — наступил ли тот качественный скачок, который дает основание утверждать, что «требуется не просто его [марксизма] развитие, а создание новой науки, отражающей реалии современного мира и включающей в себя все основные достижения научной мысли, которые выработало человечество в настоящее время»⁶⁷?

Никто не возражает против необходимости создания «своеобразной метатеории», которая, по утверждению Александра Митрофановича Ковалева, «...призвана раскрыть наиболее общие законы развития природы, общества и мышления с учетом послед-

них научных достижений, а также пути развития общества на более или менее длительную перспективу»⁷. Ноу-хау А. М. Ковалева состоит в том, что «...законы и категории материалистической диалектики сами должны быть объяснены из более глубоких законов, подобно тому, как объясняются и обосновываются законами и категориями материалистической диалектики закономерности более частного порядка»⁸. Мы же исходим из того факта, что современная эпоха вступает лишь в этап перехода от предыстории к подлинной истории человечества. И происходит этот переход в условиях экономической общественной формации, то есть предыстории человеческого общества со всеми вытекающими последствиями. Следовательно, законы и категории диалектики, разработанные К. Марксом и Ф. Энгельсом, не утратили своей истинности и в наши дни. Поэтому предметом исследования, как и прежде, остается капитализм, находящийся на завершающей стадии развития экономической общественной формации. Тщетны попытки всех тех, кто пытается доказать противоположное. Теория К. Маркса могла бы быть опровергнута лишь в том случае, если бы у кого-нибудь получилось доказать, что буржуазное общество может существовать и без товарных отношений. Как и при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса, «...товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества»⁹. Содержанием и целью современного капиталистического производства, какие бы новые формы оно ни принимало, по-прежнему является производство прибавочной стоимости.

Методологической основой исследования современного этапа развития капитализма и прогнозирования дальнейшего развития человеческого общества был и остается диалектико-материалистический метод познания. Приступая к рассмотрению диалектики как всеобщей теории развития — с одной стороны, а с другой — как всеобщего метода научного познания и прогнозирования, необходимо, на наш взгляд, остановиться на общепринятых в философской литературе формулировках (в качестве теории развития здесь рассматриваются понятия «диалектический материализм», «материалистическая диалектика» или «исторический материализм»), то есть на тех понятиях, которые составляют основу настоящего исследования.

Итак, что «касается диалектики, — пишет Ф. Энгельс, — то до сих пор она была исследована более или менее точным образом лишь двумя мыслителями: Аристотелем и Гегелем...»¹⁰. Ф. Эн-

гельс говорит о двух плодотворных формах диалектики в истории: «Первая — это греческая философия... У греков — именно потому, что они еще не дошли до расчленения, до анализа природы, — природа еще рассматривается в общем, как одно целое. Всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания»¹¹. «Второй формой диалектики... является классическая немецкая философия от Канта до Гегеля»¹².

«Заслугой Маркса, — отмечает Ф. Энгельс, — является то, что он впервые извлек снова на свет... забытый диалектический метод, указал на его связь с гегелевской диалектикой, а также на его отличие от последней и в то же время дал в «Капитале» применение этого метода к фактам определенной эмпирической науки, политической экономии... У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»¹³.

В чем же состоит то «рациональное зерно», открытое К. Марксом, о котором говорит Ф. Энгельс? «Рациональным зерном» являются законы диалектики. На этой основе только марксизм способен дать полное научное объяснение развития вообще, развития общества в частности, указать пути его будущего развития. В отличие от идеализма, который считает, что духовное предшествует материальному, материализм К. Маркса, напротив, утверждает, что материальное (материя) — первично, а духовное (сознание) — вторично.

«Философы, — пишет Ф. Энгельс, — разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма»¹⁴. Таким образом, термин «материалистическая диалектика» указывает на то, что диалектический подход К. Маркса ничего общего не имеет с идеализмом, противоположен ему.

Заслугой К. Маркса, как уже отмечалось, является то, что он извлек снова забытый диалектический метод, указав на его связь с гегелевской диалектикой. Дело в том, что материализм XVIII века (пройдя ряд ступеней развития) был преимущественно механическим, а метод исследования и мышления, по терминологии Гегеля, «метафизическим». «Перенесенный Бэконом и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления»¹⁵. Метафизика, или метафизический способ

мышления, — это, следовательно, такой способ мышления, который мыслит вещи, абстрагируясь от условий их существования, их изменения и развития. «Для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз и навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого»¹⁶. Значит, «диалектический материализм» противоположен метафизическому (хотя за последним признается необходимость в известных областях), а диалектический метод познания — метафизическому. Таким образом, термины «материалистическая диалектика» и «диалектический материализм» однопорядковые, но не тождественные. Первый указывает на то, что материалистический подход к диалектике является ключом к пониманию развития в самом материальном мире, а второй — что этот материальный мир находится в постоянном процессе движения и развития.

Именно диалектика (материалистическая) как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления ищет объяснение этого всеобщего развития, его движущую силу не в идеалистических и метафизических постулатах адептов капитализма, а внутри самих материальных процессов — во внутренних противоречиях, в борьбе противоположных сил, действующих во всяком процессе как в природе, обществе, так и в самом мышлении.

Не менее важной заслугой К. Маркса, а точнее — самой важной, является распространение материалистического взгляда не только на природу, но и на познание человеческого общества. Материалистическое понимание истории было величайшим открытием, сделанным К. Марксом. Следует уяснить, что в органическом единстве с материалистическим пониманием истории формируется и понятие «диалектический материализм», в то время как «...в буржуазной «марксологии» одной из ведущих является идея якобы несовместимости материалистического понимания истории с диалектикой»¹⁷.

В этой связи, на наш взгляд, не совсем корректным было употребление в марксистской философии таких терминов, как «диалектический материализм» и «исторический материализм». Дело в том, что ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс их не использовали. Они говорили о «диалектике» и «материалистическом понимании истории», писали о «материалистической диалектике» в противоположность идеалистическому их пониманию. В конце XIX века понятия «диалектический материализм» и «исторический материализм» употреблялись многими марксистами, в том

числе В. И. Лениным, но не как самостоятельные дисциплины, а в единстве с понятиями «диалектика», «материалистическая диалектика», «материалистическое понимание истории».

Деление марксистской философии на диалектический материализм и исторический материализм как самостоятельные дисциплины впервые осуществил Н. И. Бухарин в популярном учебнике по марксистской социологии¹⁸, а И. В. Сталин закрепил эти термины в написанном им в 1939 году очерке «О диалектическом и историческом материализме» для «Краткого курса» истории партии.

Определяя исторический материализм как распространение диалектического материализма на познание общественной жизни, некоторые ученые-обществоведы приходили к выводу о том, что исторический материализм существует независимо от диалектического материализма, представляет собой самостоятельную науку об обществе, а принцип материалистического понимания истории не оказывает влияния на принцип диалектического материализма, и наоборот. Указанная точка зрения основывается на утверждении о том, что марксистская философия делится на онтологию и гносеологию. Наиболее отчетливо это выражено в книге М. Н. Руткевича «Диалектический материализм»: «Исторический материализм есть распространение диалектического материализма на общественные явления, это марксистская социология, наука об общих законах жизни общества. Исторический материализм есть, безусловно, самостоятельная философская наука, выходящая за рамки философии как общего мировоззрения»¹⁹. На наш взгляд, существует единая наука «диалектика» — наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления в формах «диалектического материализма» и «материалистической диалектики». В зависимости от того, какую функцию выполняет диалектика, она выступает или как теория развития, или как метод научного познания. Заявив о том, что исторический материализм — это марксистская социология, М. Н. Руткевич совместил два уровня познания. К социологической эмпирической науке, как и к политической экономии, применим диалектический метод исходя из всеобщих законов развития не только общества, но и природы, а также человеческого мышления.

Следует согласиться с тем, что в бывшем СССР имел место «вульгарный истмат», «ставший частью официальной советской идеологии», который преподносится идеологами антикоммунизма как исходящий якобы от К. Маркса и Ф. Энгельса, а фактически не имеющий ничего общего с марксизмом²⁰.

И последнее. В бывшем СССР среди философов господствовала точка зрения, согласно которой закон единства и борьбы противоположностей трактовался односторонне. Источником развития социализма считалось соответствие, а не противоречие. Бытовало мнение, что положение В. И. Ленина об относительности единства и абсолютности борьбы противоположностей неприемлемо в отношении социализма. И хотя после войны И. В. Сталин сделал оговорку, что единство не исключает противоречия, до самого распада СССР (подтвердившего борьбу противоположностей) проблема диалектических противоречий как источника развития не получила позитивного освещения.

В 1990-м (за год до распада СССР) нами был дан ответ на вопрос, почему в стране возникло противоречие в сфере труда, не адекватное социализму, не исходящее из его сущности, а следовательно и не являющееся источником развития – напротив, оказавшееся фактором торможения. Были вскрыты причины негативных изменений в личностных элементах субъекта труда (в его потребностях и интересах, мотивах деятельности). Все это, в свою очередь, привело к обострению противоречий в социальной сфере: между личностью и обществом, личностью и социальной группой, личностью и коллективом и т. д. Предупреждалось, что «социализм полностью раскроет свою гуманистическую сущность, обретет истинное человеческое лицо только тогда, когда человек будет не на словах, а на деле не только субъектом труда, но и субъектом собственности»²¹. Произошло прямо противоположное: субъект труда стал наемной силой капитала.

В литературе по философии понятие «диалектика» определяется как наука или о наиболее общих законах, или о всеобщих законах развития природы, общества и мышления. Что это: тождественные понятия («наиболее общие» и «всеобщие») или все же однопорядковые, но не тождественные? Отождествление указанных терминов, на наш взгляд, исходит из недостаточно четкого перевода работ Ф. Энгельса. Если в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс говорит о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления²², то в «Диалектике природы» – о наиболее общих законах: законе перехода количества в качество и обратно, законе взаимного проникновения противоположностей и законе отрицания отрицания²³. Эти три закона действительно являются главными (основными), так как определяют сущность диалектической концепции развития, но не единственными.

Наряду с основными законами имеют место также всеобщие законы диалектики, конкретизирующие, дополняющие их. Например, законы взаимоотношения: содержания и формы, сущности и явления, возможности и действительности, причины и следствия, случайности и необходимости, единичного и всеобщего и т. д. (в литературе по философии они рассматриваются часто как важнейшие философские категории). Законы диалектики — как основные, так и неосновные — рассматриваются в категориях.

Категории — наиболее общие понятия, посредством которых выражаются не только законы диалектики, но и ее черты, а также принципы. Как всеобщие формы мышления, категории выполняют логико-интеграционную функцию, фиксируя наиболее универсальные свойства и отношения в мире. И если сам окружающий мир составляет систему закономерной взаимосвязи явлений и процессов в нем, то и категории также составляют определенную систему. Таким образом, диалектика не может быть наукой, не будучи системой категорий. Кроме того, диалектика как система категорий исходит из принципов: совпадения диалектики, логики и теории познания; единства логического и исторического; восхождения от абстрактного к конкретному; единства и развития.

О совпадении диалектики, логики и теории познания говорит В. И. Ленин в «Философских тетрадах»: «Если Магх не оставил «Логики» (с большой буквы), то он оставил логику «Капитала»... В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»²⁴. Итак, диалектика как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления одновременно тождественна теории познания и логике.

Исходя из идеи тождества диалектики, логики и теории познания В. И. Ленин дает определение логики: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира»²⁵. Логическое является отражением исторического в теоретической форме, а историческое обогащает теорию знанием истории предмета, его возникновения и развития. Логическое отражает не только историю предмета, но также и историю его познания. Поэтому единство логического и исторического — необходимая предпосылка для понимания процесса движения мышления, создания научной теории.

«От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»²⁶. В этих словах В. И. Ленина заложена суть принципа восхождения от абстрактного к конкретному и обратно. «На первом пути полное представление, — писал К. Маркс, — испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления»²⁷.

Таким образом, теория предмета дает ключ для изучения его истории, а исследование истории обогащает теорию, исправляет, дополняет и развивает ее. Например, теория коммунизма — ключ при изучении его истории (возникновения, становления, развития). Исследование истории (в прошлом и настоящем) обогащает теорию коммунизма, позволяет предвидеть (прогнозировать) будущее его развитие на основе опережающего отражения действительности. Овладеть теорией коммунизма можно на основе глубокого знания и понимания диалектической логики, диалектики логического и исторического.

Немаловажное значение имеет глубокое знание и понимание принципа единства, так как он выводит нас на закон «единства и борьбы противоположностей». «Вкратце, — писал В. И. Ленин, — диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития»²⁸. В наши дни это требует пояснений еще и по той простой причине, что до настоящего времени, как уже отмечалось выше, имеет место вульгаризация и фальсификация содержания как философского понятия «борьба», так и понятия «единство». Пояснения относительно «ядра диалектики» В. И. Ленин дает в «Философских тетрадах».

Основные выводы, изложенные В. И. Лениным в его работах, нашли отражение в монографии доктора философских наук Валерия Алексеевича Босенко «Всеобщая теория развития»²⁹. В ней, на наш взгляд, обстоятельно рассматривается диалектическое понимание противоречий, место единства в диалектике борьбы противоположностей, лежащих в основе «диалектического принципа развития». В. А. Босенко отмечает, что «противоречия (как и развитие и вообще диалектику) никто никогда не видел и не воспринимал непосредственно чувственным образом, что в принципе невозможно. Такое можно только понять»³⁰. С последним (пониманием противоречий) дело обстоит значительно сложнее, чем с представлением о нем. Дело в том, что в ходу имела и имеет

место так называемая «внешняя диалектика», у которой нет ничего общего с подлинно научной диалектикой. «Характерно, — пишет В. А. Босенко, — что такая внешняя «диалектика», которая фактически не есть диалектика, служит поводом для нападок на настоящую диалектику, особенно со стороны тех, кто пытается опозлить идею выражения противоречивости в понятиях»³¹.

Обвинение марксизма в догматизме со стороны К. Поппера и ему подобных осуществлялось с позиций «внешней диалектики», когда «сперва сводят все дело к внешним противоречиям, к несоответствиям, создают внешнюю противоречивость в отношениях понятий, а потом обрушиваются на идею противоречивости в сфере мышления, т. е. сперва создают софистическую карикатуру на противоречивость, а потом, выдавая это за подлинное, предлагают полюбоваться и убедиться в несостоятельности ... но не такого субъективистского создания, а «диалектики противоречивости»³², создавая впечатление, что «благодаря диалектике» марксизм становится догматизмом, а не наукой.

Фальсификация диалектики, ее основного закона — единства и борьбы противоположностей — обусловлена тем, что внутреннюю противоречивость (составляющую суть диалектики) подменяют (осознанно или нет) внешней. Отличие «внутренней противоречивости» от «внешней» состоит в том, что в первом случае мы имеем дело с противоположностями одной и той же сущности, а во втором, напротив, противоположностями выступают разные сущности. Первые являются подлинно диалектическими, а вторые представляют не противоположности, а крайности, они противоположны друг другу по своей сущности. Например, антагонизм, где крайности доведены до взаимоисключения, вплоть до самоуничтожения. Это (антагонизм) результат внешней противоположности. Ошибочным является и представленное в нашей литературе по философии деление противоречий на антагонистические и неантагонистические.

Принципы «единства» и «развития» составляют суть единства и борьбы противоположностей. «Единство» выступает со стороны формы. Это конкретный случай борьбы. Для нас важно уяснить, что во внутренней противоречивости — одна из сторон закона единства и борьбы противоположностей: «борьба» по отношению к «единству» носит абсолютный характер, а «единство» — относительный. «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей, — писал В. И. Ленин, — условно, временно, переходяще, относительно. Борьба взаимоисключающих противоположностей аб-

солютна, как абсолютно развитие, движение»³³. Борьба противоположностей, как уже отмечалось, — ядро, суть диалектики как теории развития. В основе этой теории лежит принцип развития (наряду с единством и борьбой противоположностей).

Содержание принципа развития достаточно полно раскрыто В. И. Лениным в «Философских тетрадах» и в работе «Карл Маркс». В «Философских тетрадах» В. И. Ленин, определяя диалектический принцип развития, противопоставляет его метафизическому. Он дает характеристику двум концепциям развития, имевшим место в истории. «Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, субъект etc). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «само»движения.

Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового»³⁴. Здесь, как видим, В. И. Лениным сформулированы и некоторые черты диалектики, наиболее полно представленные в работе «Карл Маркс»³⁵.

В. И. Ленин, как следует из вышеизложенного, в качестве основной черты диалектики выделяет «самодвижение». Другими чертами диалектики являются законы диалектики — такие, как «единство и борьба противоположностей», «отрицание отрицания», «превращение количества в качество», — но тогда, когда они применяются в теории познания и при прогнозировании. Характерной чертой выступают и «скачкообразность», и «перерывы постепенности» при переходе от старого качества к новому. «Неразрывная связь всех сторон явления, связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения», также составляет одну из важнейших черт диалектики. Этим, естественно, не исчерпывается список черт диалектики, но они составляют основу научного метода познания, методологию прогнозирования будущего развития.

Раскрыть суть развития не представляется возможным никак иначе, кроме как раскрыв содержание этих черт, но в предельно всеобщей форме. Возможность становится действительностью тогда, когда мы обращаемся к учению о развитии — диалектике. «Сказать «развитие» или сказать «диалектика» (которая есть теория развития), в сущности, — утверждает В. А. Босенко, — будет одно и то же. И в этом отношении пытаться рассматривать какое-нибудь явление вне развития — это все равно, что пытаться поставить его вне диалектики и ее законов»³⁶. Если диалектика — это наука о всеобщих законах движения как такового мира (материи), так и человеческого мышления, то возникает вопрос: каково соотношение, с одной стороны, «принципа развития», а с другой — «принципа движения»?

Ответ на поставленный вопрос лежит в плоскости рассмотрения его в единстве диалектики, логики, теории познания, онтологии и гносеологии. Идя методом восхождения от абстрактного к конкретному, научное знание продвигалось от абстрактно-одностороннего, внешнего — «движения» — к конкретному (единство в многообразии) — «развитию», где развитие уже не просто противоположность движению, не противостоящее ему, а составляющая его сущность, то есть самодвижение. Речь в данном случае идет о понятиях «движение» и «развитие» в предельно широком (всеобщем) значении, отражающем в теории познания внутреннюю сущность развития. Подразумевается, что развитие — это движение, которое включает в себя все те черты, которые присущи диалектике как всеобщей теории развития и методу научного познания. «С позиций диалектического понимания развития как всеобщего принципа движение и развитие в сущности есть одно и то же. В действительности есть одно: движение, которое всегда развитие. Собственно развитием называется то же самое движение, но со стороны его внутренней диалектической сущности — противоречивости, скачкообразности, непрерывности-прерывности, связи всего со всем, отрицания отрицания»³⁷.

Следует иметь в виду, что если «движение» представляет форму бытия материи, способ ее существования, то «развитие» отражает характер движения, движение со стороны его всеобщих законов развития природы, общества и мышления. Таким образом, речь идет не об отдельных формах движения материи, а о движении вообще как способе существования материи. Быть в развитии для материи означает находиться в абсолютном изменении, изменении вообще, в противоречивости, в превращении как способе своего существования. «Движение, — писал Ф. Энгельс, — рассматривае-

мое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением»³⁸. В этой связи большое значение имеют и положения, сформулированные Ф. Энгельсом, по вопросу о формах движения, о взаимных переходах различных форм движений друг в друга.

Ф. Энгельс одним из первых разработал классификацию наук с позиций диалектики, расположив их в определенном порядке, по мере их усложнения и движения от простейшей, низшей формы к все более сложным и высшим. На первом месте у него стоит механика, затем физика, после нее химия и, наконец, биология³⁹. Высшей же является социальная форма движения материи, где общество составляет особый уровень организации материи⁴⁰.

«Общественная жизнь — раскрытая книга диалектики». И читать ее необходимо в соответствии с теми законами, принципами и чертами, что составляют сущность диалектики как науки — с одной стороны, и как всеобщей теории общественного развития — с другой, а также как метода научного познания и прогнозирования. Следует согласиться с тем, что имеет смысл выделение (наряду с вышеизложенными) и принципа будущего как принципа познания общественного развития. Этот принцип означает выявление элементов будущего в настоящем, рассмотрение настоящего с точки зрения прогнозирования будущего⁴¹. Стоять на диалектической точке зрения, подчеркивал В. И. Ленин, значит, рассматривать «...движение всесторонне, принимая во внимание и прошлое и будущее»⁴².

В теории познания применительно к будущему следует исходить из опережающего отражения действительности, где прогнозируемое будущее — это движение от прошлого через настоящее в будущее. Прогнозируемое будущее становится возможным тогда, когда диалектику применяют как теорию познания к реальной действительности. «Всему познанию человека, — писал В. И. Ленин, — вообще свойственна диалектика»⁴³. Диалектика познает действительность и ее законы для того, чтобы познанные объективные закономерности превратить в метод дальнейшего познания и преобразования действительности.

Диалектика приобретает методологическое значение тогда, когда, обращенная к субъективной деятельности человека, становится методом, орудием мышления в познании объективной действительности. Исходя из идеи совпадения диалектики, логики и теории познания, еще раз подчеркнем, что законы диалектики

охватывают и область бытия (онтологию), и область мышления (гносеологию), а категории диалектики являются одновременно и логикой, и теорией познания, выполняя логическую функцию, отражая закономерности развития не только познавательного процесса, но и самого объективного мира. Именно с этих позиций мы переходим к рассмотрению диалектики как метода научного познания и прогнозирования.

В философском плане К. Маркс и Ф. Энгельс писали о диалектике не только как о всеобщей теории развития, но и как о всеобщем методе познания и преобразования действительности. Они исходили из того, что диалектика — это единая наука как о развитии мира, так и о его познании. Она не разделялась ими на онтологию и гносеологию. Ее законы охватывают как область бытия, так и область мышления. Различие состоит лишь в том, что в первом случае законы, принципы диалектики выступают как знание о самом материальном мире, его бытии, а во втором — как знание о методе познания и получения нового достоверного знания.

Иными словами, всякое научное знание, верно отражающее объективный мир, имеет значение и научного метода. Именно таким является марксистская философия, где диалектика представлена как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления, и на этой основе — как универсальный, всеобщий метод познания и преобразования мира. Диалектический метод как всеобщий метод познания и преобразования мира можно, на наш взгляд, определить как сознательное применение и использование всеобщих категорий диалектики, составляющих содержание всеобщих законов и принципов развития материального мира.

Всеобщий метод научного познания не отменяет, а предполагает наличие иных методов — таких, как анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрактное и конкретное, единство логического и исторического, а также других способов и приемов познания⁴⁴. В единстве теории и метода — важнейшая особенность диалектики. Это относится как к всеобщей теории развития и всеобщему методу познания, так и к теориям и методам на уровне особенного и единичного. Особенность состоит лишь в том, что теория более относительна и находится в постоянном развитии в соответствии с меняющимися объективными обстоятельствами. А метод более прочен и постоянен. Следует всегда иметь в виду, что диалектика как всеобщая теория развития и метод познания необходима всем без исключения конкретным наукам, так как дает общее представление о явлениях и процессах, происходящих в самом реальном

мире. Особенное (и единичное) выступает как конкретная форма проявления и общего, и всеобщего.

Всеобщее же проявляется с помощью законов диалектики: единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания, а также с помощью важнейших принципов диалектики. «Следовательно, — как справедливо отмечает П. В. Копнин, — метод одновременно является теорией, а теория — методом. Законы и категории марксистской философии различаются не тем, что одни являются законами и категориями метода, а другие — теории. Они отличаются по своему объективному содержанию, по тому, какую сторону, закономерность объективного мира они отражают. В соответствии с этим они являются и методом дальнейшего познания закономерностей действительности»⁴⁵, то есть выполняют прогностическую функцию.

Можно заключить, что все содержание марксистского учения о диалектике имеет методологическое значение. Это достигается, во-первых, тем, что все категории марксистской философии, не имея своего, независимого от принципов и законов диалектики, источника, тем не менее служат способом получения нового знания методом движения от известного к неизвестному, то есть выполняют методологическую функцию.

Во-вторых, категории диалектики, как мы знаем, имеют и логическое содержание. Они являются формами мышления. Именно поэтому диалектическая логика (в единстве с формальной логикой) является методологией научного познания. В данном случае речь идет не вообще о методологии, а о всеобщей методологии, в отличие от методологических проблем частных наук. Она (диалектическая логика) раскрывает методологическое значение содержания марксистской диалектики в целом, а не одной какой-либо его части. Всеобщую методологию можно определить как учение, включающее все элементы диалектики, в которых на основе знания объективных закономерностей определяется способ изучения и исследования реальной действительности. В элементы диалектики входят всеобщие законы диалектики, принципы исследования, основные черты диалектики, то есть все то, что составляет диалектику как научную систему.

Если система категорий диалектики лежит в основе всеобщей теории развития и служит методом дальнейшего научного познания и революционного преобразования действительности, то методология обращена к субъективной деятельности человека. Она связана с

объективным миром через содержание черт, принципов и законов диалектики и говорит о том, как человек должен относиться к явлениям и процессам, происходящим в мире, при их исследовании. Заметим, что в данном случае речь идет о субъективной диалектике как о теоретическом учении, а не как о стихийном отражении в мышлении людей объективной действительности. Следует проводить черту между объективной и субъективной диалектикой. «Так называемая объективная диалектика, — писал Ф. Энгельс, — царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга, соответственно, в более высокие формы»⁴⁶.

Диалектика как всеобщая теория развития и как метод научного познания выполняет не только методологическую функцию, но и объясняющую, прогностическую, а также праксеологическую. Знание законов и принципов диалектики позволяет объяснить с диалектико-материалистических позиций факты науки, а также явления и процессы, происходящие в реальной действительности, предвидеть тенденции развития в реальном мире, прогнозировать его будущее и на этой основе эффективно осуществлять практические действия по его преобразованию.

В чем же состоит прогностическая функция диалектики? Следует заметить, что прогнозирование представляет собой очень сложный процесс, включающий все элементы диалектики, то есть все то, что составляет диалектику как научную систему. Прогноз — это научно обоснованное знание о тенденциях развития объективного мира, его будущем. В логическом плане прогноз — это научное суждение о будущем, основывающееся на знании как прошлого, так и настоящего. Следовательно, прогностическая функция диалектики обусловлена тем, что в ней законы мышления и законы бытия едины по содержанию, но различны по форме своего существования. В сфере онтологии прогностическая функция является продуктом объективного мира. В гносеологии она связана с определенным отражением в научном познании, где предпосылкой прогностического отражения служит наличие определенной общности между прошлым, настоящим и будущим. Прогностическая функция в логике связана с тем, что категории диалектики являются логической формой всеобщих законов, принципов и черт диалектики. Здесь прогнозирование будущего составляет совокупность умозаключений о наблюдаемых явлениях и процессах как в природе, так и в обществе.

Необходимо подчеркнуть, что познание будущего основывается на признании познаваемости мира, на том, что человек вполне может познать как прошлое, так и настоящее, а на основе этого знания прогнозировать будущее. «Да кто же не знает, — ставил вопрос В. И. Ленин, — что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»⁴⁷. Это не означает, что будущее существует в настоящем. Зачатки будущего проявляются в тенденции, в движении, в восхождении из прошлого в настоящее, а из настоящего — в будущее. Здесь мы имеем дело с развитием господствующей тенденции в мире, а не с движением от высшего к низшему, что также имеет место в истории. Господствующая тенденция, как отмечал Ф. Энгельс, представляет причинную «связь того поступательного движения, которое сквозь все зигзаги и сквозь все временные попятные шаги прокладывает себе путь от низшего к высшему»⁴⁸. В поступательном движении — суть реализации на практике прогностической функции диалектики, ее законов, принципов и черт, применительно как к природе, так и к обществу. Естественно, всеобщие законы, принципы и черты диалектики следует рассматривать в их единстве, взаимопроникновении, а также в единой системе. Только в такой целостности они выступают основой саморазвития как в природе, так и в обществе.

На этой методологической основе К. Маркс и Ф. Энгельс смогли написать «Грядущую биографию планеты», создать учение, вошедшее в историю развития общества под названием марксизм. Учение К. Маркса и Ф. Энгельса о диалектике развития человеческого общества не утратило своей научной истинности и на современном этапе развития человечества. Рассматривая общество как саморазвивающуюся систему, надо иметь в виду не его внешнюю форму, а его внутреннюю сущность, исходить из его самодвижения на основе всеобщих законов и принципов, составляющих сущность диалектической концепции развития общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. Предисловие ко второму изданию//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 22.

² Ципко А. Наличие лжи, или Как заблудился призрак. — М., 1990. — С. 256.

³ Критический анализ взглядов идеологов российского антикоммунизма дан нами в брошюре «Антикоммунизм: история и современность» —К., 2003.

⁴ Цит. по кн.: Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. Ответ д-ру Карлу Попперу на его опровержение марксизма. — М., 1972. — С. 49—50.

⁵ Герасимов Е. Н. Гносеологические корни и социальная сущность догматизма: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. — К., 1967. — С. 6.

⁶ Ковалев А. М. Целостность и многообразие мира. Философские размышления. Том 1. — М., 1996. — С. 30.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Маркс К. Капитал. Т. 1. Предисловие к первому изданию//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 6.

¹⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы. Старое предисловие к «[анти]-Дюрингу». О диалектике//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 367.

¹¹ Там же. С. 369.

¹² Там же. С. 370.

¹³ Там же. С. 371.

¹⁴ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 21. — С. 283.

¹⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Введение. 1. Общие замечания//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 21.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Fromm E., Kattel K. Tendenzen der burgerlichen marxismus kritik. — DZfph, 1983, h. 2, s. 170.

¹⁸ См.: Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Полит. учеб. Марк. соч. — Х.; Екатеринославль. — 1922. — 315 с.; Проблемы теории и практики социализма. Учение Маркса и его историческое значение. II. Теория исторического материализма. — М., 1989. — С. 359 — 377.

¹⁹ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. — М., 1959. — С. 7.

²⁰ См.: Кара-Мурза С. Г. Опять вопросы вождям. Глава 7. Истмат и поражение советского проекта. — К., 1998; Истмат и проблема восток-запад. Исторический материализм: превращение научного метода в идеологическую доктрину. Исторический материализм: превращение метода в доктрину. Истмат: отход от диалектики. — М., 2001.

²¹ См.: Герасимов Е. Н. Противоречие труда и перестройка. — К., 1990. — УДК 331:330.001.73. Деп. 40715.

²² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 145.

²³ Энгельс Ф. Диалектика природы //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 384.

²⁴ Ленин В. И. Философские тетради//Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 301.

²⁵ Там же. С. 84.

²⁶ Там же. С. 152—153.

²⁷ Маркс К. Из рукописного наследия К. Маркса. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов). 3. Метод политической экономии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 12. — С. 727.

²⁸ Ленин В. И. Философские тетради//Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 203.

²⁹ Босенко В. А. Всеобщая теория развития. — К., 2001. С. 22 — 68.

³⁰ Там же. С. 22.

³¹ Там же. С. 24.

³² Там же. С. 24–25.

³³ Ленин В. И. Философские тетради. К вопросу о диалектике // Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 317.

³⁴ Там же. С. 317.

³⁵ В работе «Карл Маркс» В. И. Ленин, раскрывая содержание диалектического понимания развития, пишет: «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; – развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; – «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; – внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; – взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, – таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии». См.: Ленин В. И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 55.

³⁶ Босенко В. А. Всеобщая теория развития. – К., 2001. – С. 70.

³⁷ Там же. С. 73.

³⁸ Энгельс Ф. Диалектика природы. Основные формы движения // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 391.

³⁹ Энгельс Ф. Диалектика природы. [Формы движения материи. Классификация наук.] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20.

⁴⁰ Движение не может происходить иначе, кроме как в пространстве и во времени. Будем это иметь в виду при изложении социальной формы движения материи, поскольку «...бытие вне времени, – говорил Ф. Энгельс, – есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства». См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Отдел первый. Философия V. Натурфилософия. Время и пространство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 51.

⁴¹ См.: Материалистическая диалектика в пяти томах. Том 4. Диалектика общественного развития. Глава XVIII. Общественный прогресс. 1. Диалектика прошлого, настоящего и будущего в общественном развитии. – М., 1984.

⁴² Ленин В. И. Маркс об американском «черном переделе» // Полн. собр. соч. – Т. 10. – С. 58.

⁴³ Ленин В. И. Философские тетради. К вопросу о диалектике // Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 321.

⁴⁴ В научной литературе методы познания делятся на аналитические и синтетические, дедуктивные и редуктивные, по формальной и содержательной стороне познания. Методы познания делятся на методы научного исследования и методы научного доказательства. В работе не рассматриваются такие понятия, как «проблема», «гипотеза», «теория», являющиеся формами организации научного исследования.

⁴⁵ Копнин П. В. Диалектика как логика. – К., 1961. – С. 117–118.

⁴⁶ Энгельс Ф. Диалектика природы. Диалектика // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 526.

⁴⁷ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. – Т. 1. – С. 181.

⁴⁸ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 301.

II Содержание принципа тождества противоположностей

При изложении диалектики как всеобщей теории развития нами были раскрыты основные принципы диалектики, имеющие важное методологическое значение в познании общества и прогнозировании его развития.

Однако, исследуя общество как саморазвивающуюся систему, мы пришли к выводу о необходимости обоснования и формулирования принципа тождества противоположностей, так как он также имеет важное методологическое значение в познании общества и стадий его развития. Этот принцип лежит в основе закона диалектики единства и борьбы противоположностей, научной периодизации исторических этапов в развитии общества.

Обоснование принципа тождества противоположностей осуществляется нами вначале на уровне научной абстракции, с тем чтобы в последующем перейти к его применению при исследовании исторических этапов в развитии общества, не «натываясь», по выражению В. И. Ленина, на общие вопросы.

Если диалектику определяют как учение о единстве противоположностей¹, то вполне логично считать, что принципом познания объективного мира является и принцип тождества противоположностей. В законе единства и борьбы противоположностей он составляет один из важнейших элементов. В. И. Ленин считал, что тождество противоположностей — это «закон познания (и закон объективного мира)»². К сожалению, этот закон познания не получил дальнейшего развития в литературе по философии. Однако статус принципа в познании имеет силу закона. И наша задача — дать его обоснование, показать его значение для научной периодизации истории в общественном развитии.

При формулировании принципа тождества противоположностей следует иметь в виду, что термины «единство» и «тождество» в литературе употребляются как синонимы. В. И. Ленин, говоря о единстве, как правило, в скобках указывал и на тождество. Отличие этих терминов, по выражению В. И. Ленина, не особенно существенно. Это «признание (открытие) противоречивых, взаи-

моисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа, и общества в том числе)»³.

Сущность данного принципа сводится к разделению единого на взаимоисключающие противоположности и на этой основе — к дальнейшему развитию объективного мира в результате «борьбы» противоположностей. На вопрос «В чем суть диалектики?» В. И. Ленин отвечает: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики»⁴. Еще раньше, в подготовительных работах к «Анти-Дюрингу», Ф. Энгельс писал, что «истинное — естественное, историческое и диалектическое — отрицание как раз и есть (рассматриваемое со стороны формы) движущее начало всякого развития: разделение на противоположности, их борьба и разрешение, причем (в истории отчасти, в мышлении вполне). На основе приобретенного опыта вновь достигается первоначальный исходный пункт, но на более высокой ступени»⁵.

Если суть диалектики в раздвоении единого и познании противоположных частей его, то перед нами стоит задача — на уровне научной абстракции — определить это нечто единое в общественном развитии, его противоположные части, противоположные одна другой. И таким образом подойти к обоснованию научной истинности Марксовой периодизации истории.

На наш взгляд, это «нечто единое» — производство общественной жизни. В работе А. М. Ковалева «Диалектика способа производства общественной жизни» дается следующее определение: «Под способом производства общественной жизни (по терминологии Ф. Энгельса — «производство непосредственной жизни») понимается совокупность всех форм жизнедеятельности людей и их общественных отношений, которые направлены на производство и воспроизводство собственной жизни, а также средств к жизни и которые, будучи обусловлены определенными природными и социальными факторами, обеспечивают воспроизводство общества как целостного развивающегося социального организма»⁶. Абстрагируясь от конкретных форм жизнедеятельности людей и их общественных отношений, всеобщими категориями, обеспечивающими производство и воспроизводство общественной жизни, являются те, которые составляют как способ материального производства, так и способ производства собственной жизни. Учитывая, что способ материального производства как совокупность производительных сил и производственных отношений определяет способ производства всей общественной жиз-

ни, он нами берется за основу при формулировании принципа тождества противоположностей.

Здесь лишь заметим, что способ производства общественной жизни шире способа материального производства, так как в целом охватывает совокупные общественные производительные силы, где производительные силы способа материального производства, то есть люди, обладающие навыками и способностями к труду, а также средства производства служат основой совокупных производительных сил. Это относится и к общественным отношениям в целом, где производственные отношения выступают коренными, основополагающими. В способе производства общественной жизни, наряду со способом материального производства, А. М. Ковалев усматривает и способ производства собственной жизни. «Способ производства собственной жизни — это совокупность тех форм жизнедеятельности людей, которые направлены на производство (а также на обеспечение производства) самого человека, продолжение рода»⁷. В отличие от способа материального производства, способ производства собственной жизни является социально-биологической категорией, включающей два различных уровня — групповой и индивидуальный, или личностный, социальный и естественный.

Если «нечто единое» — это производство общественной жизни, то возникает вопрос: что же составляет его части, которые находятся в противоречии, противоположности друг к другу? На наш взгляд, таковыми являются категории «производство», «потребление», «распределение» и «обмен». Именно указанным категориям К. Маркс уделяет особое внимание в своих «Экономических рукописях 1857–1858 годов»⁸. В них «предмет исследования, — пишет К. Маркс, — это прежде всего материальное производство»⁹. Следовательно, материальное производство, как уже отмечалось, составляет основу способа производства общественной жизни. Исследуя производство на уровне научной абстракции, К. Маркс рассматривает взаимоотношение и взаимодействие между производством и потреблением, производством и распределением, производством и обменом (обращением)¹⁰. «Производство, — отмечает К. Маркс, — господствует как над самим собой во всей противоположности своих определений, так и над другими моментами»¹¹. Из этого можно заключить, что категория «производство» является определяющей в системе взаимодействующих в ней, по терминологии К. Маркса, моментов. «Результат, к которому мы пришли, — говорит К. Маркс, — заключается не в том, что производство, рас-

пределение, обмен и потребление идентичны, а в том, что все они образуют собой части целого, различия внутри единства»¹².

В процессе производства большое значение имеет категория «потребление». К. Маркс подробно останавливается на взаимодействии производства и потребления, подчеркивая, с одной стороны, что «акт производства, во всех своих моментах, есть также акт потребления»¹³, а с другой — что «потребление создает производство»¹⁴. К. Маркс указывает на то, что только в потреблении произведенный продукт становится действительно продуктом. Еще в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «...для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни»¹⁵. Это потребление в широком смысле слова. В узком смысле это расходование, потребление индивидуумом своих способностей, своей рабочей силы; это потребление средств производства, которые используются в процессе производства.

В широком смысле слова и тождество противоположностей между производством и потреблением состоит в том, что люди, как уже отмечалось, должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, то есть иметь все это в результате собственной производительной деятельности. Это, по терминологии Ф. Энгельса, «закон развития человеческой истории»¹⁶. В узком смысле слова речь идет о тождестве противоположностей между производством и потреблением в самом процессе производства. Под потреблением в данном случае, как уже было сказано, подразумевается потребление как рабочей силы, физической и умственной энергии, так и средств производства. «Непосредственное единство, в котором производство совпадает с потреблением и потребление — с производством, сохраняет их непосредственную раздвоенность»¹⁷. В этих словах К. Маркса достаточно емко сформулировано тождество противоположностей между производством и потреблением на уровне производственного процесса.

Сопутствующими основному принципу (тождества противоположностей между производством и потреблением) являются категории «потребности» и «интересы», «распределение» и «обмен». Они составляют связующие звенья (моменты) между производством и потреблением. Можно также сказать, что между потребностью и производством существует тождество противоположностей, так как «без потребности, — подчеркивал К. Маркс, — нет производства»¹⁸. Это — с одной стороны, а с другой — «именно потре-

бление воспроизводит потребность»¹⁹. В этих словах К. Маркса достаточно убедительно показано, что потребность в жизненных благах является тем связующим звеном, которое лежит между производством и потреблением, обеспечивая цикличность в развитии производства. Разве не тождество противоположностей между производством и потреблением имел в виду К. Маркс и тогда, когда писал: «Производство создает материал как внешний предмет для потребления; потребление создает потребность как внутренний предмет, как цель для производства»²⁰.

Потребность в том или ином предмете реализуется в акте его распределения. «Между производством и продуктом, — отмечал К. Маркс, — встает распределение, которое при помощи общественных законов определяет его долю в мире продуктов; следовательно, распределение становится между производством и потреблением»²¹. Таким образом, в системе производства распределение выполняет функцию обеспечения взаимодействия между ними.

Связующим звеном (моментом) между производством и потреблением выступает также обмен. Он находится между производством и распределением — с одной стороны, а также между производством и потреблением — с другой. Вот как об этом пишет К. Маркс: «Поскольку обмен есть лишь опосредствующий момент между производством и обусловленным им распределением, с одной стороны, и потреблением, с другой стороны, а потребление само выступает как момент производства, постольку и обмен, очевидно, заключен в производстве как его момент»²². Почему «обмен есть лишь опосредствующий момент между производством и распределением»? На наш взгляд, в силу того, что производство и обмен выполняют различные функции. Если производство может совершаться без обмена, указывал Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг», то обмен не может существовать без производства²³.

Как правило, понятие «производство» определяется как процесс потребления рабочей силы и средств производства, а также предметов личного потребления, необходимых для существования и развития человеческого общества. Основоположниками марксизма отмечается, что основным элементом всякого производства является целесообразная деятельность людей, их труд. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, — пишет К. Маркс, — процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»²⁴. Сопоставляя определения понятий «производство» и «труд», не будет преувели-

чением (исходя из тождества противоположностей между обществом и природой) объяснить производство как труд, в процессе которого, во взаимодействии с природой, люди создают необходимые потребительные стоимости (продукты), опосредствуя, регулируя и контролируя обмен веществ с природой, развивая в процессе производства (труда) свои способности и дарования. Таким образом, определяя производство через категорию труда, мы тем самым подчеркиваем их взаимосвязь и взаимообусловленность. В процессе производства (труда) люди присваивают (при этом производят, затрачивают труд) готовые продукты природы, используя при этом созданные ими искусственные орудия труда.

Из вышесказанного можно заключить, что общим моментом и производства, и труда является то, что это процессы, в которых происходит взаимодействие между субъектом (человеком, человечеством) и объектом (природой) и в которых имеют место три момента: целесообразная деятельность человека, или сам труд, предметы производства и труда, орудия труда и средства производства. Однако понятие «производство» шире по объему, так как труд входит в производство как его основа основ. Но несмотря на это различие они близки как по содержанию, так и по форме. И производство, и труд в узком смысле слова обозначают преобразование природы в целях удовлетворения насущных потребностей и интересов индивидуумов. В широком смысле слова и производство, и труд совпадают как по содержанию, так и по форме. Этим обусловлено то, что рассматривать их следует в неразрывном единстве при анализе принципа тождества противоположностей в сфере производства и труда. Причем всегда надо иметь в виду, что труд (в узком смысле слова) как целесообразная деятельность человека отличается от производства в широком смысле слова и по форме, и по содержанию. Целесообразная деятельность, или сам труд, реализуется в труде индивидуумов и в совокупном (совместном) труде, то есть на уровне особенного и единичного, но не всеобщего. Последнее возможно только на уровне научной абстракции. Это не удаляет нас от реального мира, а, напротив, приближает при его исследовании.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что через познание форм с помощью абстрактного мышления на основе практики человек раскрывает содержание объективно существующих в мире явлений и процессов. На основе единства (тождества) формы и содержания человек проникает в сущность процессов, происходящих в реальной действительности. Подчеркивая эту взаимосвязь, В. И. Ленин пишет: «Форма существенна. Сущность форми-

рована. Так или иначе в зависимости от сущности...»²⁵ По отношению к содержанию, нам представляется, также можно сказать, что форма содержательна, содержание формировано. Противоречивое единство (тождество) содержания и формы В. И. Ленин рассматривал как важнейший момент в понимании развития объективного мира. Раскрывая диалектику формы и содержания, он писал: «...борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания»²⁶. Как видим, взаимоотношение содержания и формы является одним из проявлений закона диалектики — закона единства и борьбы противоположностей.

На определенной ступени общественного развития между содержанием и формой происходит конфликт и возникает необходимость его разрешения. Это в полной мере касается и производства в широком смысле слова, когда наступает конфликт между производительными силами и производственными отношениями. И наша задача в этой связи — осуществить переход от анализа принципа тождества противоположностей с уровня научной абстракции к исследованию его проявления на различных ступенях общественного развития. Руководствуясь при этом тем, что «...даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстракции — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их»²⁷. Иными словами, если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени своего развития. Это в полной мере относится и к такой категории, как труд.

Диалектика содержания и формы труда присуща как объективному миру, так и познанию. Предметом познания для нас является анализ взаимоотношения содержания и формы труда на различных этапах развития человеческого общества. Следует постоянно помнить о том, что форма выражения содержания всегда зависит от конкретно-исторических условий. В конкретно-исторических условиях тождество противоположностей между содержанием и формой труда (как и между производством и потреблением) может представлять совпадение, равнодействие противоположностей, но оно, по выражению В. И. Ленина, «условно, временно, преходяще, относительно»²⁸. Наступает этап, когда вступает в силу «борьба» противоположностей, «сбрасывание формы, переделка содержания».

В соответствии с Марксовой периодизацией истории перед нами стоит задача показать, применяя принцип тождества противоположностей, когда в истории развития человеческого об-

щества имела место непосредственно общественная форма производства, в чем заключается ее отрицание и прогнозирование отрицания отрицания, то есть восстановление непосредственно общественного производства, но на более высокой стадии развития человеческого общества, то есть при коммунизме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. Философские тетради//Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 203.

² Там же. С. 316.

³ Там же. С. 317.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Энгельс Ф. Материалы к «Анти-Дюрингу». Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу»//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 20. — С. 640—641.

⁶ Ковалев А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. — М., 1982. — С. 40—41.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Маркс К. Из рукописного наследства К. Маркса. Введение. (Из экономических рукописей 1857—1858 годов)//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 12.

⁹ Там же. С. 709.

¹⁰ Маркс К. Из рукописного наследства К. Маркса. Введение. (Из экономических рукописей 1857—1858 годов) 1. Производство, потребление, распределение, обмен (обращение)//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 12.

¹¹ Там же. С. 725.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 716.

¹⁴ Там же. С. 717.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. — С. 26.

¹⁶ Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 19. — С. 350.

¹⁷ Маркс К. Из рукописного наследства К. Маркса. Введение. (Из экономических рукописей 1857—1858 годов)//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 12. — С. 717.

¹⁸ Там же. С. 718.

¹⁹ Маркс К. Из рукописного наследства К. Маркса. Введение. (Из экономических рукописей 1857—1858 годов)//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. — С. 718.

²⁰ Там же. С. 719.

²¹ Там же. С. 720.

²² Там же. С. 725.

²³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. — С. 150.

²⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. — С. 188.

²⁵ Ленин В. И. Философские тетради//Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 129.

²⁶ Там же. С. 203.

²⁷ Маркс К. Из рукописного наследства К. Маркса. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов)//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. — С. 731.

²⁸ Ленин В. И. Философские тетради//Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 317.

III

Тожество противоположностей между производством и потреблением в условиях первобытного способа производства

«Диалектика, — писал В. И. Ленин, — есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*, — при каких условиях они бывают тождественными»¹. На этот вопрос утвердительно можно ответить, что тождество противоположностей, например между производством и потреблением, имело место в условиях первобытного способа производства. В тех конкретно-исторических условиях производство во всех своих моментах, по терминологии К. Маркса, являлось и актом потребления, а потребление, в свою очередь, создавало производство². Между членами первобытного общества складывались отношения сотрудничества и взаимопомощи. Эти отношения находили отражение в непосредственном процессе производства, в способе соединения рабочей силы со средствами производства, в способе обмена деятельностью между членами первобытного общества, а также в способе распределения и потребления между ними произведенных ими продуктов.

Ведущее место в структуре производственных отношений отводилось собственности на средства производства, или, иными словами, соединению рабочей силы со средствами производства. Первобытный способ производства был подчинен главной задаче — производству необходимых продуктов для первобытного общества. Немаловажное значение в структуре первобытных отношений принадлежало распределению и потреблению произведенной продукции. Потреблением завершается процесс производства, после чего начинается его новый этап. Именно между производством и потреблением в первобытном обществе имело место тождество противоположностей.

Следует иметь в виду, что отношения и производства, и распределения, и потребления взаимосвязаны и взаимообусловлены между собой, одно не существует без другого. Поэтому только теоретически нам представляется возможным рассмотреть их в определенной последовательности. И при этом ответить на во-

просы: в чем состоит сущность непосредственно общинного способа производства, а также коллективной (общинной) формы труда; в чем специфика распределения и потребления продуктов в первобытном обществе?

Первобытный способ производства имеет ступени (фазы) своего развития. До сих пор для определения исторических этапов развития первобытного строя применялась периодизация, изложенная Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» на основе тезисов американского ученого Л. Г. Моргана. Эта периодизация исходила из предположения (не утверждения, а именно предположения) о существовании трех стадий в истории человечества: дикости, варварства и цивилизации. К первобытному способу производства относятся периоды дикости (присвоения готовых продуктов природы) и варварства (ведения скотоводства и земледелия) ³.

В настоящее время, опираясь на фактические данные, которыми располагает современная наука, большинство ученых придерживаются следующей периодизации ⁴: первобытное стадо, или родовое общество; родовой строй, или родовая община, включающая матриархат (материнский родовой строй), который сменяется патриархатом (патриархальный родовой строй); соседская (сельская, кочевая) община.

Об этапах развития первобытной истории пишет Е. И. Суименко в работе «Диалектика становления и развития отношений коллективизма». В ней речь также идет о раннем этапе, связанном с существованием первобытного стада; о втором этапе — этапе господства родового строя. Второму этапу, отмечает Е. И. Суименко, соответствует «...расцвет общинно-родовой коллективности, консолидирующие связи которой поддерживались и укреплялись не только объективными потребностями производства, но и субъективными, духовно-практическими ее механизмами — религиозно-нравственными установлениями, обычаями, общественной волей». Третий этап первобытной истории характеризуется им как этап разложения архаической формации ⁵.

И еще один пример. В работе А. М. Румянцева «Первобытный способ производства» первобытное общество подразделяется на первобытное присваивающее и воспроизводящее хозяйства. Первое из них включает первобытное человеческое стадо и первобытную родовую общину. Первобытному воспроизводящему хозяйству, по мере развития производительных сил, свойственно уже разложение первобытного способа производства, появление

частной собственности на средства производства, зарождение классов ⁶.

При характеристике принципа тождества противоположностей между производством и потреблением в условиях первобытного способа производства нами за основу исследования берется родовой строй, или родовая община, так как это наиболее развитая стадия, особенно в период матриархата. Родовой общине были свойственны такие черты первобытного способа производства, как коллективный характер труда и вместе с тем примитивные, недостаточно развитые орудия труда, коллективная собственность на средства производства, выступавшая в форме общинной собственности, уравнительное распределение, а следовательно и потребление продуктов труда. Соответственно, не существовало социального деления общества, отсутствовали классы и т. д. Одним словом, имели место непосредственно общинный способ производства, непосредственно общинная форма труда с непосредственным распределением и потреблением продуктов труда ⁷.

Остановимся несколько подробнее на характеристике основных черт первобытного способа производства, распределения и потребления, подтверждающих тождество противоположностей между производством и потреблением на данной стадии развития человеческого общества.

Непосредственно общинный (общественный) способ производства в условиях первобытного общества

Экономические закономерности первобытного общества исследовались основоположниками марксизма. Особое место в целом ряде работ, посвященных этой теме, занимают «Экономические рукописи 1857–1859 годов» К. Маркса, в которых раскрыта сущность отношений первобытной собственности на средства производства ⁸. Огромное значение имеет также работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» ⁹. В ней раскрываются основные черты и признаки отношений производства, обмена, распределения и потребления в первобытном обществе, что дает возможность понять те условия, в которых имело место тождество противоположностей между производством и потреблением. В «Немецкой идеологии», «Нищете философии», «Анти-Дюринге», «Диалектике природы» и многих других работах К. Маркс и Ф. Энгельс оставили огромное количество научных фрагментов, рассказывающих

о первобытном способе производства. На основе марксистской теории и методологии исследования первобытного общества издан довольно обширный массив литературы по первобытному способу производства¹⁰. Нам нет необходимости рассматривать первобытное общество во всех его проявлениях и фазах развития. Достаточно остановиться на ключевых моментах его развития в условиях родовой общины и ответить на ряд вопросов: в чем суть первобытного способа производства, каковы цели первобытного производства, что составляет его экономическую основу, чем обусловлен непосредственно общинный характер первобытного способа производства? Ответив на поставленные вопросы, мы тем самым уясним, при каких же условиях возможно было тождество противоположностей между производством и потреблением в первобытном обществе.

Наиболее емкое определение, составляющее суть производства, да и труда, дано Ф. Энгельсом. «Специализация руки, — писал Ф. Энгельс, — означает появление орудия, а орудие означает специфически человеческую деятельность, преобразующую обратное воздействие человека на природу — производство»¹¹. В этом процессе производство (труд) — основа существования и развития человека, главная отличительная черта его деятельности¹².

Следует заметить, что в научной литературе имеет место рассмотрение общественного производства в узком и широком значении. В узком — это собственно производство, а в широком — как собственно производство, так и распределение, обмен и потребление. «Нам представляется, что производство в общем смысле — это абстракция, которая находит конкретное воплощение в индивидуальном, совокупном или общественном труде. При индивидуальном производстве процесс производства совпадает по времени с процессом труда. В общественном производстве труд выступает одним из факторов производства, поскольку на любой стадии имеет место единство материально-вещественного содержания и общественной формы»¹³. Здесь следует заметить, что «всякое производство, — писал К. Маркс, — есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее»¹⁴. Не составляет исключения и первобытное общинное производство. Это также и процесс присвоения первобытными людьми готовых продуктов природы, и их производство с помощью простейших орудий труда. Из этого определения вытекает, что

субъектом первобытного общинного производства является не индивид, а первобытное человеческое общество. Иными словами, уже на стадии первобытного человеческого стада, не говоря даже о родовой общине, производство стало общественным, хотя и в самой примитивной форме. Содержанием указанного способа производства являлась производительная деятельность людей (производительные силы), а формой — производственные отношения. «Производительная деятельность, — пишет Е. И. Суименко, — это деятельность опредмечивания, а производительные силы — единство живого и прошлого овеществленного труда»¹⁵. Что же касается производственных отношений, то они характеризовались «...появлением качественно нового объективного состояния межиндивидуальных связей — первобытной коллективности, которая отвечала потребностям групповой охоты и других видов совместной деятельности»¹⁶.

В диалектическом единстве производительных сил и производственных отношений первобытное производство было первой формой по производству потребительных стоимостей для непосредственного их потребления членами как производящего, так и потребляющего первобытного общества. Внутри общины потреблялось в натуральной форме ее членами все, что было произведено их общим трудом и распределено между ними прямо и непосредственно. Производство потребительной стоимости, хотя и составляло цель первобытного производства, но при этом в центре внимания всегда находился сам производитель потребительных стоимостей и все его окружающее сообщество. К. Маркс в этой связи отмечал, что «...для добывания жизненных средств индивид ставился в такие условия, чтобы целью его было не приобретение богатства, а самостоятельное обеспечение своего существования, воспроизводство себя как члена общины, воспроизводство себя как собственника земельного участка и, в качестве такового, как члена общины»¹⁷. От себя добавим, что не только как собственника земельного участка, но и собственности общины в целом. Поскольку собственность является сознательным отношением к условиям производства как к своим собственным, постольку она осуществляется только через само производство. «Собственность, — пишет К. Маркс, — означает... первоначально не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства как к принадлежащим ему, как к своим собственным, как к предпосылкам, данным вместе с его собственным существованием, — отношение к ним как к природным предпосылкам его самого, образующим, так

сказать, лишь его удлиненное тело»¹⁸. Из этого определения вытекает, что индивид существует в качестве самого себя (субъективно) и в природных неорганических условиях (объективно).

Иными словами, специфика первобытного производства заключается в следующем:

в объективном единстве субъектов производства с их условиями производства, то есть в их отношении к всеобщему средству производства, к земле как к своей общей собственности;

в том, что господствующей формой собственности является коллективная (общинная) собственность, прежде всего на землю;

в том, что никто из членов первобытного общества не может быть отчужден от всеобщего средства производства — земли, от орудий труда и производимого продукта¹⁹;

в том, что личная собственность не выходила здесь за пределы общинной, коллективной собственности.

Таким образом, отношения в системе «человек — природа» и «человек — человек» в первобытном обществе сливаются в единый процесс материального производства. Это производство во всех своих отношениях являлось непосредственно общинным (общественным).

В чем же проявляется непосредственно общинный (общественный) характер первобытного производства? Как уже отмечалось, первобытное производство возникло как производство потребительных стоимостей для непосредственного потребления их членами первобытного коллектива. Это и предопределило коллективную трудовую деятельность, коллективный характер производства. Более того, главными чертами первобытного общества стали коллективный образ жизни, активное участие во всей совокупности общественных отношений²⁰. И к первобытному человеку относятся слова К. Маркса о том, что «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»²¹.

Исследуя генезис коллективных форм жизни в условиях первобытного общества, Е. И. Суименко ставит вопрос: «Почему коллективность стала необходимым атрибутом формирующегося человечества?»²². И далее дает достаточно аргументированный ответ. Во-первых, это детерминировано прежде всего потребностью выживания всех членов общества. Во-вторых, «...коллективность появляется тогда, когда индивидуальная человеческая

жизнь независимо от ее состояния воспринимается людьми как ценность или как святость, которую нужно беречь»²³. В-третьих, коллективность вызывается необходимостью совместного труда, его кооперацией для обеспечения условий существования и развития первобытного общества.

В этих условиях тип производства может быть только непосредственно общинным (общественным), а труд существовать в его непосредственно общинной (общественной) форме.

Труд – основа общинной (общественной) жизни первобытного общества

Истиной, не требующей доказательства, является то, что труд – основа существования как отдельного человека, так и общества в целом. «Труд – источник всякого богатства, утверждают политэкономы. Он действительно является таковым, – пишет Ф. Энгельс, – наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он – первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»²⁴.

Не касаясь вопроса, как, каким образом произошло становление предчеловека в человеческое состояние, отметим лишь, что это связано с превращением примитивных орудий труда в более совершенные по мере их изготовления с помощью тех же орудий труда. Благодаря труду реализовалась цель производства – создание если не богатства, то благ, для поддержания и воспроизводства жизни как отдельного индивида, так и первобытного общества в целом. Произведенные трудом предметы употреблялись в качестве пищи, а также как вещные условия жизни, в том числе и самого процесса труда. «...Удовлетворенная первая потребность (в пище, одежде, жилище и т. д. – *Е. Г.*), действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут, – пишут К. Маркс и Ф. Энгельс, – к новым потребностям...»²⁵ Иначе говоря, ведут к умножению необходимых благ или, по терминологии Ф. Энгельса, богатства.

В «Экономических рукописях 1857–1859 годов» К. Маркс уточняет, что целью труда становится не просто само по себе удовлетворение потребностей первобытных людей в средствах существования, а и обеспечение существования самого сообщества. «Цель всех этих общин – сохранение, т. е. воспроизводство обра-

зующих общину индивидов как собственников, т. е. воспроизводство их при том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину»²⁶.

В тех конкретно-исторических условиях труд отдельного лица, создававшего потребительную стоимость, идущую на потребление внутри общины, всегда был частью общинного (общественного) труда, выступавшего в самом процессе труда в его непосредственно общинной (общественной) форме. Иными словами, труд отдельного индивида существовал не окольным путем, а непосредственно как составная часть совокупного труда общины. В условиях первобытного общества категория «совокупный труд» не была промежуточной, а совпадала с категорией «общественный (общинный) труд». Совокупный труд нами определяется как «...совместный труд индивидов, объединенных на различных уровнях общности для осуществления целесообразной деятельности по производству средств производства и предметов потребления, труд, характеризующийся образованием новой производительной силы как индивидуального, так и самого совокупного труда»²⁷. Он включает как живой, так и овеществленный труд. Последний представлен в средствах и предметах труда, а живой — в способности индивида (умственной и физической) к труду. Это в полной мере касается и труда в первобытной общине, где частные работы отдельных индивидов осуществлялись как звенья совокупного (совместного) труда общины. Качественная определенность совокупного труда, характеризующаяся образованием новой производительной силы, достигалась благодаря тому, что «помимо той новой силы, которая возникает из сплочения многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии... увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц...»²⁸. Здесь, как видим, К. Маркс говорит не только о повышении индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы.

Создание новых производительных сил К. Маркс связывал прежде всего с применением простой кооперации. «Та форма труда, при которой много лиц планомерно работают рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, — пишет К. Маркс, — называется кооперацией»²⁹.

Благодаря кооперации каждый отдельный индивид первобытного общества является элементом определенной целостности, где целое (труд общины) больше механического сложения элементов его составляющих (труда индивидов)³⁰.

Следует заметить, что на ранних ступенях развития человеческого общества исключалась возможность обособления отдельных видов трудовой деятельности. Труд в течение многих веков существовал как единый, нерасчлененный процесс. Чем это объяснялось? Нерасчлененностью как индивидуального, так и коллективного сознания. Сознание первобытных людей было вплетено непосредственно в их материально-практическую деятельность и не имело самостоятельного значения. Здесь происходило совпадение как индивидуального, так и общинного (общественного) труда и по форме, и по содержанию³¹.

Содержание труда, трудовой деятельности вообще К. Марксом определялось как присвоение данного природой для человеческих потребностей в форме, пригодной для собственной жизни человека. Он писал: «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»³². Осуществляя свою сознательную цель, первобытный человек развивал и элементы творчества. Реализуя закон перемены труда, он не уповал, образно говоря, не «заикливался» на одной и той же трудовой операции. Это и обуславливало разносторонность в его развитии применительно к тем конкретно-историческим условиям.

Относительно форм труда надо иметь в виду, что они зависят от взаимодействия в сфере производительных сил (система «человек — природа»), с одной стороны, и тех взаимоотношений людей (система «человек — человек»), которые выходят за рамки производительных сил как таковых, хотя и обуславливаются последними, — с другой. Эту диалектическую связь между производительными силами (взаимоотношения в производстве) и производственными отношениями (взаимоотношения по производству) достаточно обстоятельно раскрывает А. М. Румянцев в работе «Первобытный способ производства». Он пишет: «Взаимоотношения в производстве... являются технико-производственными отношениями, воплощающими в себе обратное воздействие лю-

дей на природу, т. е. суть и действие производительных сил, непосредственного процесса труда как такового.

Взаимоотношения по производству необходимы для действия производительных сил, но не входят в них. Они выражают специфику присвоения как формы, внутри которой происходит развитие производительных сил. Взаимоотношения по производству воплощают в себе отношения между людьми в связи с их отношением к средствам производства как к своим, общим... Эти отношения и являются отношениями собственности на средства производства в широком смысле слова, ибо они охватывают соединение рабочей силы со средствами производства, обмен между членами общества их деятельностью, распределение и потребление ими произведенных продуктов»³³.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в условиях первобытного способа производства имело место тождество противоположностей между производством и потреблением на уровне производственного процесса. Это подтверждается и тем, что в условиях первобытного общества существовало тождество противоположностей между производительными силами и производственными отношениями, между содержанием и формой совокупного (совместного) труда, в силу их непосредственно общинного (общественного) характера как первобытного производства, так и труда.

Производство в широком смысле слова, как мы уже знаем, в качестве связующего звена между производством и потреблением предполагает распределение, а также обмен, который находится как между производством и распределением, так и между производством и потреблением. И наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть категории «распределение» и «обмен» в системе «производство — потребление».

Распределение и обмен в системе «производство — потребление»

При исследовании содержания принципа тождества противоположностей нами было указано, со ссылкой на К. Маркса, на диалектическую взаимосвязь и взаимообусловленность понятий «производство», «распределение», «обмен» и «потребление». Отмечалось, что все они, по словам К. Маркса, образуют нечто целое и вместе с тем имеют различия, но внутри единства³⁴.

Остановимся несколько подробнее на понятиях «распределение» и «обмен», которые являются связующими звеньями между производством и потреблением. Звеньями, образующими нечто единое, — производство в широком смысле слова, то есть производство и воспроизводство общинной (общественной) жизни как таковой. На наш взгляд, начинать изложение следует с понятия не «распределение», а «обмен»³⁵.

В условиях первобытного общества обмен — это прежде всего обмен деятельностью между членами общества. Сопутствует этому непосредственно общинный способ производства, соединение членов общества со средствами производства как с общей собственностью, кооперативная форма труда и т. п.

Все это и обуславливало естественно организованный обмен трудовой деятельностью между членами общества. Конкретно это выражалось в первую очередь в том, что каждый член общества производил необходимый продукт для всего общества в целом. Именно в этом и проявлялся обмен деятельностью. Кооперация здесь служила лишь формой обмена деятельностью.

Противопоставляя товарному обмену прямой обмен и распределение в условиях первобытного общества, Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг» писал о том, что «члены общины объединены для производства непосредственно общественной связью, труд распределяется согласно обычаю и потребностям, и таким же образом распределяются продукты, поскольку они идут на потребление. Непосредственно общественное производство, как и прямое распределение, исключает всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары (по крайней мере внутри общины), а значит и превращение их в стоимость»³⁶.

Распределение продуктов согласно обычаю и потребностям означает, что результат общего труда принадлежит обществу в целом, а не его отдельному члену; имеет место равное удовлетворение потребностей всех членов общества в производимом продукте. В силу низкого уровня развития производительных сил и наличия общинной собственности на средства производства, в первобытном обществе господствовало уравнительное (равнодоставочное) распределение продукта, произведенного в результате совместной деятельности.

Уравнительное распределение не без основания считают объективным экономическим законом первобытного общества. «В первобытном обществе, в фазе присваивающего хозяйства, — пишет по этому поводу А. М. Румянцев, — труд отдельного индиви-

да выступает непосредственно как функция члена общественного организма, т. е. индивид функционирует лишь как орган данного социального организма. В этих условиях коллективно собранная (и создаваемая. — *Е. Г.*) продукция распределяется уравнилельно, обеспечивая равнодостояточное (иногда в избылии, иногда в скудном объеме) получение каждым пищи, необходимой для его жизни как члена общественного организма и воспроизведения сообщества как сообщества в его целостности»³⁷.

Таким образом, распределение, будучи связующим звеном между производством и потреблением, выполняет функцию обеспечения тождества противоположностей между ними. Необходимый продукт, подлежащий распределению, представлял не что иное, как потребительную стоимость, подлежащую потреблению. В тех конкретно-исторических условиях «экономической целью, — отмечает К. Маркс, — является производство потребительных стоимостей, воспроизводство индивида в тех определенных отношениях его к общине»³⁸. Именно здесь потребительные стоимости производились непосредственно для потребления общиной.

Потребление распределенного внутри общины продукта (произведенной потребительной стоимости) означает, с одной стороны, потребление средств существования, то есть личное потребление, воспроизводящее жизненные силы членов сообщества, а с другой стороны, потребление средств производства, то есть производительное потребление. Если личное потребление было основным типом потребления в условиях родовой общины, то по мере перехода к соседской общине, или, по терминологии А. М. Румянцева, к первобытному воспроизводящему хозяйству, производительное потребление, напротив, становится все более значимым в общем процессе производства, превращаясь в главное условие производства средств существования, обеспечения дальнейшего развития производительных сил, совершенствования техники и технологии общественного производства, получения прибавочного продукта и т. д.

Однако положительное в одном отношении становится своей противоположностью в другом. Имеют место индивидуализация первобытного производства, дальнейшее углубление разделения труда, превращение продукта труда в товар, возникновение частной собственности на средства производства, появление классов. Между производством и потреблением возникает противоречие, принимающее по мере его углубления антагонистический ха-

ракти. На завершающей стадии (фазе) первобытной соседской общины наступает переходный этап от первобытного общества к обществу рабовладельческому, или феодальному. По терминологии К. Маркса, община «является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной»³⁹. На наш взгляд, речь должна идти не вообще о земледельческой общине, а о ее завершающей стадии – соседской общине в условиях воспроизводящего хозяйства. О переходе от первичной, то есть архаической общественной формации к вторичной, экономической общественной формации. Под экономической общественной формацией в данном случае имеются в виду не экономические отношения вообще, которые существовали и в первобытном обществе, а экономические отношения применительно к периоду, основанному на частной собственности и эксплуатации человека человеком.

Конфликт между производством и потреблением на завершающей стадии развития первобытного способа производства

Переход от архаической общественной формации к экономической общественной формации представлял длительный исторический процесс, составивший целую эпоху в развитии человеческого общества. Эту эпоху обоснованно считают первым переходным периодом в развитии человечества⁴⁰. «...Внедрение частной собственности на место общественной – трудный и длительный процесс, – пишет Л. А. Гриффен, – составивший огромную эпоху в развитии человечества, эпоху распада родового общества и подготовки к формированию общества классового, эпоху постепенного выделения производства в самостоятельную, относительно оторванную от других (и определяющую другие) область общественной жизнедеятельности, эпоху, создающую основу для дробления первоначально единого, но локального, общественного организма на его составляющие – индивидов (с сохранением, однако, общественной сущности последних) при развитии и укреплении связей между прежде разделенными общественными образованиями, эпоху завершения первого фундаментального этапа развития – первый переходный период в развитии человечества»⁴¹.

Остановимся кратко на тех предпосылках, которые сопутствовали разложению первобытного способа производства. Ими, на наш взгляд, являлись прежде всего: дальнейшее развитие произ-

водительных сил, появление прибавочного продукта, углубление разделения труда, разрастание индивидуализации первобытного производства, превращение продукта индивидуального труда в товар и т. д.

Завершающий этап развития первобытного общества характеризовался значительным прогрессом в технике и технологии общинного (общественного) производства. В чем это конкретно выражалось? В том, что ранее сложившаяся общая (общинная) собственность на средства производства и соответствующий коллективный (кооперативный) характер производства и труда стимулировали развитие производительных сил. Развитию производительных сил способствовал и переход к более совершенным орудиям труда, изготовленным из железа, широкое использование которых стало возможным тогда, когда люди научились выплавлять железо из руды. Появились орудия как земледельческого, так и скотоводческого производства и труда (топоры, мотыги, лопаты, рыболовные крючки, деревообрабатывающие инструменты и т. д.).

Важно подчеркнуть, что это был качественно новый этап в применении техники и более совершенной технологии. Произошел переход от техники собирательства и охоты к технике земледелия и скотоводства. Орудия труда стали основными искусственными рабочими органами человека, значительно увеличив тем самым его производительную силу.

С ростом производительных сил человек стал создавать своим трудом большее количество продуктов, чем это было необходимо для непосредственного поддержания как его собственной жизни, так и общества в целом. В развитии первобытного общества появляется принципиально новое явление — прибавочный труд, а с ним и прибавочный продукт, то есть определенный избыток продуктов над непосредственными потребностями общины. Верно, производство прибавочного продукта (избытка) в первобытном обществе не являлось еще насущной потребностью. Избыток — это вначале непреднамеренное следствие применения новой техники и технологии как в земледелии, так и в скотоводстве (в данном случае речь идет об избытке зерна и скота). В этой связи, как отмечал К. Маркс, «...если в какой-нибудь общественно-экономической формации преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким

кругом потребностей...»⁴². Эти слова К. Маркса прямо и непосредственно относятся к первобытному обществу, к архаической общественной формации, так как первобытное производство, как мы уже знаем, возникает как производство потребительных стоимостей, причем для узкого круга потребителей – первобытной общины.

Развитию производительных сил, производству прибавочного продукта сопутствовало и первое крупное общественное разделение труда, а именно выделение скотоводческих, пастушеских племен, то есть наряду с земледелием развивается и скотоводство. На первое крупное общественное разделение труда указывал Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». «Пастушеские племена, – писал он, – выделились из остальной массы варваров – это было первое крупное общественное разделение труда»⁴³. Вторым крупным общественным разделением труда являлось выделение в общинах (из земледельческого и скотоводческого труда) ремесленного труда. Разделение труда способствовало специализации, а следовательно и повышению производительности труда, созданию прибавочного продукта.

Продукт труда, произведенный не для личного потребления (прибавочный продукт), а для обмена, называется товаром. Первоначально этот обмен происходил не между отдельными производителями, а между соседскими общинами. Если на начальной стадии это был обмен, обусловленный естественными факторами, в частности различиями среды существования отдельных групп людей, различиями в способе производства и в производимом продукте, то «...развитие продуктов в товары, – пишет К. Маркс, – возникает вследствие обмена между различными общинами, а не между членами одной и той же общины»⁴⁴. Товар, как мы уже знаем, теряет для потребителя потребительную стоимость, приобретая меновую стоимость. Товары начинают обмениваться в соответствии с количеством и качеством затраченного на их производство труда.

На смену закону потребительной стоимости приходит закон стоимости – закон товарного производства со всеми вытекающими последствиями. «Прогресс производительных сил в поздних родоплеменных объединениях, – отмечает Е. И. Суименко, – подорвал коллективно-общинный труд и его непосредственно общественный характер»⁴⁵. Что это – парадокс? Нет, диалектика общественной жизни. Прогресс производительных сил в тех

конкретно-исторических условиях способствовал индивидуализации первобытного производства, соответственно и имущественной дифференциации. Первобытные коллективные рамки производства, распределения и потребления становятся уже недостаточными. Возникло противоречие между производительными силами и ставшими тормозом в их развитии производственными отношениями — отношениями общей собственности на все средства производства.

Характерными чертами первобытного способа производства на его завершающей стадии развития, связанной с переходом от архаической общественной формации к экономической общественной формации, являлись: дальнейшее развитие товарного производства, возникновение денег — особого товара, выступающего всеобщим эквивалентом и образующего товарно-денежные отношения. Развитие товарного обмена приводит в дальнейшем к третьему, крупному общественному разделению труда, выделению лиц, которые специально занимаются обменом товара (купцы, ростовщики и т. д.).

В этот период возникает частная собственность, а с ней происходит и разложение общинной собственности. В основе появления частной собственности лежал объективный процесс — индивидуализация первобытного производства. В недрах родовой общины формируются отдельные семьи, которые постепенно создают свое обособленное хозяйство. Так в рамках родовой общины рождается обособленная собственность на средства производства, а позднее и на землю. Термин «обособленная собственность» первым употребил Ф. Энгельс, рассматривая проблемы частной собственности. «...На пороге достоверной истории, — писал он, — мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей...»⁴⁶

И хотя обособленная собственность еще не является по своей сути частной собственностью (включающей в себя эксплуатацию человека человеком), но она — преддверие становления частной собственности. Наблюдается распад родовой общины и развитие соседской (сельской) общины.

Основной чертой соседской (сельской) общины является, по выражению К. Маркса, ее дуализм, то есть двойственность, вытекающая из сочетания элементов коллективной и обособленной (частной) собственности. Индивидуальная семья имела свой дом и свое обособленное хозяйство. В собственность отдельных семей вначале переходят приусадебные участки, а

затем и пахотная земля. Коллективная (общинная) собственность на землю вытесняется, превращаясь в частную.

В письме к В. И. Засулич К. Маркс указывал: «...Община носит в своих собственных недрах элементы своей гибели. Частная земельная собственность уже проникла в нее в виде дома с его сельским двором, который может превратиться в крепость, откуда готовится наступление на общую землю... Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»⁴⁷.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс рассматривает возникновение частной собственности в тесной связи с такой категорией, как «отчуждение труда». «Частная собственность, — отмечает К. Маркс, — есть продукт, результат, необходимое следствие отчужденного труда»⁴⁸. К. Маркс рассматривает отчуждение труда как принудительное принуждение, как отчуждение не только от продукта труда, но и человека от человека. «Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой общности, является отчуждение человека от человека»⁴⁹. Этот процесс представлял собой экономическую основу становления классового общества, пришедшего на смену бесклассовому обществу. Появились и первые формы эксплуатации человека человеком. Распоряжение собственником средств производства чужой рабочей силой составляет сущность частной собственности.

Как отмечалось выше, индивидуализация производства, развитие имущественной дифференциации, концентрация вещественного богатства в одних руках, то есть «образование первобытной аристократии», по терминологии Ф. Энгельса⁵⁰, подготовили появление классов и возникновение антагонизма между ними. «Первобытной аристократии» необходима была дополнительная рабочая сила. Расслоение общины сопровождалось зависимостью одной части общины от другой. Как писал Ф. Энгельс, «чем больше продукты общины принимают товарную форму, т. е. чем меньшая часть их производится для собственного потребления производителя и чем большая для целей обмена, чем больше обмен вытесняет также и внутри общины первоначальное, стихийно сложившееся разделение труда, — тем более неравным становится имущественное положение отдельных членов общи-

ны, тем глубже подрывается старое общинное землевладение, тем быстрее община идет навстречу своему разложению...»⁵¹.

Неслучайно, что именно соседская (сельская) община становится исходным пунктом становления классового общества, так как возникает рабство, то есть насильственное принуждение людей, лишенных свободы и находившихся в собственности тех, кто владел средствами производства. На смену так называемому патриархальному (домашнему) рабству, «где жены и дети – рабы мужчины»⁵², приходит открытое рабство, открытая форма эксплуатации человека человеком. И если «...сама община и союз, к которому принадлежала эта община, еще не выделяли из своей среды свободных, избыточных рабочих сил. Зато их, – отмечал Ф. Энгельс, – доставляла война»⁵³.

В результате межобщинных столкновений (войн) военнопленных превращали в новое «орудие производства» – рабов. «...Возникло общество, – писал Ф. Энгельс, – которое в силу всех своих экономических условий жизни должно было расколоться на свободных и рабов, на эксплуататоров-богачей и эксплуатируемых бедняков, общество, которое не только не могло вновь примирить эти противоположности, но должно было все больше обострять их. Такое общество могло существовать только в непрерывающейся открытой борьбе между этими классами или же под господством третьей силы, которая, якобы стоя над взаимно борющимися классами, подавляла их открытые столкновения и допускала классовую борьбу самое большее только в экономической области, в так называемой законной форме. Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием – расколом общества на классы. Он был заменен государством»⁵⁴.

Переходный период завершился со сменой архаической общественной формации экономической общественной формацией (под последней мы понимаем качественную смену экономических общественных отношений). Имела место первая в истории человеческого общества социальная революция⁵⁵, то есть радикальный разрыв непрерывности, отрицание всех тех условий, которые обеспечивали тождество противоположностей между производством и потреблением в первобытном обществе.

Итак, условиями, при которых только и могло быть тождество противоположностей между производством и потреблением в первобытном обществе, являлись:

– непосредственно общинный (общественный) характер производства, производящий лишь потребительные стоимости для непосредственного потребления первобытным обществом;

– непосредственно общинная (общественная) форма труда, где труд был опосредован самой общиной, так как она являлась основой, базисом как труда, так и производства;

– те связи и элементы, которые были содержанием труда общины и из которых складывалась совместная целесообразная производственная деятельность людей в результате их объединения в единый трудовой процесс по созданию необходимой потребительной стоимости;

– общинная (общая, общественная) собственность на орудия труда и средства производства, а также на производимый продукт;

– закон перемены труда и обмена деятельностью, который был основным законом труда;

– равнодостаточные, уравнивательные (то есть по возможности) распределение и потребление произведенных продуктов;

– отношения между членами сообщества, строившиеся по принципу сотрудничества и взаимопомощи.

Эти условия, обеспечивающие тождество противоположностей между производством и потреблением в первобытном обществе, были «взорваны», особенно с переходом к товарному производству в его наиболее зрелой, развитой форме – капиталистической.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ленин В. И. Философские тетради//Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 98.

² См.: Маркс К. Из рукописного наследия К. Маркса. Введение. (Из экономических рукописей 1857–1858 годов)//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 12. – С. 716, 717.

³ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1. Доисторические ступени культуры. 1. Дикость. 2. Варварство//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 21.

⁴ Рачинский Ю. М. Докапиталистические способы производства и их современные формы. – М., 1986. – С. 53.

⁵ Суименко Е. И. Диалектика становления и развития отношений коллективизма. – К., 1988. – С. 82.

⁶ См.: Румянцев А. М. Первобытный способ производства: Политико-экономический очерк. Очерк десятый. Разложение первобытного способа производства. — М., 1987.

⁷ Особое внимание к родовой общине при исследовании тождества противоположностей между производством и потреблением в условиях первобытного общества обусловлено не только тем, что она наиболее развитая стадия первобытного общества, но и тем, что между первобытным стадом, родовой общиной и соседской общиной (воспроизводящим хозяйством) нет резкой границы. Переход от одной стадии (фазы) к другой, от первобытного стада к родовой общине и от нее к соседской, по существу, не менял сути самого способа производства. В нем на всех этапах сохранялся коллективный характер организации производства и труда, а также распределения и потребления коллективно произведенного продукта. Имели место единство, сотрудничество, взаимовыручка между членами общины во всех сферах общественной жизни.

⁸ См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. [Б] Формы, предшествующие капиталистическому производству [1] Природные и экономические предпосылки присвоения индивидом объективных условий труда. Различные формы общины]//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 461—508.

⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 21.

¹⁰ См.: Анисимов А. Ф. Духовная жизнь первобытного общества. — М., 1966; Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человека. — Л., 1979; Герасимов М. М. Люди каменного века. — М., 1964; История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. — Т. 1—2. — М., 1986; Первобытное общество. Основные проблемы развития. — М., 1975; Рачинский Ю. М. Докапиталистические способы производства и их современные формы. — М., 1986; Румянцев А. М. Первобытный способ производства: Политико-экономический очерк. — М., 1987; Семенов Ю. И. Как возникло человечество. — М., 1966 и др.

¹¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. Введение//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 20. — С. 357.

¹² Если мы определяем труд как способ существования человека, то это в полной мере относится и к способу производства. Различие состоит в том, что если понятие «труд» относится к деятельности отдельного индивида, то понятие «производство» — к обществу в целом.

¹³ Герасимов Е. Н. Диалектика труда и совершенствование социализма. Вопросы теории и практики. — К., 1987. — С. 40.

¹⁴ Маркс К. Из рукописного наследия К. Маркса. Введение. (Из экономических рукописей 1857—1858 годов)//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 12. — С. 713.

¹⁵ Суименко Е. И. Диалектика становления и развития отношений коллективизма. — К., 1988. — С. 20.

¹⁶ Там же. С. 73.

¹⁷ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 467.

¹⁸ Там же. С. 480.

¹⁹ «...Собственность человека на окружающую его природу, — писал К. Маркс, — всегда предварительно опосредствуется его бытием в качестве члена общины, семьи, рода и т. д., его отношением к другим людям, которое обуславливает и его отношение к природе». См.: Маркс К. Капитал. Т. IV. Теория прибавочной стоимости. [Глава двадцать третья] Шербюлье//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 26. — Ч. III. — С. 391.

²⁰ Термин «коллективность» не тождествен термину «коллективизм». «Коллективность — это функционирующая и развивающаяся в общественно-историческом процессе всеобщая форма консолидирующих взаимодействий, связей и отношений людей по поводу творчески-созидательной их деятельности на основе приоритета общественного интереса и борьбы за этот приоритет» — так определяет коллективность доктор философских наук Евгений Иванович Суименко. И далее он пишет: «В отличие от коллективности коллективизм есть высшая степень проявления коллективности и концентрированное выражение ее свойств в процессе зарождения, созидания и развития нового, социалистического (коммунистического) образа жизни, общественных отношений, разнообразных видов деятельности, духовной жизни людей» См.: Суименко Е. И. Диалектика становления и развития отношений коллективизма. — К., 1988. — С. 29.

²¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 3. — С. 3.

²² Суименко Е. И. Диалектика становления и развития отношений коллективизма. — К., 1988. — С. 69.

²³ Там же. С. 77.

²⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 20. — С. 486.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 3. — С. 27.

²⁶ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 483.

²⁷ Герасимов Е. Н. Диалектика труда и совершенствование социализма. Вопросы теории и практики. — К., 1987. — С. 17.

²⁸ Маркс К. Капитал. Т. 1. Отдел четвертый. Производство относительной прибавочной стоимости. Глава одиннадцатая. Кооперация//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 337.

²⁹ Там же.

³⁰ В научной литературе, на наш взгляд, происходит смешивание понятий «кооперация как форма совокупного труда», «кооперация как форма организации производства» и «кооперация как форма (вид) общественно полезной деятельности». В первом случае речь идет о форме связи между индивидами, участвующими в одном или в разных, но связанных между собой процессах труда. Что касается «кооперации как формы организации производства» (а соответственно и труда), то здесь, по нашему мнению, проявляется не внутренняя, а внешняя сторона формы совокупного труда, в частности кооперации. А «кооперация как форма (вид) общественно полезной деятельности» составляет особую, самостоятельную сферу общественно полезной деятельности, основанной на кооперативной собственности. См.: Герасимов Е. Н. Кооперация и перестройка. — К., 1989. — С. 4.

³¹ Содержание и форма индивидуального, совокупного и общественного труда всегда определяются реально существующим обществом. Истории известно пять основных этапов взаимодействия субъекта (общества) и объекта (природы) и соответственно пять типов проявления диалектики содержания и формы труда, обусловленных определенной общественной формой собственности на орудия и средства производства, а именно: первобытнообщинный строй — непосредственно общинная форма; рабовладельческий строй — принудительная форма; феодальный строй — крепостническая форма; капиталистический строй — наемная форма труда. Коммунистический строй (прогнозируемая) — непосредственно общественная форма труда. См.: Герасимов Е. Н. Диалектика труда и совершенствование социализма. — К., 1987. — С. 21.

³² Маркс К. Капитал. Т. 1. Отдел третий. Производство абсолютной прибавочной стоимости. Глава пятая. Процесс труда и процесс увеличения стоимости. 1. Процесс труда//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 189.

³³ Румянцев А. М. Первобытный способ производства: Политико-экономический очерк. — М., 1987. — С. 71–72.

³⁴ Маркс К. Из рукописного наследия К. Маркса. Введение. (Из экономических рукописей 1857–1858 годов). 1. Производство, потребление, распределение, обмен (обращение)//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 12. — С. 725.

³⁵ Обмен в условиях первобытного общества ничего общего не имеет с обменом в условиях товарного производства, где производимый продукт идет на удовлетворение потребностей других потребителей. См.: Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 49.

³⁶ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Отдел третий. Социализм. IV. Распределение//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 20. — С. 320.

³⁷ Румянцев А. М. Первобытный способ производства. Политико-экономический очерк. — М., 1987. — С. 140.

³⁸ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 472–473.

³⁹ Маркс К. наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Первый набросок// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 19. – С. 404.

⁴⁰ Вторым переходным периодом, надо предполагать, будет переход от экономической общественной формации к коммунистической.

⁴¹ Гриффен Л. А. Общественный организм (введение в теоретическое обществоведение). – К., 2000. – С. 229.

⁴² Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 23. – С. 247.

⁴³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 21. – С. 160.

⁴⁴ Маркс К. Капитал. Т. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 25. – Ч. 1. – С. 194.

⁴⁵ Суименко Е. И. Диалектика становления и развития отношений коллективизма. – К., 1988. – С. 84.

⁴⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 21. – С. 58.

⁴⁷ Маркс К. наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Первый набросок// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 19. – С. 419.

⁴⁸ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 42. – С. 97.

⁴⁹ Там же. С. 94.

⁵⁰ Энгельс Ф. Анти-Дюринг//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 20. – С. 166.

⁵¹ Там же. С. 165–166.

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3. – С. 31.

⁵³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 20. – С. 185.

⁵⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 21. – С. 168–169.

⁵⁵ В соответствии с делением общественной эволюции на три общественные формации К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают два глобальных изменения в истории человечества и квалифицируют их в качестве социальных революций. Первая из них – социальная революция, связанная с переходом от архаической (первичной) общественной формации к экономической (вторичной) общественной формации. Вторая (прогнозируемая) социальная революция будет представлять собой переход от экономической общественной формации к формации коммунистической (третичной).

IV

Антагонизм между производством и потреблением в условиях товарного производства

В предисловии «К критике политической экономии» К. Маркс говорит об антагонистической форме общественно-го производства в условиях рабовладельческого, феодального и капиталистического способов производства, то есть в условиях товарного производства: «...Антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов...»¹ Эти замечания К. Маркса в полной мере касаются и таких категорий, как «производство» и «потребление». В условиях товарного производства, где господствует закон стоимости, а не потребительной стоимости, конфликт между производством и потреблением носит антагонистический характер. Он просто неизбежен и закономерен.

В основе антагонизма между производством и потреблением лежит классовое расслоение общества, вырастающее из общественных условий жизни индивидуумов. Этими условиями были прежде всего возникновение частной собственности и отделение собственности от труда, то есть отчуждение труда. На смену непосредственно общинному (общественному) производству приходит товарное производство, составляющее целую эпоху в истории развития человеческого общества. Эту эпоху основоположники марксизма обозначили термином «экономическая общественная формация». Главной чертой, свойственной всем трем ее периодам (рабовладельческому, феодальному и капиталистическому способам производства), является экономический характер жизнедеятельности общества, базирующейся на частной собственности, индивидуальном обмене и на эксплуатации человека человеком.

Напомним, что если в условиях первобытного способа производства производство и потребление составляли тождество противоположностей внутри единой сущности — производства общинной (общественной) жизни, где противоположности выступали как одно в другом, через другое и для другого, то в новых исторических условиях и производство, и потребление

выступают как самостоятельные сущности, не обладающие тем единством, каким они были представлены в первобытном обществе. В границах производства общественной жизни при рабовладельческом и феодальном строе они представляли, а при капитализме и по настоящее время представляют крайности, где производство и потребление доведены до антагонизма, взаимонетерпения, взаимоисключения, вплоть до уничтожения. Уничтожения не производства и потребления вообще, а той их антагонистической формы, которая, выполнив свою историческую миссию, стала уже тормозом дальнейшего развития человеческого общества.

Экономическая общественная формация в своем развитии прошла стадию становления (рабовладельческий и феодальный способы производства) и стадию развития (капиталистический способ производства). Наступила стадия ее разложения и отмирания. Всем стадиям (этапам) развития экономической общественной формации свойственно товарное производство, пришедшее на смену непосредственно общинному (общественному) производству. Товарное производство в условиях рабовладельческого и феодального способов производства подготавливало необходимую основу перехода от «индивидуальной частной собственности» (по терминологии К. Маркса), основанной на собственном труде, к капиталистической частной собственности. «Но капиталистическое производство, — пишет К. Маркс, — порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания»².

Поставьте вопрос: куда идет человечество? Ответ надо искать в эволюции товарного производства от его становления до его отмирания, сконцентрировав внимание на его более развитой форме, где «...закон присвоения, или закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, превращается путем собственной, внутренней, неизбежной диалектики в свою прямую противоположность. Обмен эквивалентов, каковым представлялась первоначальная операция, претерпел такие изменения, что в результате он оказывается лишь внешней видимостью...»³. Но об этом речь будет идти ниже. А вначале следует остановиться на генезисе товарного производства, его сущности на стадии экономической общественной формации, то есть на рабовладельческом и феодальном способах производства и потребления, на их антагонизме.

Антагонизм между производством и потреблением в условиях рабовладельческого и феодального способов производства

Чтобы правильно судить о рабовладельческом, феодальном, а в дальнейшем и о капиталистическом способах производства, нам нужно рассмотреть их как способы производства, основанные на антагонизме. Показать, как в рамках того или иного способа производства создавалось богатство и как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, а товарное производство меняло свои формы, как «...один из классов, — по выражению К. Маркса, — представлявший собой дурную, отрицательную сторону общества, неуклонно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения»⁴.

С чего начать рассмотрение того или иного способа производства? Все категории, как нам известно, взаимосвязаны, взаимообусловлены между собой. И тем не менее, «как из понятия отчужденного труда мы, — писал К. Маркс, — получили путем анализа понятие частной собственности, точно так же можно с помощью этих двух факторов развить все экономические категории»⁵. Взаимосвязь и взаимообусловленность этих двух факторов неоднозначна. В одном случае частная собственность выступает как основа и причина отчужденного труда, а в другом, напротив, оказывается его следствием. В первом случае ход исследования идет от конкретного (частной собственности) к абстрактному (отчужденному труду), а во втором — вновь к конкретному (частной собственности), но уже как следствие отчужденного труда. Если частная собственность — не причина, а следствие отчужденного труда, то напрашивается вопрос: как дошел человек до отчуждения своего труда, где корни его отчуждения?

Исследование причин отчуждения приводит К. Маркса к проблеме разделения труда. «Разделение труда, — пишет он, — есть экономическое выражение общественного характера труда в рамках отчуждения»⁶. Это — с одной стороны, а с другой — классики марксизма указывали на тесную связь разделения труда с частной собственностью. К. Маркс, например, оценивал их как «тождественные выражения»: «...В одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности»⁷.

Разделение труда исторически уходит своими корнями в доантагонистический период, но только с разделением материального и духовного труда оно становится действительным разделением труда. Действительным, так как «...делает возможным — более того: действительным, — что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, *производство* и *потребление* (курсив наш. — *Е. Г.*) выпадают на долю различных индивидов...»⁸. В этих условиях, как видим, производство и потребление образуют враждебную противоположность. «При рабском труде, — пишет К. Маркс, — даже та часть рабочего дня, в течение которой раб лишь возмещает стоимость своих собственных жизненных средств, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом»⁹. Рабовладельческий способ производства был первым в истории человеческого общества способом производства, основанным на эксплуатации человека человеком.

При рабстве сам раб выступал как одно из природных условий производства. Антагонизм между производством и потреблением был обусловлен тем, что рабовладелец и члены его семьи полностью освобождались от участия в процессе труда, а производство осуществлялось за счет эксплуатации рабов и присвоения результатов их труда. Рабовладельцы, принуждая к труду рабов, удовлетворяли прежде всего свои паразитические потребности. Значительная часть прибавочного продукта шла на непроизводительные затраты: создание пышных дворцов, грандиозных храмов, организацию торжеств, различных игр, зрелищ и т. д. В то время как рабовладельцы за счет присвоения прибавочного продукта, а во многих случаях и части необходимого продукта, обогащались, уровень жизни непосредственных производителей — рабов — был низведен до крайне низкой черты, когда условия их существования были нечеловеческими, полуживотными.

Таким образом, в сфере распределения, а соответственно и потребления, создаваемый трудом рабов прибавочный продукт полностью поступал в распоряжение эксплуататорского класса рабовладельцев и потреблялся ими. Необходимый же продукт оставался для удовлетворения потребностей рабов, определяемых крайне низким уровнем жизни. В принудительном по своему характеру соединении работника производства — раба — со средствами производства было заложено непримиримое противоре-

чие рабовладельческого способа производства, находившее выражение в противоречии экономических интересов рабовладельцев и рабов.

Это было основное экономическое противоречие рабовладельческого способа производства. Оно состояло в том, что, с одной стороны, работник производства — раб — был полностью отчужден от средств производства и не являлся даже собственником своей рабочей силы, а с другой стороны, находясь, как и средства производства, в собственности рабовладельца, он был принудительно, путем открытого насилия, соединен со средствами производства. Поскольку весь продукт труда рабов присваивался рабовладельцем, рабы не были заинтересованы в своем труде, их труд был малопродуктивным.

«...Пока человеческий труд был еще малопродуктивен, — писал Ф. Энгельс, — что давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение обмена, развитие государства и права, создание искусства и науки — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой. Простейшей, наиболее стихийно сложившейся формой этого разделения труда и было как раз рабство»¹⁰. Собственность рабовладельцев на все главные условия производства (землю, орудия труда, предметы труда, самого производителя — раба) составляла экономическую основу рабовладельческого способа производства, где основным экономическим законом было производство прибавочного продукта, выступающего в натурально-хозяйственной форме и отчуждаемого рабовладельцами для их паразитического потребления путем прямого насильственного принуждения к труду находившихся в их собственности непосредственных производителей — рабов.

Натуральная в целом форма рабовладельческого производства не исключала того, что при рабовладельческом строе имело место производство продуктов для продажи, существовал товарный обмен. К слову, важнейшим товаром были и рабы. С введением торговли невольниками наступает период самого беспощадного отношения к рабу, которого в любое время можно было заменить новым рабом. Рабовладельца не интересовала продолжительность

жизни раба, как это было тогда, когда раб для него представлял капитал. Продолжительность жизни раба становится для него менее важной, чем его производительность. Рабовладельческая форма эксплуатации разрушила основную производительную силу рабовладельческого общества — рабов. Труд рабов, совершенно незаинтересованных в результатах производства, перестает быть эффективным, изживает себя как труд, служивший основой существования общества. Рабовладельческая общественная форма развития производства исчерпала себя и превратилась в тормоз дальнейшего прогресса производства.

Рабовладельческий способ производства является закономерным этапом в развитии человечества. Место, которое занимает рабовладельческий способ производства, четко выражено в следующих словах Ф. Энгельса: «Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира... Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы»¹¹.

Рабство было объективно необходимым этапом в поступательном движении общественного производства, но, исчерпав свои возможности, рабовладельческий способ производства гибнет, и на смену ему, на основе действия закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил, приходит более прогрессивный — феодальный — способ производства, соответственно и новая формация — феодальная¹². Однако это не исключает антагонизма между производством и потреблением и в новых исторических условиях. В отношении рабства и крепостничества К. Маркс писал, что «...здесь одна часть общества обращается с другой его частью просто как с неорганическим и природным условием своего собственного воспроизводства»¹³.

В отличие от рабского труда, «при барщинном труде, — пишет К. Маркс, — труд крепостного крестьянина на самого себя и принудительный труд его на помещика различаются между собой самым осязательным образом, в пространстве и времени»¹⁴. Действительно, крепостной крестьянин тем отличается от раба, что в его владении и пользовании находилось орудие производства и клочок земли, и за это он отдавал часть своего дохода или выполнял ряд работ на помещика. К. Маркс следующим образом

описывает труд крепостного крестьянина, по его выражению, и в пространстве, и во времени: «Возьмем барщинного крестьянина. Он работает при помощи собственных средств производства на собственном поле, скажем, 3 дня в неделю. В течение остальных 3 дней недели он выполняет барщинную работу на господском поле. Он постоянно воспроизводит свой собственный рабочий фонд, и этот последний никогда не принимает по отношению к нему формы средства платежа, авансированного в обмен на его труд третьим лицом. Зато и его неоплаченный принудительный труд никогда не получает форму добровольного и оплаченного труда»¹⁵. Иными словами, здесь мы видим, что основой производственных отношений при феодализме являлась собственность феодала на средства производства, в первую очередь на землю, и не полная (в отличие от рабовладельческого строя) собственность на работника, выразившаяся в различных видах личной зависимости крестьянина от феодала.

Развитие производительных сил в условиях феодализма все же было возможным благодаря тому, что крестьянин имел свое хозяйство, орудие труда, а следовательно и некоторую заинтересованность в труде. Как видим, при феодальном строе основные условия существования общества обеспечивались трудом крестьян, результаты которого доставляли средства удовлетворения их собственных потребностей, а также удовлетворения потребностей членов господствующего класса — феодалов. «Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, — отмечает К. Маркс, — работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства»¹⁶.

Еще раз подчеркнем, что экономическую основу феодальной эксплуатации составляла феодальная собственность на землю, предполагающая наличие внеэкономического принуждения. Без собственности на землю феодал не мог бы осуществлять эксплуатацию крестьян. Производство и потребление в этих условиях принимают двойственный характер, так как вся земля феодального поместья распадается на две части. Одна часть — барская земля, на которой трудом и орудиями производства крестьян осуществляется производство сельскохозяйственных продуктов, полностью присваиваемых и потребляемых феодалом-помещиком. Другая часть земли — крестьянская, получившая название надельной, где крестьяне вели хозяйство для себя, то есть воспроизводили необ-

ходимый продукт, достаточный для существования крестьянской семьи, а также для восстановления изношенного сельскохозяйственного инвентаря. Индивидуальное крестьянское хозяйство само обеспечивало более или менее регулярное воспроизводство рабочей силы. Однако, как видим, непосредственный производитель являлся не собственником, а лишь ее держателем, он пользовался ею, обрабатывал ее.

Учитывая, что наиболее распространенной формой было так называемое крепостничество, где отношения между феодалом и крепостным крестьянином носили антагонистический характер, антагонизм сохраняется и в системе «производство – потребление». Поэтому законом феодального способа производства было производство прибавочного продукта принудительным трудом непосредственных производителей – крестьян, лично зависимых от собственников земли – феодалов, и этот продукт присваивался феодалами в форме феодальной земельной ренты для паразитического потребления. Паразитическое потребление феодалом производимого крестьянином продукта не могло не вызывать и вызвало противодействие со стороны крестьян, сформировало их стремление к выделению собственного хозяйства, основанного на собственной земле и на собственном труде. Это не могло не привести и привело к разложению феодального способа производства.

Разложению феодального способа производства способствовали не только столкновение классовых интересов феодалов и крестьян, но и объективные процессы, связанные с переходом от натурально-хозяйственной формы производства к более развитой форме товарного производства. И хотя товарное производство еще носило подчиненный по отношению к натуральному производству характер, но его главной особенностью являлось то, что это было товарное производство мелких собственников (крестьян и ремесленников), основанное на личном труде. Возрастали количество и доля продуктов, поставляемых крестьянами и ремесленниками на продажу и обмен. Посредником в обмене продуктов крестьян и ремесленников, а также феодалов при обмене присвоенного ими прибавочного продукта на предметы роскоши выступал торговый (купеческий) капитал.

К объективным факторам следует отнести и растущий антагонизм между городом и деревней. «Если в средние века, – писал К. Маркс, – деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплуа-

тирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством»¹⁷. Власть феодалов мешала развитию как торговли, так и ремесла. В некоторых странах появляются ростки новых, капиталистических отношений, основанных уже на эксплуатации наемного труда. Феодалские же отношения личной зависимости препятствовали притоку рабочей силы в города. Без этого товарное производство не могло развиваться дальше.

Присущий феодализму способ соединения непосредственно производителя со средствами производства стал препятствием на пути развития производительных сил общества. Назревал конфликт между производительными силами и производственными отношениями, а его разрешение вело к замене феодальных производственных отношений новыми — капиталистическими производственными отношениями. Простое товарное производство, основанное на собственных средствах производства и собственном труде самих производителей, сменяется (отрицается) новой, капиталистической формой товарного производства, а соответственно и новыми формами антагонизма между производством и потреблением. И связано это с образованием новых классов: класса буржуазии и класса пролетариата. «В истории буржуазии, — пишет К. Маркс, — мы должны различать две фазы: в первой фазе она складывается в класс в условиях господства феодализма и абсолютной монархии; во второй, уже сложившись в класс, она ниспровергает феодализм и монархию, чтобы из старого общества создать общество буржуазное»¹⁸. Такое общество было создано — это капиталистическое общество. И оно прошло стадии становления, развития (зрелая стадия) и вступило в его завершающую фазу на современном этапе развития человеческого общества.

В чем суть антагонизма между производством и потреблением в условиях капиталистического способа производства? Ответ следует из анализа двойственного характера производства и потребления на новой, более зрелой стадии товарного производства — капиталистического товарного производства.

Апогей антагонизма товарного производства: капитализм

Капитализм, будучи наиболее зрелой стадией в развитии человеческого общества, в его предыстории (по сравнению с рабовладельческим и феодальным строем) проходит ряд этапов.

«Сначала это в основном конгломерат лично свободных товаропроизводителей (мелкобуржуазное общество). Следующий этап — классический «рыночный» и «демократический» капитализм... И, наконец, наступает время монополий, время господства финансового капитала, высшая стадия капитализма — империализм»¹⁹.

Предметом нашего исследования является классический «рыночный» капитализм, тот самый капитализм, который во времена К. Маркса представлял, по отношению к собственной истории, наиболее развитую форму. В своем исследовании мы абстрагируемся от внешних факторов, связанных с колонизацией так называемых «нецивилизованных» стран — странами «цивилизованными», а в настоящее время высокоразвитыми странами — стран третьего мира. Основное внимание сосредоточим на внутренних факторах, внутренней организации капиталистического способа производства, на его, по терминологии К. Маркса, «идеально среднем типе»²⁰.

Этот «идеально средний тип» достаточно полно представлен в работах основоположников марксизма и прежде всего в «Капитале», в «Наемном труде и Капитале» К. Маркса, в работах Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», «Система наемного труда» и др.²¹ «Историческими предпосылками возникновения капитала всюду являются товарное производство, товарное обращение и его развитие, торговля»²².

Остановимся кратко на этих и других предпосылках возникновения капитализма. К. Маркс в «Капитале» формулирует следующие условия превращения продукта труда в товар. Во-первых, «для того чтобы стать товаром, — пишет К. Маркс, — продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена»²³. Во-вторых, потребительные стоимости становятся товарами «...в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости»²⁴. В-третьих, товаропроизводители «...могут приравнивать свои товары друг к другу как стоимости, а значит, и как товары, лишь относя их к какому-нибудь другому товару, лишь противопоставляя их ему как всеобщему эквиваленту»²⁵.

Функцию всеобщего эквивалента выполняют деньги — специфический эквивалентный товар. «Товары, — пишет К. Маркс, — вступают в процесс обмена непозолоченными, неподсахаренными, в чем мать родила. Процесс обмена порождает *раздвоение* товара (курсив наш. — *Е. Г.*) на товар и деньги, внешнюю противополож-

ность, в которой товары выражают имманентную им противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью»²⁶. В самом этом факте — противоположных и друг друга дополняющих процессах превращения товара в деньги и его обратного превращения из денег в товар — заложена основа антагонизма между производством и потреблением в условиях капиталистического способа производства.

Напомним, что в истории товарного производства следует различать простое товарное производство и капиталистическое. Мы знаем, что уже на завершающей стадии первобытного способа производства, не говоря уже о рабовладельческом и феодальном, товарное производство и товарное обращение имели место. В тех конкретно-исторических условиях разделение труда, которое составляет общее основание всякого товарного производства, развивалось в такой степени, что вело к разграничению потребительной стоимости и меновой стоимости при меновой торговле. При меновой торговле вся непосредственная потребительная стоимость товара для товаровладельца не что иное, как носитель меновой стоимости и, следовательно, средство обмена.

К. Маркс подробно описывает этот процесс в главе второй первого тома «Капитала»²⁷. И нам нет необходимости его пересказывать. Важно иметь в виду, что товарный обмен и товарное обращение — исходный пункт капитала, где деньги — «суть первая форма проявления капитала»²⁸. Превращению денег в капитал К. Маркс и Ф. Энгельс уделяют особое внимание²⁹. Это объясняется тем, что, как пишет К. Маркс, «исторические условия его существования отнюдь не исчерпываются наличием товарного и денежного обращения. Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условие заключает в себе целую мировую историю»³⁰.

Именно с этого момента капитал возвещает о наступлении особой эпохи общественного процесса производства и потребления — эпохи апогея антагонизма между ними. Именно этот период в истории товарного производства подлежит теперь нашему ближайшему рассмотрению. Причем заметим, что капиталистический способ производства не противоречит первоначальным законам товарного производства, напротив, «в той самой мере, в какой товарное производство развивается сообразно своим собственным имманентным законам в производство капиталистиче-

ское, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения»³¹.

Противоречие между производством и потреблением, между трудом и капиталом достаточно обстоятельно рассматривается К. Марксом, когда он пишет, что «...первоначальное превращение денег в капитал совершается в самом точном согласии с экономическими законами товарного производства и вытекающим из них правом собственности. Несмотря на это, в результате его оказывается:

что продукт принадлежит капиталисту, а не рабочему;

что стоимость этого продукта, кроме стоимости авансированного капитала, включает в себе еще прибавочную стоимость, которая рабочему стоила труда, а капиталисту ничего не стоила и, тем не менее, составляет правомерную собственность последнего;

что рабочий сохранил свою рабочую силу и может снова продать ее, если найдет покупателя»³².

Как видим, и это подчеркивает К. Маркс, общий закон товарного производства не нарушен тем, что рабочая сила (особый товар) имеет потребительную стоимость, которая состоит в его способности доставлять труд и, следовательно, создавать стоимость. «Труд при этом условии, — пишет Ф. Энгельс, — становится единством процесса производства и процесса возрастания стоимости...»³³ При этих условиях труд отчужден от орудий и средств производства, а также производимого продукта. Возникает антагонизм между трудом и капиталом и в целом между производством и потреблением.

Как мы уже знаем, категории «производство» и «потребление» являются тождественными по своему определению. Без производства нет потребления. В то же время потребление создает производство, и они являются основой производства общественной жизни как таковой. Что же в таком случае обуславливает их антагонизм на определенном историческом этапе развития человеческого общества? На ранней стадии развития товарного производства (при рабовладельческом и феодальном строе) антагонизм между производством и потреблением был обусловлен разделением умственного и физического труда, обособлением частной собственности, появлением классов и т. д. Указанные факторы сохраняются и при капитализме. Кроме того, они приобретают новые формы и более непримиримый характер.

В условиях товарного производства при капитализме обострение антагонизма между производством и потреблением обусловлено, как уже сказано выше, превращением денег в капитал, а рабочей силы в товар. Об этом свидетельствует открытый К. Марксом закон прибавочной стоимости. Суть его заключается в том, что в процессе обращения «... $D - T - D'$, где $D' = D + D$, т. е. равно первоначально авансированной сумме плюс некоторое приращение. Это приращение, или избыток над первоначальной стоимостью, я, — пишет К. Маркс, — называю прибавочной стоимостью»³⁴. Далее он отмечает: «Таким образом, первоначально авансированная стоимость не только сохраняется в обращении, но и изменяет свою величину, присоединяет к себе прибавочную стоимость, или возрастает. И как раз это движение превращает ее в капитал»³⁵.

Надо заметить, что формула $D - T - D'$ свойственна и купеческому, и ростовщическому капиталу, но апогей антагонизма в товарном производстве при капитализме наступает тогда, когда в этой формуле в качестве товара выступает рабочая сила. Иными словами, необходим товар, потребительная стоимость которого обладает свойством быть источником меновой стоимости. И владелец денег — капиталист — находит на рынке такой специфический товар, который имеет способность к труду, к трудовой деятельности. «...Рабочий — свободная личность, — пишет К. Маркс, — и располагает своей рабочей силой как товаром... он не имеет для продажи никакого другого товара, гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы»³⁶. Рабочий — свободная личность в том смысле, что он не принадлежит к числу средств производства (как раб или крепостной крестьянин), но и средства производства не принадлежат ему. Он наемный работник³⁷.

Потребление рабочей силы капиталистом, который купил его, представляет производственное потребление. В нем рабочий своим трудом потребляет средства производства и производит продукт, принадлежащий капиталисту. Взамен он получает деньги (заработную плату), уплаченные ему при купле его рабочей силы на приобретение жизненных благ. Таким образом, «стоимость рабочей силы, — пишет Ф. Энгельс, — есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца, а именно для поддержания ее нормальной трудоспособности»³⁸.

Между прочим, как и с введением торговли невольниками, когда жизнь раба для рабовладельца становится менее важной,

чем его производительность, так и в настоящее время наличие большой резервной армии рабочей силы дает возможность капиталисту за счет стоимости его рабочей силы, его жизненных средств, получать прибыль. «Вся сделка между рабочим и капиталистом, — пишет Брей (его цитирует К. Маркс. — *Е. Г.*), — оказывается простой комедией: в действительности это по большей части не что иное, как бесстыдный, хотя и узаконенный грабеж»³⁹. Как, каким образом осуществляется этот узаконенный грабеж в условиях капиталистического способа производства?

Ответ начать на поставленный вопрос следует с выяснения категорий «постоянного» и «переменного» капитала, которые впервые были введены в научный оборот К. Марксом⁴⁰. «...Та часть капитала, которая превращается в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, в процессе производства не изменяет величины своей стоимости. Поэтому, — пишет К. Маркс, — я называю ее постоянной частью капитала, или, короче, постоянным капиталом.

Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того *избыток, прибавочную стоимость* (курсив наш. — *Е. Г.*), которая, в свою очередь, может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я, — пишет К. Маркс, — называю ее переменной частью капитала, или, короче, переменным капиталом»⁴¹.

В переменном капитале заложена основа эксплуатации рабочей силы капиталистом, а не в постоянном⁴². Именно в переменном капитале воспроизводится стоимость рабочей силы за счет необходимого труда и образуется прибавочная стоимость для капиталиста за счет прибавочного труда. «... Прибавочная стоимость относится к переменному капиталу, как прибавочный труд относится к необходимому труду, или норма прибавочной стоимости ... Обе части пропорции выражают одно и то же отношение в различной форме: в одном случае в форме овеществленного труда, в другом случае в форме текущего труда.

Поэтому норма прибавочной стоимости есть точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом, или рабочего капиталистом»⁴³. Иными словами, имеет место антагонизм между трудом и капиталом. Рабочий обменивает свой товар — труд — на определенную сумму денег, выплачиваемую капиталистом в

форме заработной платы. Капиталист же получает (в результате купли рабочей силы) труд как деятельность, как производительный труд, который умножает капитал, производя прибавочную стоимость. «Производство прибавочной стоимости, или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства»⁴⁴. Нажива в том смысле, что именно рабочий, являясь, по терминологии Ф. Энгельса, «юридически и фактически рабом буржуазии»⁴⁵, доставляет определенное количество неоплаченного труда, а капиталист за неоплаченный труд рабочего получает прибавочную стоимость в форме прибыли.

В данном случае налицо антагонизм между трудом и капиталом, а следовательно и между производством и потреблением. Антагонизм неизбежен, объективно закономерен, так как «...движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является, — пишет К. Маркс, — возможно большее самовозрастание капитала, т. е. возможно большее производство прибавочной стоимости, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом»⁴⁶.

Методологической основой при анализе апогея антагонизма товарного производства при капитализме для нас было Марксово учение о двойственном характере труда и его значении для обоснования закона прибавочной стоимости, а также раскрытие К. Марксом двойственной природы товара — рабочей силы — и антагонизма между трудом и капиталом. «Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему как созидателю потребительных стоимостей. Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически, — пишет К. Маркс, — доказана мною»⁴⁷. Научная постановка и решение проблемы происхождения прибавочной стоимости даны К. Марксом в четком разграничении стоимости и потребительной стоимости, и тем самым труда как источника стоимости и труда как источника прибавочной стоимости.

«Всякий труд, — отмечает К. Маркс, — есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактного человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем ка-

честве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости»⁴⁸. Учение о двойственной природе труда позволило К. Марксу разработать всеобщую формулу капитала, о чем говорилось выше, и показать, что целью капиталиста является не потребительная стоимость, а «страстная погоня за стоимостью»⁴⁹. «...Присвоение абстрактного богатства, — говорит К. Маркс о капиталисте, — является единственным движущим мотивом его операций... Поэтому потребительную стоимость никогда нельзя рассматривать как непосредственную цель капиталиста»⁵⁰. Обнаружив во всеобщей формуле противоречие между законом стоимости и процессом образования прибавочной стоимости, К. Маркс увидел проблему происхождения прибавочной стоимости с точки зрения закона стоимости⁵¹. Учение о двойственном характере труда явилось основой решения сложнейшей проблемы, а именно — источника прибавочной стоимости.

Источник прибавочной стоимости К. Маркс вскрыл исходя из двойственной природы рабочей силы. Он установил, что товаром является не труд как процесс производственной деятельности рабочего, а присущая рабочему его рабочая сила, его способность к труду. Однако труд рабочего двойствен. Он выступает, с одной стороны, как полезная форма труда, то есть как конкретный труд, а с другой стороны — как труд вообще, абстрактный труд.

Какая же из сторон труда является основой потребительной стоимости товара — рабочей силы при капитализме? Конкретный или абстрактный труд рабочего выступает в качестве специфической полезности для капиталиста? Вот вопросы, которые стояли перед К. Марксом, и он дает на них обстоятельные ответы. Прежде всего К. Маркс обратил внимание на то, что потребительная стоимость рабочей силы сводится к ее способности производить прибавочную стоимость, а следовательно обусловлена абстрактным характером труда. Хотя потребительная стоимость рабочей силы создается полезной формой труда, затраченного на ее воспроизводство, однако, поскольку она состоит в способности рабочей силы создавать стоимость, превышающую стоимость рабочей силы, то есть создавать прибавочную стоимость, К. Маркс заключает, что она непосредственно вытекает не из конкретного, а из абстрактного труда.

Для капиталиста потребительная стоимость рабочей силы заключается именно в избытке того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем количеством труда, которое овеществлено в ней самой и которое требуется поэтому для ее

воспроизводства. Отсюда очевидно, что не полезная форма труда придает рабочей силе как товару специфическую полезность для капиталиста, а ее способность к прибавочному абстрактному труду. Разумеется, абстрактный труд всегда затрачивается в определенной полезной форме, в том числе и прибавочный абстрактный труд. Однако капиталисту, и это всегда надо иметь в виду, в принципе, безразличен характер этой полезной формы. Для него полезность рабочей силы состоит не в полезной форме доставляемого ею труда, способного удовлетворить те или иные потребности общества, а в способности рабочей силы производить своим абстрактным трудом стоимость большую, нежели стоимость самой рабочей силы. В этом суть двойственной природы рабочей силы, открытой К. Марксом и лежащей в основе анализа антагонизма между трудом и капиталом.

Выяснению антагонизма между производством и потреблением служит и проведенный К. Марксом анализ факторов, определяющих величину и динамику стоимости рабочей силы. Эти факторы также имеют двойственный характер. Если «стоимость рабочей силы сводится к стоимости определенной суммы жизненных средств»⁵², то естественно, что она определяется двумя факторами. Во-первых, объемом этих жизненных средств, то есть объемом общественно необходимых потребностей рабочих. А во-вторых, стоимость рабочей силы будет определяться стоимостью товаров, входящих в состав товарного эквивалента стоимости рабочей силы, то есть уровнем общественной производительной силы труда, производящего эти товары. При этом, если первый фактор действует в направлении повышения стоимости рабочей силы, то второй – в направлении ее снижения. Здесь в скрытой форме заложена основа антагонизма в сфере потребления между классом капиталистов и рабочим классом.

Апогей антагонизма между производством и потреблением в тех конкретно-исторических условиях всесторонне представлен в работе Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Английское буржуазное общество Ф. Энгельс именуется «социальным убийцей» рабочего класса. Для этого вывода у него были все основания. Поставив перед собой задачу посмотреть, «...какое жилище, какую одежду и пищу общество дает рабочим в уплату за их работу, какое существование оно обеспечивает тем, кто более всего способствует существованию общества»⁵³, Ф. Энгельс приходит к неутешительному выводу: «...Рабочие не только в физическом и интеллектуальном, но и в моральном отношении отвергнуты го-

сподствующим классом и покинуты на произвол судьбы»⁵⁴. Обследовав жилищные условия рабочих, Ф. Энгельс пишет: «То, как удовлетворяется потребность в жилье, может служить мерилем того, как удовлетворяются все остальные потребности рабочих»⁵⁵. В частности, «с питанием обстоит так же, как и с одеждой: рабочим достается то, что слишком плохо для имущего класса»⁵⁶.

В этих условиях, заключает Ф. Энгельс, «...перед рабочим альтернатива: покориться судьбе, стать «хорошим рабочим», «верно» соблюдать интересы буржуа — и тогда он неизбежно превращается в бессмысленное животное — или же противиться, всеми силами защищать свое человеческое достоинство, а это он может сделать только в борьбе против буржуазии»⁵⁷.

Однако вернемся к вопросу о двойственной природе рабочей силы. Природа товара — рабочая сила — уникальна. Она представляет собой единственный вид товара, потребительная стоимость которого состоит в ее способности создавать прибавочную стоимость для капиталиста. Для последнего полезность рабочей силы состоит не в полезной форме, как уже отмечалось, доставляемого ею труда, способного удовлетворить те или иные потребности общества, а в способности рабочей силы производить своим абстрактным трудом стоимость большую, нежели стоимость самой рабочей силы, в так называемое прибавочное рабочее время⁵⁸.

Прибавочное рабочее время непосредственно изменяется под влиянием двух факторов — величины необходимого рабочего времени, с одной стороны, и общей продолжительности рабочего дня и интенсивности труда — с другой. В соответствии с этим в условиях капитализма существует два метода максимизации прибавочного рабочего времени. Во-первых, прибавочное рабочее время возрастает под воздействием роста производительной силы общественного труда, то есть повышения эффективности конкретного труда. Во-вторых, прибавочное время возрастает путем увеличения затрат абстрактного труда в течение рабочего дня в результате роста или интенсивности труда, или продолжительности рабочего дня, или того и другого одновременно.

Подробное освещение нами Марковского учения о двойственном характере труда, двойственной природе рабочей силы и ее значении в получении прибавочной стоимости позволяет говорить об эксплуататорской сущности капиталистического способа производства, о подчинении труда капиталу, об обострении антагонизма между производством и потреблением.

Подчинение труда капиталу К. Маркс свел к двум основным: формальному и реальному. Под формальным подчинением труда капиталу К. Маркс понимал все проявления экономического порабощения рабочих, которые проистекают из социально-экономической формы капиталистического общества, из капиталистических производственных отношений. «Покоящуюся на абсолютной прибавочной стоимости форму я, — пишет К. Маркс, — называю формальным подчинением труда капиталу, ибо она лишь формально отличается от прежних способов производства, на основе которых она непосредственно возникает...»⁵⁹ Далее К. Маркс характеризует форму подчинения труда капиталу как прямое подчинение процесса труда капиталу, безотносительно к технологическим особенностям этого процесса труда⁶⁰. Формальное подчинение труда капиталу является весьма существенным, и, как мы уже видели, оно прямо проистекает из отделения непосредственных производителей от средств производства, из концентрации средств производства в руках класса капиталистов, из превращения рабочей силы, лишенной каких-либо источников существования, в товар. Вместе с тем К. Маркс связывает с формальным подчинением труда капиталу и рост эксплуатации рабочего класса на основе интенсификации труда⁶¹.

Под реальным подчинением труда капиталу К. Маркс понимал все те отношения зависимости труда от капитала, которые порождаются в реальном процессе труда — процессе производства потребительных стоимостей — и которые выступают в условиях господства капиталистических отношений производства как возросшая сила капитала, усиление власти капитала над трудом. «Реальное подчинение труда капиталу, — пишет К. Маркс, — развивается во всех тех формах, которые порождают относительную прибавочную стоимость в отличие от абсолютной»⁶². Этими формами, вытекающими из определения относительной прибавочной стоимости, являются сокращение необходимого рабочего времени и изменение соотношения величин обеих составных частей рабочего дня⁶³. Отсюда следует, что именно подчинение труда капиталу создает специфически капиталистические формы отчуждения труда производителей. Капитализм сужает «поле свободы» работника, навязывая ему чуждую по характеру и содержанию деятельность.

Реальное подчинение труда капиталу в его развитой форме основано на машинном производстве. «В то время как в ремесленном производстве и даже в мануфактуре движение орудия

определяется движением человека, на механической фабрике, — пишет К. Маркс, — наоборот, движение человека определяется движением машины»⁶⁴. Из господина своего орудия человек превращается в его «технологического раба», в сознательный, по К. Марксу, придаток машины. В этих условиях отчуждение труда достигает своего апогея, а с ним и антагонизма между трудом и капиталом, между производством и потреблением.

Таким образом, в основе апогея антагонизма товарного производства при капитализме, в частности между трудом и капиталом, между производством и потреблением, лежат открытые К. Марксом положения о двойственном характере труда, двойственной природе товара — рабочей силы, а также открытый им закон прибавочной стоимости, дающий возможность понять сущность капиталистической эксплуатации человека человеком.

Подводя итог вышеизложенному относительно апогея антагонизма товарного производства при капитализме, отметим, что в основе апогея лежит превращение рабочей силы в товар со всеми вытекающими отсюда последствиями как для капиталиста, так и для рабочего.

Для капиталиста это возможность приобрести на рынке труда товар — рабочую силу. Товар, потребительная стоимость которого обладает свойством быть источником прибавочной стоимости, обеспечивая тем самым самовозрастание капитала. Для рабочего это необходимость, связанная с получением жизненных средств для себя и своей семьи, воспроизводство своей рабочей силы. В достижении этой цели он своим трудом потребляет средства производства, принадлежащие капиталисту, и превращает их в продукт более высокой стоимости, чем авансированный капитал. Рабочий создает как потребительную, так и прибавочную стоимость.

По этому поводу К. Маркс заметил: «Рабочий производит капитал, капитал производит рабочего, следовательно, рабочий производит самого себя, и продуктом всего этого движения является человек как рабочий, как товар»⁶⁵. Эта истина относится не только к домонополистическому капитализму, но и к его высшей стадии — империализму вплоть до наших дней.

Характерными чертами империализма были и являются до сих пор концентрация производства и собственности на средства производства, рост монополий, образование и развитие финансового капитала и т. д. Остается в силе и ленинское определение империализма: «Империализм есть капитализм на той стадии

развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»⁶⁶. За это время изменились лишь формы и методы империалистической экспансии, но сущность империализма осталась прежней.

В современную эпоху, так же как и прежде, целью капиталистического производства было и будет производство прибавочной стоимости. И в наши дни потребление наемной рабочей силы есть процесс не только производства потребительных стоимостей, образования вещественного богатства, но и получения прибыли. Ради прибыли капиталист и в XXI столетии готов идти на все, вплоть до нарушения законов и совершения преступления во имя наживы.

Фанатизму капиталиста в стремлении к увеличению стоимости, а следовательно и к самовозрастанию капитала, способствует конкуренция. Конкурентная борьба – неизбежный спутник капиталиста в условиях рыночных отношений. «...Конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешние принудительные законы. Она, – пишет К. Маркс, – заставляет его постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления»⁶⁷.

Возникает вопрос: за счет чего и кого в наши дни происходит накопление капитала в странах так называемого «золотого миллиарда»? В условиях внутреннего рынка по-прежнему получение прибавочной стоимости и накопление капитала осуществляется за счет эксплуатации капиталистами наемной рабочей силы. Поэтому был и остается антагонизм между трудом и капиталом, между производством и потреблением. И если имеет место смягчение антагонизма между ними в высокоразвитых странах, то это вынужденная уступка буржуазного государства. Оно идет на повышение доходов наемных рабочих своих стран с тем, чтобы снять социальную напряженность между трудом и капиталом.

Однако, спрашивается, за счет кого? Оказывается, за счет так называемого третьего мира. Мировая капиталистическая система на современном этапе развития включает, во-первых, ядро, куда относятся высокоразвитые страны Западной Евро-

пы, США, Канада, Япония и Австралия; во-вторых, страны полупериферии с умеренным уровнем индустриализации и общего развития; в-третьих, периферийные страны – наименее развитые в индустриальном отношении, с низким уровнем доходов на душу населения. Именно за счет стран периферии и полупериферии происходят дальнейшая концентрация богатства и власти в руках немногих и обнищание большинства населения планеты.

На исходе XX столетия на долю 28 развитых государств, в которых проживало всего 15,6 % населения мира, приходилось 55,6 % мирового валового внутреннего продукта (ВВП), подсчитанного по паритету покупательной способности национальных валют. В то же время 128 развивающихся стран, составляющих 77,5 % населения планеты, производили всего 39,8 % мирового ВВП. Вокруг этих государств все туже затягивается «долговая петля». В настоящее время страны третьего мира вынуждены выделять на обслуживание долга 5–6 % своего валового общественно-го продукта, а это значит – от 30 до 50 % выручки от экспорта.

Факты говорят о том, что антагонизм между развитыми странами и развивающимися нарастает, так как и в XXI столетии сохраняются «ножницы» в количественном и качественном приобретении населением высокоразвитых и недостаточно развитых стран предметов потребления. Трагедия заключается в том, что высшей мировой инстанцией, определяющей, кто достоин развития, а кому лучше не расточать на это силы и ресурсы, признается анонимная инстанция – рынок – и достаточно прозрачная идеология, а также практика экономического неолиберализма, дающая одностороннее преимущество развитым капиталистическим странам, могущественным транснациональным корпорациям (ТНК). За счет сверхэксплуатации рабочего класса стран периферии и полупериферии ТНК господствуют в мире в сфере как производства общепланетарного продукта, так и его распределения, а следовательно и потребления.

Идеология и практика экономического неолиберализма ведет не к снятию антагонизма между трудом и капиталом, между рабочим классом и буржуазией, между производительными силами и производственными отношениями, между общественным характером капиталистического производства и капиталистической формой присвоения, а, напротив, к их углублению как на региональном, так и на планетарном уровне, так как в основе производства и потребления лежит закон стоимости, а не потребительной

стоимости, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И в наши дни злободневно звучат слова К. Маркса о том, что «...в буржуазном обществе, основанном на меновой стоимости, возникают такие производственные отношения и отношения общения, которые представляют собой одновременно мины для взрыва этого строя»⁶⁸. Верно, мина оказалась замедленного действия. Однако это не значит, что она не взорвется. Как уже отмечалось нами, на современном этапе развития наблюдается углубление общего кризиса капитализма, нарастание классовой борьбы между трудом и капиталом, между глобальным капитализмом и странами третьего мира, а следовательно и нарастание мирового революционного процесса.

Не подлежит сомнению, что XXI век – век масштабных перемен, но каких? Это может быть век глобальных катастроф (экономических, экологических, демографических и т. д.), век уничтожения всего живого на планете Земля. Но XXI век может быть и должен быть веком торжества социализма во всемирном масштабе. Об этом говорят анализ объективных закономерностей развития человеческого общества, вступившего в новое тысячелетие, и наш анализ, связанный с объективной необходимостью перехода от товарного производства к непосредственно общественному производству, от капитализма к социализму.

Проведенный нами анализ тождества противоположностей между производством и потреблением в условиях первобытного способа производства, антагонизма между производством и потреблением в условиях товарного производства и его апогея при капитализме является классическим примером воплощения в истории развития человеческого общества закона отрицания отрицания, когда с объективной необходимостью, закономерно на смену непосредственно общинному (общественному) способу производства приходит товарное производство, а последнее вновь отрицается непосредственно общественным способом производства, но на более высокой стадии развития человеческого общества.

Здесь мы имеем пример, когда отрицание отрицания есть «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии...»⁶⁹. В данном случае речь идет о повторении при коммунизме признаков тождества противоположностей между производством и потреблением, имевших место в условиях первобытного способа производства.

Экономическую основу коммунистического общества составит общественная собственность, полностью исключающая товарно-денежные отношения и возможность обогащения за счет присвоения неоплаченного чужого труда. На смену закону стоимости снова (как и при первобытном способе производства) придет закон потребительной стоимости. Производство и труд примут непосредственно общественный характер. Основным законом станет не закон разделения труда, а закон перемены труда, а с ним и всестороннее развитие личности. Обмен деятельностью не только между индивидуумами, но и между народами в планетарном масштабе. На практике реализуется принцип коллективизма между людьми, основанный на взаимопомощи и сотрудничестве. Распределение и потребление осуществляется в той мере, в какой это необходимо для всестороннего и гармоничного развития личности, а также для производства общественной жизни в целом в условиях коммунистических общественных отношений. Это те условия, при которых снова достигается тождество противоположностей между производством и потреблением.

Таким образом, как закономерен был переход от архаической общественной формации к экономической общественной формации, так закономерным в современную эпоху является переход от экономической общественной формации к постэкономической, то есть от капитализма к социализму, а в перспективе и к коммунизму. Подтверждается прогноз К. Маркса о том, что «буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»⁷⁰ и наступает эпоха труда, освобожденного от гнета капитала, эпоха перехода человечества от капитализма к социализму как к переходной эпохе на пути к коммунизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 13. — С. 7–8.

² Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 773.

³ Там же. С. 596–597.

⁴ Маркс К. Ницета философии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 4. — С. 143.

⁵ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 42. — С. 98.

⁶ Там же. С. 140.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 3. — С. 31.

⁹ Маркс К. *Капитал*. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 550.

¹⁰ Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 20. — С. 186.

¹¹ Там же. С. 185.

¹² Термин «формация» употребляется в широком и узком смысле слова. В широком, когда речь идет о переходе от архаической общественной формации к экономической общественной формации и от нее к коммунистической. В узком значении формации подразделяются, в зависимости от способа производства, на рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и социалистическую как переходную от экономической общественной формации к коммунистической. С этой точки зрения смена рабовладельческого общества феодальным составляет качественный скачок в общественном развитии. Несмотря на существенное отличие, «феодализм, как формация классового общества, — пишет Л. А. Гриффен, — «средняя» между его начальной (рабовладельческий строй) и конечной (капитализм) стадиями, не был столь жестко отличен от них, как они — соответственно от предыдущего и последующего состояния общества». См.: Гриффен Л. А. *Общественный организм (введение в теоретическое обществоведение)*. — К., 2000. — С. 266.

¹³ Маркс К. *Экономические рукописи 1857–1859 годов*//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 478.

¹⁴ Маркс К. *Капитал*. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 550.

¹⁵ Там же. С. 580.

¹⁶ Там же. С. 246.

¹⁷ Маркс К. *Капитал*. Т. 3//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 25. — Ч. 2. — С. 365.

¹⁸ Маркс К. *Нишета философии*//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 4. — С. 183.

¹⁹ Гриффен Л. А. *Общественный организм (введение в теоретическое обществоведение)*. — К., 2000. — С. 292.

²⁰ В. И. Ленин цитирует К. Маркса: «Мы имеем целью, — писал Маркс, — представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально среднем типе». См: Ленин В. И. *Еще к вопросу о теории реализации*. Полн. собр. соч. — Т. 4. — С. 80.

²¹ При изучении «Капитала» К. Маркса следует обратить внимание на работы Ф. Энгельса: Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 16); Карл Маркс. «К критике политической эко-

номии» (Там же. Т. 13); Введение к отдельному изданию работы К. Маркса «Наемный труд и Капитал» 1891 года (Там же. Т. 22); «Капитал» Маркса. Третий том (Там же); О четвертом томе «Капитала» Маркса (Там же).

²² Энгельс Ф. Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 16. — С. 262.

²³ Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 49.

²⁴ Там же. С. 56.

²⁵ Там же. С. 96.

²⁶ Там же. С. 114.

²⁷ См.: Маркс К. Капитал. Т. 1. Отдел первый. Товар и деньги. Глава вторая. Процесс обмена//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23.

²⁸ Энгельс Ф. Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 16. — С. 262.

²⁹ См.: Маркс К. Капитал. Т. 1. Отдел второй. Превращение денег в капитал//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23.

³⁰ Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 181.

³¹ Там же. С. 601.

³² Там же. С. 598–599.

³³ Энгельс Ф. Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 16. — С. 270.

³⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 161.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 179.

³⁷ Понятие «наемный работник» более широкое, чем понятие «наемный рабочий». Наемными работниками могут быть и представители других социальных слоев населения.

³⁸ Энгельс Ф. Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 16. — С. 268.

³⁹ Маркс К. Нищета философии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 4. — С. 104.

⁴⁰ «Я, — пишет К. Маркс, — напоминаю здесь читателю, что категории переменный капитал и постоянный капитал впервые введены в употребление мною». См.: Маркс К. Капитал. Т. 1. Отдел седьмой. Процесс накопления капитала. Глава двадцать вторая. Превращение прибавочной стоимости в капитал. //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 625.

⁴¹ Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 220.

⁴² В отношении постоянного капитала, в частности применения машин, К. Маркс писал, что «противоречий и антагонизмов, которые неотделимы от

капиталистического применения машин, не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения!» См.: Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 451.

⁴³ Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 229.

⁴⁴ Там же. С. 632.

⁴⁵ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 2. — С. 312.

⁴⁶ Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 342.

⁴⁷ Там же. С. 50.

⁴⁸ Там же. С. 55.

⁴⁹ Там же. С. 164.

⁵⁰ Там же. С. 163–164.

⁵¹ Обратим внимание на работу Л. А. Гриффена «Капитал» и капитализм». В ней он констатирует тот факт, что «...закон стоимости является незыблемой («естественной») основой отношений между капиталистами-товаропроизводителями. И успешное рассмотрение функционирования данного целого под действием указанного фактора является несомненной заслугой Маркса» (К., 2003. С. 80). Вместе с тем Л. А. Гриффен заявляет, и не без основания, что «...сегодня, когда роль внешних связей в становлении и развитии капитализма практически получила всеобщее признание, он [закон стоимости] больше не может быть основанием для построения модели капитализма как глобальной системы, т. е. модели, основывающейся на чисто экономических исходных посылках» (Там же. С. 70). Не вступая в дискуссию по данному вопросу, отметим, что наше основное внимание было сосредоточено на внутренних факторах, на «идеально среднем типе» капиталистического общества без учета внешних факторов. И надо отдать должное Л. А. Гриффену, который поставил вопрос о действии закона стоимости в современных условиях. «В связи с растущей глобализацией внеэкономическая составляющая, выходящая за пределы действия закона стоимости, становится все более явной» (Там же. С. 81). В эпоху глобализации, на наш взгляд, речь должна идти о создании условий перехода человечества от закона стоимости к закону потребительной стоимости, от капитализма к социализму и коммунизму.

⁵² Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 183.

⁵³ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 2. — С. 266.

⁵⁴ Там же. С. 347.

⁵⁵ Там же. С. 302.

⁵⁶ Там же. С. 304.

⁵⁷ Там же. С. 352.

⁵⁸ Необходимое рабочее время — это время, общественно необходимое для производства и воспроизводства рабочей силы.

⁵⁹ Маркс К. Капитал. Книга первая//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 49. — С. 80.

⁶⁰ Там же. С. 89.

⁶¹ Там же. С. 81—82.

⁶² Там же. С. 90.

⁶³ К. Маркс следующим образом определяет абсолютную прибавочную и относительную стоимость: «Прибавочную стоимость, производимую путем удлинения рабочего дня, я, — пишет К. Маркс, — называю абсолютной прибавочной стоимостью. Напротив, ту прибавочную стоимость, которая возникает вследствие сокращения необходимого рабочего времени и соответствующего изменения соотношения величин обеих составных частей рабочего дня, я называю относительной прибавочной стоимостью». См.: Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 325.

⁶⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1861—1863 годов//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 47. — С. 512.

⁶⁵ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 42. — С. 100.

⁶⁶ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма//Полн. собр. соч. — Т. 27. — С. 387.

⁶⁷ Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 606.

⁶⁸ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 102.

⁶⁹ Ленин В. И. Карл Маркс//Полн. собр. соч. — Т. 26. — С. 55.

⁷⁰ Маркс К. К критике политической экономии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 13. — С. 8.

V

Сущность и характерные черты высшей фазы коммунистического общества

Критерием прогресса вообще является развитие человека, расширение рамок его исторической деятельности и свободы — это высший и наиболее общий показатель общественного прогресса. Наиболее полно этот критерий прогресса может быть реализован при коммунизме на его высшей стадии развития, так как именно тогда станут возможными становление непосредственно общественного способа производства, а в нем и непосредственно общественной формы труда; распределение и потребление материальных и духовных благ по потребностям; всестороннее и гармоническое развитие личности и т. д. В последующем мы остановимся на данных проблемах несколько подробнее. Однако будем иметь в виду, что становлению непосредственно общественного способа производства предшествуют положительное упразднение частной собственности и утверждение общественной, что входит в задачу социализма как высшей фазы коммунизма. Социализм создает условия и предпосылки перехода от низшей фазы коммунизма к его высшей фазе.

В идеале социалистический способ производства предполагает и создание условий преодоления товарно-денежных отношений, торжество непосредственно общественной формы труда, становление социальной однородности общества, отмирание государства и введение самоуправления, формирование нового человека, его всестороннее и гармоническое развитие в результате, как было сказано выше, положительного упразднения частной собственности и утверждения общественной собственности.

Непосредственно общественный способ производства и его характерные черты при коммунизме

О непосредственно общественном способе производства при коммунизме и непосредственно общественной форме труда достаточно убедительно говорит Ф. Энгельс в своей работе «Анти-Дюринг». Он пишет: «Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства *в непосред-*

ственно общественной форме (курсив наш. — *Е. Г.*), труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом»¹.

Примечательно, что ранее Ф. Энгельс говорит о непосредственно общественном производстве в условиях общинного способа производства, где «члены общины объединены для производства непосредственно общественной связью...»², а затем уже, методом исторической аналогии, он прогнозирует становление непосредственно общественного производства и труда при коммунизме³.

Естественно, для доказательства становления в перспективе непосредственно общественного способа производства при коммунизме одной исторической аналогии с первобытным коммунизмом недостаточно. Здесь необходим глубокий анализ предшествующей стадии развития капиталистического способа производства и тех тенденций в его развитии, которые сложились к тому времени (середина XIX ст.).

О чем говорит этот анализ? Только о том, что капитал, с одной стороны, стремится к универсальному развитию производительных сил, становясь объективно предпосылкой нового способа производства, идущего на смену капиталистическому, а с другой — будучи ограниченным по самой своей природе, являясь всего лишь переходным пунктом в развитии человеческого общества, капитал вступает в противоречие с самим собой. Если прогрессивной стороной является стремление к универсальному развитию производительных сил, то регрессивной — протекание этого процесса в антагонистической форме.

В чем же проявляется эта антагонистичность? На данный вопрос К. Маркс дает обстоятельный ответ при анализе процесса капиталистического производства, взятого в целом. Он пишет: «Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает преобразование условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства»⁴.

Иными словами, общественные условия производства предполагают положительное, по терминологии К. Маркса, упразднение частной собственности и утверждение непосредственно общественного производства на базе общественной собственно-

сти. В работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года», как уже отмечалось, К. Маркс в диалектике отчужденного труда и частной собственности видит их исторически преходящий характер. Только с уничтожением частной собственности, по его мнению, можно положить конец отчужденному труду, взаимному отчуждению людей. Вместе с преодолением отчуждения исключаются и те условия, которые порождают частную собственность.

К. Маркс считает, что частная собственность изжила себя и настало время ее «положительного упразднения», то есть перехода к коммунизму. Первоначальную стадию эпохи уничтожения частной собственности в этих рукописях К. Маркс называет «грубым коммунизмом», а в более поздних работах социализмом. «Грубый коммунизм», или социализм, на его ранней стадии развития, отличается от подлинного коммунизма тем, что сохраняется еще частная собственность, но это уже, по терминологии К. Маркса, «всеобщая частная собственность», или, как показала практика социалистического строительства в ряде стран в нашу эпоху, «государственная собственность», где государство выступает распорядителем собственности от имени и по поручению народа. Имеет место и категория «рабочего», которая распространяется на все слои общества.

Однако, с упразднением частной собственности и установлением общественной собственности, социализм, согласно представлению основоположников научного коммунизма, — это строй, где, в отличие от антагонистического общества, не производство, а человек стоит в центре социального развития. Здесь преодолеваются товарно-денежные отношения, ликвидируются классовые различия, формируется непосредственно общественный способ производства с его характерными чертами, которые получают свое дальнейшее развитие и утверждение на высшей фазе коммунистического преобразования общества. На этой стадии коммунистическое общество выходит на качественно новый уровень развития производительных сил и производственных отношений, то есть происходит создание подлинно коллективистских, товарищеских отношений как в трудовых коллективах, так и в обществе в целом.

«Приобретая новые производительные силы, — пишет К. Маркс, — люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, они изменяют все свои общественные отношения»⁵. Эти слова

К. Маркса относятся к развитию человеческого общества вообще. И коммунистическая стадия развития не является исключением. Если ветряная мельница, по выражению К. Маркса, дает нам общество во главе с феодалом, а паровая — во главе с капиталистом, то основанием для бесклассовых общественных отношений могут быть производительные силы, опирающиеся на науку, которая в начале превращается в непосредственную, а затем и во всеобщую общественную производительную силу. В новых коммунистических условиях личность становится главной производительной силой общественного производства.

Рассмотрим более подробно эти и другие признаки коммунизма на его высшей фазе развития. Итак, что касается диалектики производительных сил и производственных отношений, то здесь, на основе закона соответствия характера производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, будет осуществлен переход от капиталистических производственных отношений к отношениям коммунистическим, причем последние активно воздействуют на развитие производительных сил. При коммунизме конфликт между производительными силами и производственными отношениями исключен, поскольку производственные отношения в этот период будут качественно отличаться от производственных отношений всех предыдущих эпох. Если ранее люди вступали, как мы уже знаем, в отношения, от их воли не зависящие, то при коммунизме эти отношения примут осознанный характер. Соответственно, не только и даже не столько производительные силы определяют производственные отношения, сколько производственные отношения, на стадии доминирования духовного производства над материальным, определяют характер и уровень развития производительных сил.

Что же представляют собой производственные отношения на высшей фазе развития коммунизма? Здесь следует исходить из того, что при коммунизме производственные отношения и отношения общественные — если не тождественные понятия, то однопорядковые, так как переход к непосредственно общественному производству и непосредственно общественному характеру труда обеспечивает снятие претензии общественных отношений на некую самостоятельность, оторванную от индивидов и стоящую над ними. Важнейшим фактором такой зрелости общественного развития является высшая коммунистическая обобщественность человека на уровне как производственного коллектива, так и общества в целом.

Отношение коллективизма при коммунизме есть высшая ступень проявления коллективности. «В условиях действительной коллективности, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», — индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством ее»⁶. В данном случае под термином «ассоциация» (лат. *associatio* — соединение) нами понимается объединение людей для достижения не только групповой, но и всеобщей цели — коммунистического преобразования общества, где коммунистические общественные и производственные отношения выражают его сущность.

В чем же заключается сущность коллективистских коммунистических отношений? При ответе на поставленный вопрос мы будем исходить из научного определения понятия «коллективизм», данного доктором философских наук Евгением Ивановичем Суименко в монографии «Диалектика становления и развития отношений коллективизма» (К., 1988). В ней достаточно убедительно доказано, что коллективизм и коммунизм понятия однопорядковые. Основные характерные черты коллективизма в полной мере реализуются при коммунизме, когда непосредственно общественный тип производства и труда делает коллективизм всеобщим принципом человеческого бытия. Следовательно, коллективизм — это «исторический тип социальных связей, взаимодействий, отношений, присущих коммунистической формации, возникающих на основе общественной собственности на средства производства и характеризующихся приоритетом общественного интереса, единством коренных интересов и несовпадением, расхождением, обособлением некоренных интересов индивидов, возникновением общественных отношений до уровня универсального и гуманистического по своему содержанию человеческого общежития»⁷.

Что же представляют собой те общественные связи⁸, взаимодействия и отношения между людьми, свойственные высшей стадии коммунистической формации, где, к слову сказать, формационное развитие прекращается? При высокоразвитых производительных силах, как справедливо считали К. Маркс и Ф. Энгельс, «устанавливается *универсальное* общение людей», а «местно-ограниченные индивиды сменяются индивидами *всемирно-историческими*, эмпирически универсальными»⁹. Для К. Маркса и Ф. Энгельса коммунизм — производство самой формы общения, где «отношение производительных сил к форме общения, это — отношение формы общения к действиям или деятельности индивидов»¹⁰.

Большое значение для установления универсального общения людей имеет и участие всех членов общества в организации и управлении общественными делами, производственными процессами, а также участие в развитии науки, техники, культуры и т. д. Следует иметь в виду, что этому способствуют, как отмечалось выше, расширение свободного и сокращение рабочего времени. В условиях коммунистических общественных отношений свободное время — суть свободы. Свобода — это осознанная деятельность, поставленная на службу интересам общества и личности, где приоритетными являются общественные интересы.

Формой общественных связей и отношений в развитии коммунистического общества выступает также сотрудничество и взаимопомощь во всех сферах жизнедеятельности. Следует напомнить, что в условиях первобытного способа производства уже имела место форма сотрудничества и взаимопомощи, но в условиях рабовладельческого, феодального и капиталистического способов производства устанавливается форма господства и подчинения во взаимоотношениях между людьми. Дальнейшее развитие общества в условиях коммунистических общественных отношений снова, как и при первобытном коммунизме, будет идти в форме сотрудничества и взаимопомощи.

К формам установления тесных общественных связей и отношений при коммунизме следует, на наш взгляд, отнести и плановую форму регулирования как общественных, так и производственных отношений, планомерное развитие производительных сил на основе сознательного применения науки, а также планомерный контроль за производством и потреблением со стороны всех членов общества¹¹.

Наконец, в развитии и укреплении общественных связей и отношений не последнюю роль будет играть и становление непосредственно общественного по своей форме характера труда. В условиях реального обобществления труда появятся новые формы взаимосвязи, взаимозависимость между конкретными видами труда. Важной формой общественных связей и отношений станет и потребность в творческом труде всесторонне и гармонически развитых людей. Названные нами некоторые формы установления подлинно коллективистских общественных и производственных отношений при коммунизме открывают широкий простор для развития качественно новых производительных сил в сфере как материального, так и духовного производства. Однако прежде чем перейти к характеристике производительных сил

в материальном и духовном производстве, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть ряд вопросов, а именно: в чем отличие общественных отношений в сферах материального и духовного производства; каково соотношение материального и духовного производства в рамках общественной жизни; в чем различие между материальным и духовным производством и что общего между ними; что составляет предмет духовного производства и какова его основная цель; и, наконец, в чем специфика производительных сил в сфере духовного производства и что в таком случае выступает главной производительной силой.

За основу при ответе на поставленные вопросы нами была взята работа доктора философских наук, профессора философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Александра Митрофановича Ковалева «Способ духовного производства в структуре общества» (М., 2001). В ней автор проводит исследование способа духовного производства и устанавливает его место в структуре производства общественной жизни в целом.

Итак, что касается общественных отношений в сферах материального и духовного производства, то их отличие заключается в том, что «...если общественными отношениями в сфере материального производства, — пишет А. М. Ковалев, — выступают *производственные отношения* (курсив наш. — *Е. Г.*), то общественными отношениями в сфере духовного производства выступает все то, что обеспечивает развитие, распространение и углубление знаний человека о нем самом и об окружающем мире»¹². От себя добавим: производственные отношения в сфере материального производства по своему характеру коллективистские, товарищеские, таковыми они являются и в сфере духовного производства в условиях высшей стадии коммунизма. И это притом, что духовное производство — продукт не столько условий, сколько самого человека, его психической энергии в тех или иных конкретных условиях.

Что же касается соотношения материального и духовного производства в рамках общественной жизни, то здесь следует иметь в виду взаимосвязь и взаимообусловленность биологического и социального в общественной жизни. Социальное, как мы знаем, возникнув на основе биологического и подчиняясь его законам, оказывает на биологическое обратное влияние. Однако, будучи продуктом человеческого потенциала, и материальное, и духовное производство тем не менее имеют собственный источник развития в виде различных форм человеческой деятельности,

а потому и относительно самостоятельный характер по отношению друг к другу и могут опережать или отставать один от другого. Благодаря этому, надо полагать, духовное производство в условиях высшей стадии коммунизма будет иметь опережающий характер по отношению к материальному производству. На эту сторону вопроса обращает внимание и А. М. Ковалев: «Прежде всего духовное производство развивается не на базе материального производства, а то и другое имеют своим источником материальную и духовную сферы деятельности человека, его природы, которые во взаимодействии с условиями и порождают материальное и духовное производство. Материальное и духовное производство обладают относительной самостоятельностью, они развиваются по своим специфическим законам и взаимодействуют друг с другом. Следовательно, духовное производство не только и не столько продукт условий, а скорее продукт самого человека, его психической энергетики в определенных условиях.

Далее, — пишет А. М. Ковалев, — далеко не всякое духовное производство в обществе следует за развитием его материально-производственной сферы. На определенном этапе и в определенных условиях *духовное производство может опережать материальное* (курсив наш. — Е. Г.) и указывать ему пути развития»¹³. Таким образом, надо полагать, будет коммунизм на его высшей стадии развития. В нем будут созданы все условия для опережающего развития духовного производства по отношению к материальному.

При уяснении сущности духовного производства большое методологическое значение для нас имеет, с одной стороны, то общее, что присуще и материальному, и духовному производству, а с другой — их различия. Общим для них является то, что и тот, и другой вид производства — продукт деятельности самих людей, их трудовой и духовной энергии, а различия вытекают из того, что и материальное, и духовное производство являются относительно самостоятельными компонентами в структуре способа производства общественной жизни. «Если материальное производство, — пишет А. М. Ковалев, — представляет собой воплощение физической энергии человека, реализованной в его трудовой деятельности, то духовное воплощает в себе в высшем выражении духовное начало, заключенное в самом фундаменте материи и реализованное в духовных потенциях людей. Если материальное производство воплощается в материальных предметах, продуктах труда, то духовное реализуется посредством мыслей, идей, пред-

ставлений, произведений искусства и т. д. Наконец, если материальное производство обеспечивает преобразование человеком окружающего мира, то его духовное производство, воплощенное в сознании, направлено на познание этого мира с целью обеспечения преобразования и соответствующей адаптации человека к этому миру»¹⁴.

К этому следует добавить, что «если предметом труда в условиях материального производства выступает окружающая человека среда, то в условиях духовного производства таким предметом выступает окружающий мир, сам человек, а также отношения между ними... Если в качестве цели материального производства выступает создание материальных структур посредством самоорганизации и преодоления их хаотического состояния, то целью духовного производства выступает создание из хаотического состояния образов, процессов, звуков, упорядоченных духовных структур и поиск в сфере случайности, стихийности и непредсказуемости объективных закономерных тенденций»¹⁵. И, как было сказано выше, если продуктом материального производства выступают вещи, обработанные человеком в процессе труда, то в качестве результата духовного производства выступают знания о мире, позволяющие человеку не только поступать сообразно окружающей действительности, но и преобразовывать ее адекватно своим потребностям.

И последнее. Нами поставлен вопрос: в чем же специфика производительных сил в сфере духовного производства и что в таком случае выступает главной производительной силой? Заметим, что духовное производство (как и материальное) реализуется посредством определенных производительных сил. «В качестве производительных сил, — пишет А. М. Ковалев, — в сфере духовного производства выступает психическая деятельность человека, а также те орудия и средства познания, посредством которых она осуществляется»¹⁶. В сфере духовного производства к средствам труда относятся: языковое общение, учебные и научные учреждения, средства культуры и информации, предметы искусства, соответствующая техника и т. д. Если духовное производство «продукт самого человека», а человек в свою очередь «выступает важнейшей производительной силой», то в новых (как во внутренних, так и во внешних) условиях коммунистического способа производства он становится главной производительной силой, но для этого необходимо всестороннее знание объективного мира, а такое знание возможно на основе развития всех ви-

дов духовного производства, и прежде всего овладение научным мировоззрением всеми членами коммунистического общества на его высшей стадии развития.

К этому следует добавить, что духовное производство на каждом этапе развития общества имеет свои особые формы и свое особое, отличное от всех предыдущих эпох, содержание, так как теоретическое мышление это исторический продукт. Не является исключением и теоретическое мышление, его развитие в условиях коммунистической стадии развития общества. На эту сторону вопроса в свое время обратил внимание Фридрих Энгельс¹⁷.

В коммунистическом обществе, где тотальное развитие личности становится самоцелью, теоретическое мышление, а с ним и духовное производство в целом, приобретает огромное значение, становится в полной мере основой, на которой происходит постоянное совершенствование всех сторон жизнедеятельности как отдельного индивида, так и общества. Основными элементами духовного производства являются наука, образование, искусство, мораль, обмен информацией и т.п. Все они – суть лишь особые виды производства, где лидирующую роль, на наш взгляд, играет наука. Неслучайно на определенном этапе развития человеческого общества, как мы отмечали, наука становится не только непосредственной, но и всеобщей общественной производительной силой.

Для теоретического воспроизведения и анализа процесса перерастания науки вначале в непосредственную, а при коммунизме и во всеобщую общественную производительную силу необходимо остановиться кратко на терминах «наука», «научная деятельность», «научное знание». Первый из них – «наука» – более широкий по содержанию. Соответственно, структура и функции науки не совпадают со структурой и функциями как научной деятельности, так и научного знания.

Наука представляет собой особую отрасль общественного производства – духовного производства, производства научного знания. Только проникновение во внутренние, глубинные, устойчивые, необходимые отношения и связи, то есть духовное освоение действительности на уровне законов, характеризует научное познание. «Задача науки, – подчеркивает К. Маркс, – заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...»¹⁸ Однако реальное положение дел требует глубокого научного исследования и получения научного знания. Получению научного

знания предшествует научная деятельность, то есть деятельность, продуцирующая объективно истинное, теоретически разработанное знание. В свою очередь научное знание воздействует на научную деятельность не только как цель, которой подчинен познавательный процесс, но и как готовый научный продукт. Таким образом, в самом осуществлении научной деятельности, в ее диалектическом взаимодействии с научным знанием скрывается внутренний источник ее движения, о чем и писал К. Маркс, формулируя задачи науки.

Что это нам дает? Только то, что продукт научной деятельности — знание — является не материальным, а духовным продуктом и наука принадлежит к числу отраслей духовного производства. Анализируя духовное производство, К. Маркс выделял две его основные формы. Первую из них составляет производство таких духовных ценностей, которые овеществляются в каких-либо предметах (книги, картины, отчеты, таблицы и иные документы)¹⁹. Наука относится именно к этой форме духовного производства. Второй формой является производство, результаты которого неотделимы от самого акта творчества.

Субъект научной деятельности, и это очень важно иметь в виду, как и в сфере материального производства, включает три основных структурных элемента: собственно научный труд, предмет или объект познания и познавательные средства труда. По существу, подлинным субъектом научной деятельности (независимо от того, выступает ученый как индивид или в коллективе) является общество. «Общество как субъект, — пишет П. В. Копнин, — существует лишь в деятельности отдельных людей, вступающих в определенные общественные отношения и обладающих известными орудиями и средствами производства...»²⁰ Чем большей зрелости достигает наука, тем более непосредственно общественной становится и научная деятельность, достигая своего апогея в условиях не просто коллективной, а подлинно коллективистской общественной деятельности. Таким образом, труд ученого в условиях коммунистических общественных отношений с самого начала становится непосредственно общественным трудом, а духовное производство — непосредственно общественным производством. Непосредственно общественный характер производства в обществе достигается при коммунизме на основе тождества противоположностей, которыми являются, с одной стороны, духовное, а с другой — материальное производство. В сфере материального производства главной производительной

силой становится наука, научное знание, что находит свое проявление в новой технике, технологии и т. п. Здесь, по-видимому, целесообразно заметить, что не следует смешивать материальное и духовное производство, с одной стороны, и материальный (физический) и духовный труд с другой. Различие между материальным и духовным производством зиждется на характере не труда, а производимого продукта. Тождество между духовным и материальным производством, о котором мы говорили выше, находит свое проявление в том, что акт научного познания в сфере духовного производства совпадает с актом преобразования в сфере материального производства. Практическая деятельность и ее плоды становятся материальной силой знания, что находит отражение, в частности, в превращении науки не только в непосредственную производительную силу, но и во всеобщую общественную производительную силу на высшей стадии коммунистического преобразования общества.

Категория «всеобщая общественная производительная сила» — это отражение диалектического единства, взаимосвязи и взаимообусловленности духовного и материального производства, их производительных сил, где единство теории и практики, субъекта и объекта, человека и природы выражает теоретическое и практическое могущество человека как главной общественной производительной силы.

При определении категории «всеобщая общественная производительная сила», свойственной коммунистической стадии развития общества, мы исходили из того, что в этих условиях наука выступает в качестве универсальной производительной силы, воздействующей как собственно на духовное, так и на материальное производство. Подтверждением тому является тот факт, что на данной стадии развития человеческого общества наука, став уже непосредственной производительной силой, перерастает во всеобщую общественную производительную силу. Но на пути к этому закономерному процессу — капиталистическая организация производства, где наука — производительная сила постольку, поскольку она способствует получению прибыли, а также производству материальных ценностей. И только коммунизм, коммунистические общественные отношения в состоянии уничтожить такой утилитарный подход к науке, рассматривая ее в качестве всеобщей общественной производительной силы, где главной производительной силой выступает человек, всесторонне и гармонически развитая личность.

Об этом говорит и генезис науки, ее основные исторические периоды развития. Нет необходимости останавливаться на генезисе науки. Этот вопрос достаточно полно освещен в соответствующей литературе²¹. Здесь же следует только подчеркнуть, что сама наука предрасположена быть всеобщей общественной производительной силой.

Во-первых, это происходит в силу того, что научный труд с самого начала есть всеобщий труд. Он, по существу своему, обусловлен, с одной стороны, совокупностью труда предшественников, а с другой — результатами труда современников. На данную особенность труда ученого обратил внимание К. Маркс, который называл научную деятельность «всеобщим трудом». Он писал: «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников»²². Субъект, творящий науку, всегда общественный человек, активный носитель всеобщего теоретического знания. Говоря о науке как о всеобщей общественной производительной силе, следует подчеркнуть, что речь идет о науке в целом как о духовном производстве, продуктом которого является приобретение общественного знания о природе, обществе и человеке, где субъектом научного познания выступает общество как таковое, включающее как конкретного индивида, так и кооперацию индивидуумов.

Во-вторых, это заключается в том, что, начиная с промышленной революции, наука превращается в непосредственную производительную силу и окончательно становится таковой в XX столетии, когда информационная сфера в широком смысле слова стала играть решающую роль в производственном процессе.

Проницательная мысль о превращении науки в непосредственную производительную силу была высказана еще в середине XIX столетия К. Марксом, который предвосхитил огромную роль знаний в жизни общества не только в XIX, но и в XXI столетии. В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» К. Маркс писал: «Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в *непосредственную производительную силу*, и отсюда показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в

форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса»²³. При этом К. Маркс считал, что становление науки в качестве непосредственной производительной силы общества идет по двум направлениям: овеществления знания в орудиях и предметах производства, а также приобретения их самим человеком труда. Если первое направление можно рассматривать как технологическое применение знания, то второе — как использование знания самим человеком. Эти предвидения К. Маркса получают убедительное подтверждение в нашу эпоху, когда наука стала уже непосредственной производительной силой, а в исторической перспективе будет и всеобщей общественной производительной силой, доминирующей как в экономической, так и в общественной сферах жизнедеятельности общества. Последнее возможно на высшей фазе коммунистического преобразования общества, когда духовное производство и, в частности, наука будут доминировать над материальным производством²⁴.

В-третьих, «общее ведение производства, — писал Ф. Энгельс, — силами всего общества будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их»²⁵. Что собой будут представлять эти «новые люди» в условиях высшей стадии развития коммунистического общества? За ответом обратимся к К. Марксу. При коммунизме, писал К. Маркс, «человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, следовательно, как целостный человек»²⁶. И еще: «...возникшее общество (коммунистическое общество. — *Е. Г.*) производит, как свою постоянную действительность, человека со всем этим богатством его существа, производит *богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях* человека»²⁷.

По К. Марксу, «целостный человек» — это гармонично и всесторонне развитая личность, человек-творец, человек, свободное развитие которого служит условием развития всего общества, а главное — человек, для которого труд является первой жизненной потребностью. Что касается «богатства», то, как видим, в коммунистическом обществе богатством становится не то, что человек производит, а прежде всего он сам, его умственные и физические потенции. Это не значит, что при коммунизме отрицается материальное богатство — напротив, на его основе только и возможен расцвет духовных качеств личности.

Таким образом, подлинное общественное богатство включает в себя формирование «целостного человека» на основе диалекти-

ческого единства как материального, так и духовного производства. Почему материального и духовного производства в их единстве? Да потому, что труд в материальном производстве может приобрести черты творчества, стать средством формирования «целостного человека». Это достигается благодаря тому, что труд принимает не просто всеобщий, но и научный характер.

Труд станет средством самоосуществления индивида только тогда, когда будет достигнуто диалектическое единство (тождество) между содержанием и формой труда на уровне труда индивида, совокупного труда, совокупного общественного труда. Это станет вполне возможным при условии утверждения в обществе непосредственно общественного способа производства, о чем шла речь выше, а также становления непосредственно общественной формы труда, его непосредственно общественного характера. В этом смысле, будучи производной категорией от диалектического единства содержания и формы труда, характер труда при коммунизме выражает тенденцию развития, дальнейший его прогресс. В этом смысле и непосредственно общественный характер содержателен, так как отражает тенденцию развития, присущую коммунистической общественной формации, хотя и обусловлен прежде всего его непосредственно общественной формой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 321.

²Там же. — С. 320.

³Отметим, что категории «производство» и «труд» находятся в диалектическом единстве. Они взаимообусловлены, их нельзя отделить друг от друга. И если мы это делаем, то чисто условно, для удобства изложения материала.

⁴Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25 Ч. 1. С. 290.

⁵Маркс К. Ницета философии // Там же. Т. 4. С. 133.

⁶Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Там же. Т. 3. С. 75.

⁷Суименко Е. И. Диалектика становления и развития отношений коллективизма. Глава 1. Теория и методология вопроса о сущности, становлении и развитии коллективизма. 1. Понятия коллективности и коллективизма в марксистско-ленинской науке. К., 1988. С. 31.

⁸Термин «социальные связи и отношения» правомерен по отношению к коммунистической общественной формации на стадии ее становления и развития. По достижении высшей фазы коммунизма термин «формация» теряет

смысл. Следовательно, как справедливо отмечает В. А. Босенко «...дальнейшие изменения общества будут теми изменениями, которые перестанут быть социальными в современном смысле этого слова», а будут только общественными / См.: Босенко В. А. Всеобщая теория развития. К., 2001. С. 235.

⁹Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 3. С. 33, 34.

¹⁰Там же. — С. 71.

¹¹Планомерная организация непосредственно общественного производства при коммунизме представлена К. Марксом во всех разработках «Капитала», но в концентрированной форме дана им в работе «Критика Готской программы» / См.: Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 18.

¹²Ковалев А. М. Способ духовного производства в структуре общества. Идеи, размышления, гипотезы. М., 2001. С. 142.

¹³Там же. — С. 139.

¹⁴Там же. — С. 144.

¹⁵Там же. — С. 140 141.

¹⁶Там же. С. 141.

¹⁷«Теоретическое мышление каждой эпохи, — писал Ф. Энгельс, — а значит и нашей эпохи, это исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления. А это имеет важное значение также и для практического применения мышления к эмпирическим областям» / См.: Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 366 367.

¹⁸Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 343.

¹⁹См.: Маркс К. Капитал. Т. 4 // Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 420.

²⁰Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. — К., 1996. С. 64.

²¹Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956; Волков Г. В. Истоки и горизонты прогресса: Социологич. проблемы развития науки и техники. М., 1976; Луи де Бройль. По тропам науки. М., 1962; Майзель И. А. Наука, автоматизация, общество. Л., 1972; Наука и научное творчество. Ростов-на-Дону, 1970; Очерки истории и теории развития науки. М., 1969; и др.

²²Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 116.

²³Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Там же. Т. 46. Ч. 2. С. 215.

²⁴К. Маркс и Ф. Энгельс, рассматривая взаимоотношения между материальным производством и наукой на индустриальной стадии развития общества, настаивали на примате первого над вторым. Это вполне естественно в тех

конкретно-исторических условиях, когда материальное производство играло ведущую роль по отношению к духовному производству. Эту точку зрения достаточно красноречиво описал Ф. Энгельс: «Когда после темной ночи средневековья вдруг вновь возрождаются с неожиданной силой науки, начинающие развиваться с чудесной быстротой, то этим чудом мы опять-таки обязаны производству» / См.: Энгельс Ф. Диалектика природы. Заметки и фрагменты из истории науки // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 501.

Мы же ведем речь о науке как о всеобщей общественной производительной силе в условиях высшей стадии развития коммунизма, где, как отмечалось выше, духовное производство, в частности наука, превалирует над материальным производством.

²⁵Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 335.

²⁶Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. [коммунизм] // Там же. Т. 42. С. 120.

²⁷Там же. — С. 122–123.

**Непосредственно общественная форма труда.
Труд как первая жизненная потребность
в условиях коммунизма**

О непосредственно общественном способе производства и непосредственно общественной его форме при коммунизме, как уже отмечалось выше, говорил Ф. Энгельс в работе «*Анти-Дюринг*»¹, а еще раньше, в 1875 году, К. Маркс, который писал: «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства... индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда»².

Отметим, что категория «труд» употребляется в трех значениях: целесообразная деятельность, или сам труд (труд индивида); совокупный труд; совокупный общественный труд. Все три аспекта труда выражают многообразие взаимодействия человека и человечества с окружающей средой, включая и межличностное общение.

В свое время нами была предпринята попытка рассмотреть категорию «форма труда» (которая не утратила своей актуальности и в наши дни) на уровне труда индивида, совокупного труда и совокупного общественного труда³. Категория «совокупный труд» нами понимается как совместный труд индивидов на различных уровнях его кооперации, то есть на уровне трудового коллектива, в отличие от категории «совокупный общественный труд», объединяющая труд индивидов в масштабе общества. Категория «форма труда» рассматривается в диалектическом единстве с категорией «содержание труда». Если содержание индивидуального труда составляет целеполагающая деятельность субъекта труда, которая направлена на преобразование предмета труда и создание потребительной стоимости, удовлетворяющей потребности личности и общества, то форма индивидуального труда — это совокупность и взаимодействие различных элементов и сторон, образующих технологическую связь работника с орудиями и предметами труда, структуру его организации в процессе создания необходимого продукта.

Объективно природе противостоит не индивидуальный, а совокупный труд. Совокупный труд — это совместный труд индиви-

дов, которые объединены (добровольно или принудительно) на различных уровнях общности (производственного коллектива, отрасли и т. п.) для осуществления целесообразной деятельности по производству средств производства и предметов потребления, характеризующейся образованием новой производительной силы как индивидуального, так и совокупного труда. Отсюда следует, что содержанием совокупного труда является целесообразная деятельность совокупного работника как результат совместного труда индивидов, образующих целостный трудовой процесс по производству необходимого продукта, а формой — его кооперация.

Кооперация труда отражает не только технологическую, но и технико-организационную связь, которая возникает между работниками в процессе производства необходимого продукта. «Та форма труда, — писал К. Маркс, — при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией»⁴. Выделение категории «совокупный труд» оправдано, на наш взгляд, тем, что данная категория, будучи промежуточной между индивидуальным и совокупным общественным трудом, характеризует процесс восхождения от технико-технологического аспекта труда к социально-экономическому. И совокупный, и совокупный общественный труд указывают на совместный труд индивидов, но на разных уровнях общности. Совокупный общественный труд имеет качественную определенность в том, что он организован в масштабе общества и каждый индивидуальный трудовой акт составляет элемент определенной социальной целостности. Общественный труд — это качественно новый уровень совокупного труда (совокупный общественный труд), целью которого является преобразование вещества природы в нужном обществе направлении, организованный (добровольно или принудительно) в систему общественного производства в масштабах общества и характеризующийся массовой производительной силой в рамках определенных производственных отношений.

Мы рассмотрели категории «индивидуальный труд», «совокупный труд», «совокупный общественный труд» в их всеобщности, то есть абстрагируясь от всего многообразия различных видов труда. Еще раз подчеркнем: общественный труд — это абстракция, постольку она фиксирует наиболее общее, что присуще общественному труду на разных стадиях исторического развития.

Именно это позволяет нам говорить о целесообразной деятельности совокупного работника общества как о содержании категории «общественный труд», которое проявляется в той или иной общественной форме, так как целесообразная деятельность совокупного работника общества является всеобщей категорией, отражающей всеобщее условие обмена веществ между субъектом (обществом) и объектом (природой). Всеобщим же в общественном труде является его содержание, проявляющееся через особенное, специфическое, что составляет его общественную форму.

Истории известны пять основных этапов взаимодействия субъекта (общества) и объекта (природы), соответственно и пять типов проявления диалектики содержания и формы труда, обусловленные определенной общественной формой собственности на орудия и средства производства. Выше нами были рассмотрены: первобытнообщинный строй — непосредственно общинная форма труда; рабовладельческий строй — принудительная форма труда; феодальный строй — крепостническая форма труда, где господствующей является барщинная форма труда при сохранении внебарщинного индивидуального хозяйства; капиталистический способ производства — наемная форма труда.

На смену наемной форме труда закономерно с объективной необходимостью грядут и неизбежно придут на коммунистической стадии развития общества и непосредственно общественный способ производства (рассмотренный нами выше), и непосредственно общественная форма труда. Переход к высшей стадии в развитии коммунистического труда предполагает качественное изменение его формы: от первоначального этапа непосредственно общинной формы труда в условиях первобытнообщинного способа производства — к его отрицанию на стадии классово-антагонистических общественно-экономических формаций и к новому, высшему этапу — непосредственно общественной форме труда в условиях коммунистического способа производства. Такова диалектика содержания и формы общественного труда в истории развития человеческого общества.

В чем же состоит качественное отличие непосредственно общественной формы труда в условиях коммунистического способа производства от всех предшествующих общественных форм труда, в том числе и от непосредственно общинной формы труда?

Коммунистический способ производства предполагает непосредственно общественное производство, непосредственно общественный труд, планомерное общественное управление, то

есть предполагает форму, диаметрально противоположную товарному производству. На смену частному производству приходит общественное, при котором происходит непосредственное соединение средств производства и рабочей силы. Это соединение не опосредовано наличием особых классов, здесь вещественные условия производства не отделены от субъекта производства и принадлежат ассоциации в целом. Сущность непосредственно общественной формы труда как раз и состоит в соединении свободных ассоциированных производителей с общенародными средствами труда. При этом достигается единство содержания и формы общественного труда, так как базисом коммунистического способа производства служит труд в форме, адекватной форме собственности на общественные средства производства. Единой общенародной коммунистической собственности на средства производства будет соответствовать и труд в его непосредственно общественной форме.

Процессу превращения общественного труда в целесообразную деятельность, где субъектом труда выступает все общество, предшествуют включение индивидуального труда в совокупный труд общества, превращение кооперации как формы совокупного труда во всеобщую кооперацию в масштабах общества.

Характерной чертой данного этапа развития общественного труда является формирование в масштабах всего общества единой совокупной рабочей силы. Это становится возможным с ликвидацией отчуждения труда, товарной формы рабочей силы. Труд отдельных индивидов, соединенных общественной собственностью на орудия и средства труда, как и предвидел К. Маркс, вливается в единый поток, составляя одну рабочую силу. Функционирование индивидуальной рабочей силы выступает здесь как момент функционирования общественной рабочей силы. Таким образом, коллективная собственность на средства производства делает общество-собственника коллективным работником, составляющим общественную рабочую силу из массы индивидуальных. В этом проявлении индивидуальной рабочей силы как общественной и общественной как индивидуальной пример диалектического единства противоположных моментов.

Целесообразная деятельность совокупного работника, основанная на коллективной собственности на средства производства, принимает качественно новую форму кооперации труда. Если для стадии капиталистического способа производства типичным являлся переход от простых форм кооперации к более

сложным, связанным прежде всего с изменением в материально-техническом базисе производства, то в условиях коммунистического способа производства качественные изменения происходят не только в данном базисе, но и главным образом в социально-экономической основе кооперации труда. Общенародная собственность расширяет рамки кооперации труда, создает условия для всеобщей кооперации во всем народном хозяйстве. Всеобщая кооперация труда умножает производительную силу общественного труда, способствует формированию коммунистических производственных отношений. В данном случае речь идет об интеграции не только отдельного индивида в производственный коллектив, но и отдельных производственных коллективов во всеобщий народнохозяйственный кооператив. Всеобщая кооперация труда тесно связана с изменениями в распределении труда внутри общества. «...*Необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, измениться может лишь форма ее проявления*»⁵.

Распределение труда выступает на различных этапах развития человеческого общества в формах разделения труда либо его перемены. С переходом к коммунистическому способу производства складываются предпосылки, благодаря которым планомерное распределение труда между отраслями будет сочетаться с переменой труда всесторонне и гармонично развитых членов общества. Это будет общественное распределение труда, в полной мере ставшее для человека свободным сознательным выбором; распределение, освободившееся от черт разделения труда.

Всестороннее и гармоническое развитие личности становится одним из решающих условий функционирования совокупных производительных сил общества. В отличие от первобытнообщинного строя (где основным был личностный компонент) и классово-антагонистических формаций (технический компонент) в коммунистическом обществе общественные преобразования совершаются на основе гармонического развития всей совокупности компонентов общественных производительных сил. Эта совокупность в единстве с производственными отношениями воздействует не только на содержание и форму общественного труда, но и на его характер.

«Категория «характер труда» как бы синтезирует содержание и форму труда и в предикативной форме (т. е. отвечая на вопрос, каков труд в обществе, в конкретном трудовом процессе) раскры-

вает сущностную сторону труда (труд отчужденный или непосредственно общественный, творческий или нетворческий, монотонный или разнообразный, простой или сложный, умственный или преимущественно физический, квалифицированный или неквалифицированный и т. д.)»⁶. Из данного нами определения категории «характер труда» нетрудно заключить, что на коммунистической стадии развития человеческого общества труд будет по характеру: непосредственно общественным, творческим, разнообразным, сложным, преимущественно умственным, высококвалифицированным и т. д.

Непосредственно общественный характер труда есть отражение непосредственно общественной его формы, присущей коммунизму на высшей фазе развития. Это означает, что все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, и работать в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества. Достигнут расцвета товарищеское сотрудничество и взаимопомощь, составляющие сущность непосредственно общественного труда при коммунизме.

Такой подход к анализу характера труда позволяет определить его как высокоинтеллектуальный творческий труд, который при коммунизме превратится в первую жизненную потребность. Удельный вес интеллектуальной деятельности качественно вырастет по мере превращения науки во всеобщую общественную производительную силу. Отметим, что в процессе интеллектуализации труда у личности будут выработаны такие качества, как чувство нового, способность преодолевать шаблонный, стандартный подход к трудовому процессу, умение сочетать организаторские и исполнительские функции, готовность к быстрому усвоению, а затем и к применению в практической деятельности новых знаний, информации и т. д. Это характеризует становление специфически коммунистических черт труда, его гармонизацию, превращение в первую жизненную потребность. С превращением труда в первую жизненную потребность связано придание труду творческого характера. На данной проблеме следует остановиться несколько подробнее, так как со стороны западных социологов, и не только их, имеет место противопоставление понятию «труд» понятия «творчество».

Эту точку зрения отстаивает в своих работах Владислав Леонидович Иноземцев⁷. Он пишет: «В целом даже беглый обзор западной терминологии не может не привести к выводу о том, что

различия между трудом и творчеством, делающие каждый из этих процессов несводимым к другому, вполне четко закреплены в понятийном аппарате современной социологии; соответствующие термины разведены как понятия, обозначающие два качественно разных вида человеческой деятельности»⁸. Такое разграничение понятий «труд» и «творчество» необходимо В. Л. Иноземцеву, чтобы доказать: «...творчество кардинально отлично от труда, что творчество не есть труд»⁹.

С его точки зрения категория «труд» является основным видом деятельности в сфере материального производства в условиях экономической общественной формации, но не постэкономической. Постэкономической общественной формации присущ не труд, а творчество. И все эти рассуждения нужны В. Л. Иноземцеву для того, чтобы убедить нас в необходимости перехода от категории «труд» к категории «творчество» уже на начальной стадии развития постэкономической общественной формации, то есть на современном этапе развития человеческого общества.

И еще: ни о каком «творческом характере труда», утверждает он, в перспективе не может быть и речи — это издержки марксистской теории, в которой «...не проводилось терминологического разграничения деятельности в условиях экономической и коммунистической общественных формаций; и в том, и в другом случае она определялась в конечном счете как *труд*, а отличия ее видов между собой фиксировались лишь на основании описания того или иного вида *труда*»¹⁰.

Мы не можем согласиться с западными социологами и всеми теми, кто разделяет их взгляды о том, что творчество — это антитеза труду; что оно кардинально отличается от труда; что творчество — не есть труд; что между ними существует принципиальное различие, и т. д. Никто не отрицает, что понятия «труд» и «творчество» на данном этапе развития общества — не тождественные понятия, но, на наш взгляд, они однопорядковые. В основе того и другого лежит понятие «деятельность». В первом случае оно связано преимущественно с физическим трудом в сфере материального производства, а во втором — преимущественно с умственной деятельностью в сфере духовного производства. При переходе, по терминологии К. Маркса, от вторичной к третичной общественной формации труд не подменяется творчеством, как это пытаются доказать западные социологи, а принимает творческий характер.

Остановимся на этих вопросах несколько подробнее. Прежде всего — что касается терминов «постэкономическая общественная формация» и «коммунистическая общественная формация»¹¹.

За основу критики взглядов западных социологов по данному и иным вопросам возьмем работу Владислава Леонидовича Иноземцева «К теории постэкономической общественной формации», где главное внимание уделяется оценке современных хозяйственных систем западных обществ как постэкономических, имеющих перспективу дальнейшего развития и идущих на смену экономической общественной формации в планетарном масштабе.

Теория постэкономической общественной формации фактически подменяет теорию коммунистической общественной формации как устаревшую, утратившую свое значение в новых исторических условиях — в эпоху постиндустриализма. Верно ли то, что теория коммунистической общественной формации утратила свою истинность в наши дни? И что это за черты постэкономической общественной формации, о которых говорит В. Л. Иноземцев, делающие ее соответствующим элементом исторического пути развития человечества? В качестве доказательства В. Л. Иноземцев выделяет три главных направления:

«Во-первых, важнейшей чертой постэкономической общественной формации является кардинальное изменение характера и форм человеческой деятельности...

Во-вторых, нельзя не подчеркнуть, что постэкономическая общественная формация отрицает такую фундаментальную черту своей предшественницы, как товарное производство, базирующееся на труде и законе стоимости...

В-третьих, становление постэкономической общественной формации предполагает преодоление важнейшей характеристики формации экономической — отчуждения человека от других людей и от общественного целого. Последнее может произойти только при условии, что будет покончено с эксплуатацией человека человеком, феноменом, имеющим помимо объективных еще и субъективные стороны...»¹²

Все названные черты относятся к будущему коммунистическому обществу. Я подчеркиваю: будущему, а не современному западному обществу, которое якобы «...привело в начале 60-х годов к замене, — как утверждает В. Л. Иноземцев, — капиталистического способа производства более высоким, относительно условно названным нами посткапиталистическим»¹³.

Посткапиталистический способ производства, надо полагать, присущ уже не экономической, а постэкономической общественной формации. «Говоря о постэкономической общественной формации, мы, — пишет В. Л. Иноземцев, — имеем в виду в первую очередь именно «движение», которое уничтожает современное состояние»¹⁴. Но, простите, основоположники научного коммунизма под коммунизмом так же понимали «...действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»¹⁵, что, естественно, хорошо известно В. Л. Иноземцеву.

Свой отказ от термина «коммунизм», а следовательно, и идущей на смену экономической общественной формации коммунистической, он объясняет тем, что название «коммунистическая» серьезно себя дискредитировало. Чем же именно? Оказывается, догматическим толкованием теории марксизма, крушением коммунистической системы в бывшем Советском Союзе и странах Восточной Европы. Если в советской науке и имело место догматическое толкование теории марксизма, в частности «представление о развитии цивилизации через пять общественно-экономических» формаций, то о каком крахе коммунизма в бывшем Советском Союзе и странах Восточной Европы может идти речь, если коммунизма на планете Земля не было и не могло еще быть исходя из научной теории марксизма¹⁶?

По В. Л. Иноземцеву, не коммунистическая, а «постэкономическая общественная формация — последняя ступень общественного бытия человеческих существ; за ее пределами начинается историческая эпоха, на протяжении которой *человечество выходит за рамки социальности* и относительно которой любые футурологические прогнозы не представляются возможными»¹⁷. Этот вывод прямо противоположен нашей точке зрения относительно диалектики общественного развития, где научный коммунизм рассматривается как теоретическая основа коммунистического преобразования общества на современном этапе развития человечества.

Что касается исчезновения *труда* в условиях постэкономической общественной формации, то данная концепция строится, на наш взгляд, на противопоставлении понятий «труд» и «деятельность». Это достаточно четко изложено в работе В. Л. Иноземцева «За пределами экономического общества» (М., 1998). Автор считает «возможным выделить три отличных друг от друга типа активности — инстинктивную деятельность человека на ранних этапах его

прогресса, собственно труд (*labour*) и творческую деятельность (*creativity*, или *creative work*) как отрицание труда»¹⁸.

Именно на этой методологической основе В. Л. Иноземцев строит доказательство «исчезновения труда», подвергая критике марксистскую теорию труда, как он утверждает, которая для обозначения таких качественно различных видов деятельности, как активность дообщественного человека и свободная самодеятельность субъектов коммунистического общества, применяет одно основополагающее понятие «труд».

В. Л. Иноземцев определению труда, данному К. Марксом в «Капитале», противопоставляет свое: «Труд есть сознательная и целесообразная физическая или умственная деятельность, являющаяся реакцией человека на внешнее окружение и служащая удовлетворению его физиологических и социальных потребностей, отличных от потребности в совершенствовании собственной личности»¹⁹. В данном определении, обратим внимание, труд «является реакцией на внешнее окружение», при этом исключаются внутренние побудительные мотивы субъекта труда. В то время как «творчество — это деятельность человека, воспринимающаяся им как порождаемая внутренним стремлением к самореализации и предполагающая данную самореализацию в качестве основной цели...»²⁰. Это, как оказалось, необходимо было В. Л. Иноземцеву для того, чтобы подвести к выводу: «творчество кардинально отличается от труда»²¹.

В то время как в определении труда, данном К. Марксом в его абстрактной форме²², мы видим диалектическую связь как внешних, так и внутренних факторов, где «человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действия и которой он должен подчинять свою волю»²³.

Наша точка зрения основана на Марксовой трактовке категорий «труд» и «творчество», раскрывающих сущность понятия «творческий характер труда», которое лежит в основе его превращения в первую жизненную потребность при коммунизме. При этом мы, в отличие от западных социологов, исходим из того, что как труд, так и творчество были, есть и будут исключительным достоянием человека и человечества.

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что не только среди западных социологов, но и среди наших ученых-обществоведов не было и нет единой точки зрения на вопрос, что

чему предшествовало: труд сознанию или сознание труду; соответственно, труд творчеству или творчество труду. Одни ученые утверждают, что не труд порождает сознание, а сознание порождает труд; другие же, напротив, считают, что сначала возникает труд, а затем сознание. Нами разделяется мнение таких ученых, как А. Г. Спиркин, Э. С. Маркарян и другие, которые доказывают, что в той мере, в какой деятельность становится человеческой трудовой деятельностью, она является сознательной, целеполагающей, а следовательно, и творческой деятельностью²⁴. Только в единстве труда и сознания возможно творчество, а субъект труда в состоянии творить историю. Субъектом же истории является человеческое общество и населяющие его индивиды.

Выше мы говорили об «индивидуальном труде», «совокупном труде», «совокупном общественном труде». Соответственно, и категорию «творчество» следует рассматривать на уровне всеобщего (совокупного общественного труда), особенного (совокупного труда) и единичного (индивидуального труда). Из определений, данных В. Л. Иноземцевым категориям «труд» и «творчество», становится понятно, что он их рассматривает лишь на уровне индивидуального труда, то есть деятельности индивида, а не общества. В то время как философская категория «творчество», как и всякая абстракция, выражает всеобщее, то есть творчество совокупного общественного труда.

Только рассматриваемое философски творчество есть историческая активность людей. При таком понимании история предстает как временное бытие творчества, а творчество — как истинное содержание исторического времени. Проблема творчества в ее собственно философском содержании не есть проблема научного, или художественного, или другого частного вида творческой деятельности, а есть проблема, которая присуща (в качестве неотъемлемой тенденции) человеческой жизнедеятельности вообще, она отражает то, что присуще всем историческим формам человеческой сознательной деятельности. «Если субъектом труда рассматривать человека как человечество или, что одно и то же, как человеческое общество, — пишет В. И. Шинкарук, — *то здесь труд совпадает с творчеством* (курсив наш. — *Е. Г.*), с преобразующей мир созидательной деятельностью. В этом плане *человек всегда был, есть и будет творцом* (курсив наш. — *Е. Г.*), в его творческой деятельности выражается его человеческая сущность. Если же субъектом труда берется отдельный человеческий индивид, то этот труд, будучи всегда опосредован социальными

отношениями и уровнем развития общественного производства, дифференцируется на творческую и нетворческую, механическую деятельность. Здесь человек далеко не всегда выступает творцом, хотя по своей человеческой сущности он и является таковым»²⁵.

Философская категория «труд» достаточно емко определена К. Марксом, который писал, что это «...есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам»²⁶. Если труд составляет «всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой», соответственно, и творчество выступает всеобщим условием процесса труда, естественно, в его абстрактной форме. Возникает вопрос: при каких же условиях категории «труд» и «творчество» могут быть и бывают тождественными, а при каких — нет? Ответ напрашивается сам собой: в условиях первобытного коммунизма и на высшей стадии коммунистического общества. Отсутствие такового (тождества) есть результат антагонистического расщепления труда и творчества в условиях экономической общественной формации.

В первобытном обществе, как мы уже знаем, труд по форме был непосредственно общинным (общественным). В этих условиях сообщество объективно творило свою историю, хотя и неосознанно. На ранней стадии человеческого общества деятельность людей — в единстве ее разнообразных форм развивается как творческая. И благодаря этому история людей приобретает характер общественного прогресса. Здесь имело место тождество между объективно-исторической и субъективно-личностной сторонами труда и творчества.

Если в условиях первобытного способа производства труд и творчество составляли тождество противоположностей внутри единой сущности — производства общинной (общественной) жизни, то этого не скажешь в отношении классово-антагонистических общественных формаций, где наступает разрыв между объективно-историческими и субъективно-личностными аспектами труда и творчества. В основе этого разрыва лежит разделение труда на умственный и физический, где духовная и материальная деятельность выпадают на долю разных индивидов. Это не значит, что люди физического труда не творят историю. Ф. Энгельс вы-

смеивал те концепции, которые сводили творчество лишь к неповторимым духовным откровениям избранных личностей. Движение вперед в истории невозможно без массовых действий. И тем не менее индивидуальной творческой деятельностью могли заниматься люди преимущественно умственного труда в сфере духовного производства. По мере развития производительных сил разрыв между объективно-историческим и субъективно-личностным аспектами труда и творчества достигает своего апогея при капитализме.

И только переход к коммунистической стадии развития общества создает условия для достижения тождества между объективно-историческими и субъективно-личностными аспектами труда и творчества. Осмысливая объективные противоречия общественной истории с точки зрения научно обоснованной перспективы коммунизма, К. Маркс отмечал: «...развитие способностей рода «человек», хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого отдельного индивида; что, стало быть, более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву»²⁷. Современная эпоха — это эпоха перехода от предыстории к подлинной истории в развитии человеческого общества, и она несет на себе печать «такого исторического прогресса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву», но эти жертвы не напрасны. Они олицетворяют неизбежный переход человечества на качественно новую стадию развития — стадию коммунистического преобразования общества, где «развитие способностей рода «человек»... в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого индивида».

Высший пафос коммунистического преобразования мира: бытие обобществившегося человека в качестве субъекта истории, или, что то же самое, его бытие в качестве самоцели, высшей ценности истории. Это становится возможным, как отмечалось выше, в условиях непосредственно общественного производства при коммунизме, где труд принимает непосредственно общественную форму, становится первой жизненной потребностью. В основе превращения труда в первую жизненную потребность при коммунизме лежит творчество как способ бытия человека и общества. «Коммунизм, — справедливо отмечает В. А. Босенко, — как непрерывно совершенствующееся, обновляющееся, со-

знательно себя планирующее общество есть *творческое общество* (курсив наш. — *Е. Г.*). И лишь индивиды, являющиеся совокупностью таких общественных отношений, могут рассчитывать на обладание творчеством»²⁸. Коммунизм в данном случае выступает таким общественным устройством, которое является наиболее благоприятным для самого активного познания и преобразования действительности, то есть для проявления своих творческих возможностей каждым членом коммунистического общества. В этих условиях творчество выступает как отношение индивида к природе, с одной стороны, и к своей трудовой деятельности как к первой жизненной потребности — с другой.

Понятие труда как первой жизненной потребности всецело связано с именами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, хотя идею о превращении труда в первую жизненную потребность каждого трудоспособного члена общества впервые высказали социалисты-утописты: Т. Мор, Т. Кампанелла, Ш. Фурье, А. Сен-Симон, Р. Оуэн, Т. Дезами и др.

Итак, что же собой представляет труд как первая жизненная потребность? «Труд как первая жизненная потребность — это, — считает Владимир Иосифович Коцюбинский, — свободная, общественно полезная, целенаправленная положительная *творческая деятельность* человека (курсив наш. — *Е. Г.*), выражающаяся в овладении и владении своим собственным трудом как универсальным способом самореализации всех своих физических и интеллектуальных сил. Это социально однородный труд, выступающий источником и решающим средством всестороннего, гармонического развития личности»²⁹. Нам нет необходимости останавливаться на всех факторах, обуславливающих превращение труда в первую жизненную потребность при коммунизме, так как в свое время они были достаточно полно раскрыты в отечественной литературе³⁰.

На наш взгляд, в основе превращения труда в первую жизненную потребность лежит «целенаправленная положительная творческая деятельность человека», то есть творческий характер труда. Творческий характер труда предполагает и творческое отношение к нему, когда участие в дальнейшем развитии коммунистического общества на любом участке, при любом конкретном содержании труда выступает как творчество, то есть принимает всеобщий творческий характер. Высокоинтеллектуальный работник плюс творческий характер труда — такова надежная база превращения труда в стойкую потребность каждого гражданина ком-

мунистического общества³¹. Иначе говоря, всеобщность творчества как сущностной характеристики человека отражает форму непосредственной действительности при коммунизме. При коммунизме возникнут и разовьются особые, небывалые ранее формы участия людей в историческом процессе — формы массового сознательно-личностного участия.

Становление творческого отношения к труду широких народных масс связано с утверждением подлинно коммунистического труда. В первом приближении определение, что такое коммунистический труд, дал В. И. Ленин. Он писал: «...Коммунистический труд... есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд как потребность здорового организма»³². Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что коммунистический труд — это не только труд, направленный на преобразование вещества природы в нужном обществе направлении, но и труд, служащий саморазвитию личности, реализации всех ее способностей и дарований.

В условиях коммунизма, как видим, труд станет и по форме, и по содержанию непосредственно общественным, и благодаря этому достигается тождество между трудом индивида и трудом общества. Труд на благо общества будет для всех первой жизненной потребностью и осознанной необходимостью. Таким образом, превращение труда в первую жизненную потребность представляет собой как бы трансформацию общественного в личное. Общественная сторона потребности в труде становится ведущей, главной, определяющей. Обеспечивается это тем, что все люди владеют, как мы знаем, общими орудиями и средствами производства и планомерно расходуют свои индивидуальные рабочие силы как одну рабочую силу. И здесь труд выступает как сознательная деятельность, целью которой является не только практическое использование вещества природы, но и преобразование вещества природы для удовлетворения потребностей как отдельного человека, так и общества в целом.

В коммунистическом принципе «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям» подчеркнута именно вторая его часть: «каждому — по потребностям». Вероятно, здесь речь идет не

только о распределении по потребности материальных благ, ибо ориентация на последнее практически безгранична. В условиях коммунизма объектом потребности будет прежде всего не вещь, а деятельность как высшая форма проявления всех сущностных сил человека. Очевидно, это предполагает достижение тождества между производством и потреблением, то есть такой уровень благосостояния, который позволит не думать о своем материальном благополучии — в большей степени люди будут отдаваться общественно полезной, творческой деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 321.

² Маркс К. Критика Готской программы // Там же. Т. 19. С. 18.

³ См.: Общественный труд в условиях совершенствования социализма (объективные и субъективные факторы развития). Глава II. Человек, труд, научно-технический прогресс: проблемы взаимосвязи и развития. Е. Н. Герасимов. I. Диалектика содержания и формы труда на этапе развитого социализма. — К., 1985. — С. 52–71; Герасимов Е. Н. Диалектика труда и совершенствование социализма. Вопросы теории и практики. Глава I. Методологические аспекты исследования диалектики содержания и формы труда. — К., 1987.

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 337.

⁵ Маркс К. Людвигу Кугельману, 11 июля 1868 г. // Там же. Т. 32. С. 460–461.

⁶ Герасимов Е. Н. Диалектика содержания и характера труда в условиях развитого социализма. К., 1981. С. 14.

⁷ См.: Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной формации: Науч. издание. Глава четвертая. Постэкономическая общественная формация: границы понятия и значение теории. Первая фундаментальная черта постэкономического состояния — исчезновение труда. М., 1995. С. 203–231; За пределами экономического общества: Науч. издание. Часть вторая. Понятие постэкономического общества. Глава восьмая. Формы проявления творчества в современном мире. М., 1998. С. 247–294.

⁸ Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной формации: Науч. издание. — М., 1995. С. 217–218.

⁹ Там же. С. 215.

¹⁰ Там же.

¹¹ Термин «постэкономическая общественная формация» нами употребляется как синоним термина «коммунистическая общественная формация», то

есть следующая за экономической общественной формацией. В статье «Куда идет человечество (Прав ли К. Маркс в прогнозе его будущего?)» мы писали: «Современная эпоха подтверждает вывод классиков, что на смену «экономической общественной формации» неизбежно придет «постэкономическая общественная формация», или «коммунистическая общественная формация» / См.: Комунист України. 2002. № 1. Совершенно иную задачу ставят перед собой западные социологи, подменяя термин «коммунистическая общественная формация» термином «постэкономическая общественная формация».

¹² Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной формации: Науч. издание. — М., 1995. С. 201, 202.

¹³ Там же. С. 192.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 3. С. 34.

¹⁶ По данному вопросу нами опубликована монография «Дорогу к свободе осилит идущий. От тоталитаризма к «практическому гуманизму». (К., 1997). В ней на вопрос, поставленный польским профессором Лехом Захером: «Пал ли коммунизм раз и навсегда, или он может возродиться, и если да, то в виде чего?», нами дан ответ: о каком крахе коммунизма может идти речь, когда в мире только начался процесс перехода от экономической общественной формации к коммунистической / См.: Захер Л. Падение коммунизма, что дальше? От тоталитаризма к демократии, или изменение парадигмы управления обществом // Социологические исследования. 1994. № 3.

¹⁷ Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной формации: Науч. издание. — М., 1995. С. 202.

¹⁸ Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества: Науч. издание. — М., 1998. С. 219.

¹⁹ Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной формации: Науч. издание. — М., 1995. С. 208.

²⁰ Там же. — С. 212.

²¹ Там же. — С. 213.

²² К. Маркс следующим образом определяет труд: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу» / См.: Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 188.

²³ Там же. — С. 189.

²⁴ См.: Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. М., 1973; Спиркин А. Г. Происхождение сознания. М., 1960; и др.

²⁵ Шинкарук В. И. Коммунистический труд как исторически высший тип труда // Диалектика становления коммунистического труда. К., 1978. С. 8.

²⁶ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 195.

²⁷ Маркс К. Капитал. Т. 4 // Там же. Т. 26. Ч. 2. С. 123.

²⁸ Босенко В. А. Всеобщая теория развития. К., 2001. С. 268.

²⁹ Коцюбинский В. И. Социалистическое отношение к труду: условия и факторы совершенствования. К., 1987. С. 28.

³⁰ Григорьев Г. С. Труд — первая человеческая потребность. Пермь, 1965; Диалектика превращения труда в первую жизненную потребность. К., 1987; Косолапов Р. И. Социализм: К вопросам теории. Глава IV. Единство освобождения труда и его превращение в первую жизненную потребность. М., 1979; Куделин Е. Г. Труд — потребность и радость жизни. М., 1966; Марков Н. В. Превращение труда в первую жизненную потребность. М., 1968; Нельга В. А. Формирование потребности в труде. К., 1986; Сухарева Н. Н. Предпосылки превращения труда в первую жизненную потребность. Минск, 1984; Тарасов В. И. Социальные потребности личности: формирование, удовлетворение, развитие. К., 1982; и др.

³¹ Творчество, принимая всеобщий характер при коммунизме, не исключает «собственно творческого труда», сама природа которого вызывает мобилизацию и взаимодействие интеллектуальных и физических способностей человека, то есть сугубо индивидуального труда в той или иной сфере деятельности.

³² Ленин В. И. От разрушения векового уклада к творчеству нового // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 315.

Коммунизм: становление практического гуманизма

Коммунистическая система представляет собой целостное множество диалектически взаимодействующих друг с другом различных элементов материальной и духовной деятельности и прежде всего между обществом и природой, производительными силами и производственными отношениями, а также между производством и потреблением. Для саморазвития коммунистической системы большое значение имеют диалектика производства и потребления, тождество между ними.

Доказательство тождества противоположностей между производством и потреблением, начатое нами при рассмотрении непосредственно общественного способа производства и непосредственно общественной формы труда, будет неполным, если не затронуть взаимоотношение и взаимодействие между производством и потреблением, производством и распределением, производством и обменом, как это было сделано применительно к анализу тождества противоположностей между производством и потреблением в условиях первобытного способа производства. Именно этим категориям К. Маркс уделял особое внимание в своих «Экономических рукописях 1857–1859 годов», когда он исследовал материальное производство, где производство составляло основу способа производства общественной жизни, будучи господствующим как над самим собой, так и над другими, по терминологии К. Маркса, моментами¹.

С переходом от экономической общественной формации к коммунистической предметом исследования становится не только материальное, но и духовное производство, при этом необходимо иметь в виду, что духовное производство в условиях высшей стадии коммунизма будет носить опережающий характер по отношению к материальному. И несмотря на существенное различие между ними важно то, что и материальное, и духовное производство – продукт деятельности самих людей.

Это дает нам основание утверждать, что в условиях коммунизма будет иметь место тождество противоположностей между, с одной стороны, духовным, а с другой – материальным производством. В центре внимания как материального, так и духов-

ного производства в конечном счете оказывается производство потребительных стоимостей, составляющих человеческое богатство.

Абстрагируясь от какой-либо общественной формы, К. Маркс писал по данному поводу, что «потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства...»² Раскрывая содержание категории «богатство», К. Маркс ставит вопросы: «...Чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу»³. Реализация указанного богатства становится возможной в условиях коммунистических производственных отношений, где целью производства выступает человек с его универсальными потребностями и творческими запросами.

Напомним, что в научной литературе общественное производство рассматривается как в узком, так и в широком смысле слова. В узком – это собственно производство, а в широком – как собственно производство, так и распределение, и обмен, и потребление. Например, в условиях первобытнообщинного способа производства производство потребительных стоимостей осуществлялось для непосредственного их потребления членами как производящего, так и потребляющего первобытного общества. Внутри общины ее членами потреблялось в натуральной форме все, что было произведено их общим трудом и распределено между ними прямо и непосредственно.

В условиях товарного производства, пришедшего на смену непосредственно общинному (общественному) производству, товары принимают двойственный характер: с одной стороны, они продукты потребления, то есть потребительные стоимости, а с другой носители стоимости. Нами был дан ответ на вопрос, в чем суть антагонизма между производством и потреблением в услови-

ях товарного производства, исходя из его двойственного характера, на стадии рабовладельческого, феодального и капиталистического способов производства.

Проведенный нами анализ тождества противоположностей между производством и потреблением в условиях первобытного способа производства, антагонизма между производством и потреблением в условиях товарного производства и его апогея при капитализме является классическим примером воплощения в истории развития человеческого общества закона отрицания отрицания, когда с объективной необходимостью, закономерно на смену непосредственно общинному (общественному) способу производства приходит товарное производство, а последнее вновь отрицается непосредственно общественным способом производства, но на более высокой стадии развития человеческого общества. Это в полной мере касается и такой категории, как «стоимость», которая, будучи «потребительной стоимостью» в условиях первобытного способа производства, сменяется законом стоимости, свойственного товарному производству, и, наконец, наступает этап отрицания отрицания – этап перехода от закона стоимости к закону потребительной стоимости, но уже на стадии коммунистического преобразования общества. И здесь для нас представляют интерес те специфические черты проявления закона потребительной стоимости, которые подтверждают наш тезис о тождестве противоположностей между производством и потреблением при коммунизме. Как писал К. Маркс, «коллективный характер производства с самого начала делал бы продукт коллективным, всеобщим. Обмен, имеющий место первоначально в производстве, – это был бы не обмен меновых стоимостей, а обмен деятельностью, которые определялись бы коллективными потребностями, коллективными целями, – с самого начала включал бы участие отдельного лица в коллективном мире продуктов»⁴.

Как видим, коллективный характер производства одновременно составляет и акт потребления, то есть участие каждого индивида в коллективном мире продуктов. Поэтому в основе создания потребительных стоимостей лежат потребности людей в материальной и духовной сферах их жизнедеятельности.

Александр Вячеславович Нельга определяет «потребность как изменчивое, развивающееся, направленное, объективно обусловленное эмоциональное состояние отношения человека к какому-либо материальному или духовному объекту внешней

действительности, побуждающее его к различным формам активности или ограничивающее их»⁵. Жизнедеятельность людей определяется двумя группами потребностей. Первая из них достаточно доходчиво дается К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии». В этой работе они писали, что «для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт – это производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни»⁶. Вторая – это потребность в самом труде. Понятие «потребность в труде» шире понятия «потребность в труде как объекте первой жизненной потребности», так как включает, наряду с отношением к труду как специфическому процессу, о чем шла речь выше, и отношение к нему как к средству получения потребительных стоимостей, удовлетворяющих все человеческие потребности. Эта потребность связана с расходом и потреблением индивидуумом своих способностей, своей рабочей силы⁷.

В условиях коммунизма миссия трудовой потребности практически безгранична. Будучи по существу потребностью творческой, она, образно говоря, «ответственна» за прогресс в сфере как материального, так и духовного производства.

Процесс производства – это соединение личных потребностей с общественными. Участвуя в производстве материальных или духовных общественно значимых продуктов, человек в той или иной мере удовлетворяет как общественную потребность в том или ином продукте, так и индивидуальную потребность, и не только в продовольствии и одежде, кровле и тепле и т. д., но и в самоутверждении, в самовыражении. Если на уровне собственно производства наблюдается диалектическое единство между производством и потреблением, то при коммунизме производство в широком смысле слова, включая собственно производство, распределение, обмен и потребление, влечет за собой тождество между производством и потреблением, где распределение и обмен – связующие их звенья. В чем это конкретно выражается?

Выше нами было отмечено, что становление непосредственно общественного производства с объективной необходимостью влечет за собой непосредственно общественное распределение, обмен и потребление произведенных продуктов. Это становится возможным тогда, когда «общество изымет из рук частных капиталистов пользование всеми производительными силами и средствами общения, а также *обмен и распределение продуктов*

(курсив наш. — *Е. Г.*), с тем, что оно будет управлять всем этим сообразно плану, вытекающему из наличных ресурсов и потребностей общества в целом»⁸. Обратим внимание на то, что в коммунистическом обществе и обмен, и распределение будут управляться по плану и всем обществом исходя из его потребностей.

Взаимосвязь между производством, распределением, обменом и потреблением была, есть и будет на протяжении всей истории развития человеческого общества; меняться будут лишь формы этой взаимосвязи и взаимообусловленности в зависимости от конкретно-исторических условий.

В условиях первобытного общества, например, обмен — это прежде всего обмен деятельностью между членами общины. Сопутствовали этому непосредственно общинный способ производства, соединение членов общины со средствами производства как с общей собственностью, кооперативная форма труда и т. д. Распределение продуктов осуществлялось согласно обычаю и потребностям. В силу низкого уровня развития производительных сил и наличия общинной собственности на средства производства в первобытном обществе господствовало уравнительное (равнодостаточное) распределение продуктов, произведенных в результате совместной деятельности.

В условиях товарного производства имеет место антагонизм между производством и потреблением. При товарном производстве, где господствует закон стоимости, а не потребительной стоимости, конфликт между производством и потреблением просто неизбежен и закономерен.

Нами проведен анализ антагонистических форм общественного производства в условиях рабовладельческого, феодального и капиталистического способов производства. Капиталистический способ производства возвещает о наступлении особой эпохи общественного процесса производства и потребления — эпохи апогея антагонизма между ними, которое должно завершиться с переходом от экономической общественной формации к коммунистической общественной формации.

В условиях коммунистической общественной формации, как было сказано выше, наступает тождество между производством и потреблением, где обмен — это обмен деятельностью, так как в условиях действительной коллективности индивиды обретают свободу деятельности не только в ассоциации, но и в масштабе всего общества, осуществляя обмен продуктами (материальными и духовными) своей деятельности.

В основе обмена деятельностью между индивидами при коммунизме лежит закон перемены труда, действующий на уровне как совокупного труда, так и совокупного общественного труда, то есть на уровне как трудового коллектива, так и общества в целом. Если в рамках совокупного труда, даже в условиях капиталистического способа производства, «природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего...»⁹, то в условиях коммунизма перемена труда характеризуется, «во-первых, свободным выбором родов и видов занятий, свободной их сменой и, во-вторых, гармоническим характером чередования различных занятий, при котором создается внутренняя пропорциональность всех сторон жизнедеятельности человека, складывается гармонически развитая личность»¹⁰.

Перемене труда, а следовательно, и обмену деятельностью будут способствовать «...планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства»¹¹, сокращение рабочего и расширение свободного времени. Суть свободного времени не только в осознании деятельности, но и в постоянном обмене этой деятельностью. «Известно, что рабочее индивидуальное время овеществляется в произведенных вещах, но как общественное оно становится лишь тогда, когда эти вещи выступают не как потребительные, а как меновые стоимости. Обмен ими (как застывшим рабочим временем в вещах) делает эти вещи совокупностями общественных отношений, а рабочее время, вложенное в эти вещи и овеществленное в товарах – общественным рабочим временем»¹². В связи с этим В. А. Босенко ставит вопрос: «Что же будет таким «интегратором» и «обобществителем» индивидуального рабочего времени в вещах в коммунистическом обществе, где не будет товарообмена, и стоимость потеряет роль некоторой субстанции?»

«По-видимому, – пишет он, – эту роль «обобществителя» будет играть непосредственный (нетоварный) способ обмена деятельностью, когда общественное будет всегда уже с самого начала заложено в виде общественной формы собственности в самой основе человеческой деятельности»¹³.

Итак, сокращение рабочего и расширение свободного времени при коммунизме – основное условие удовлетворения потребности всех и каждого в отдельности в общественно полезной деятельности, направленной на реализацию принципа «каждому – по его потребностям».

Коммунистическое общество, в отличие от «первобытного коммунизма», будет производить достаточно продуктов для того, чтобы организовать распределение, рассчитанное на удовлетворение различных, здоровых физически и нравственно потребностей всех своих членов. По этому поводу достаточно определенно высказались К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии». Они писали: «...различия *мозга* и умственных способностей вообще не влекут за собой различий *желудка* и физических *потребностей*; отсюда следует, что неверное, основанное на наших нынешних порядках положение: «каждому по его способностям» должно – поскольку оно относится к потреблению в узком смысле слова – превратиться в положение: «каждому по его *потребностям*», иными словами: *различие* в деятельности, труде, не влечет за собой никакого *неравенства*, никакой *привилегии* в смысле владения и потребления»¹⁴. Примечательно, что на вопрос «Как вы добились такой счастливой жизни?» Уильям Моррис в своем фантастическом рассказе о будущем коммунистического общества дает такой ответ: «Коротко говоря, благодаря отсутствию искусственного принуждения, благодаря свободе каждого человека делать то, что он может делать лучше всего, связанной со знанием того, какая продукция труда нам действительно нужна»¹⁵. Как видим, общество, организованное на коммунистических началах, создает реальную возможность для реализации людьми всесторонне развитых способностей.

Надо отметить, что распределение материальных и духовных благ по потребностям при коммунизме не является пассивным результатом производства и обмена, оно оказывает обратное влияние на производство и обмен, обеспечивая тем самым поступательное развитие общества по восходящей линии. В этом мы видим наличие тождества между производством и потреблением, где распределение выступает связующим звеном. Распределение, как и прогнозировал Ф. Энгельс, «...будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности»¹⁶.

Достижение тождества между производством и потреблением при коммунизме, где связующими их моментами выступают распределение и обмен, означает становление «практического гуманизма». Дорога к «практическому гуманизму» – коммунизму – это глубоко осознанное народными массами движение в направле-

нии достижения подлинной свободы. Осилит эту дорогу тот, кто идет в ногу с объективными законами общественного развития. То, что «это – дело очень долгое», отмечал еще В. И. Ленин. «Ясно, – утверждал он, – что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить *их* собственность, надо отменить еще и *всякую* частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это – дело очень долгое»¹⁷. Этому предшествуют, по выражению В. И. Ленина, «долгие муки родов», связанные с переходом от капитализма к низшей фазе коммунистического общества – социализму. Социализм – это эпоха перехода от предыстории человеческого общества к его подлинной истории – коммунизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Маркс К. Из рукописного наследства К. Маркса. Введение. (Из экономических рукописей 1857–1859 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12.

² Маркс К. Капитал. Т. 1 // Там же. – Т. 23. С. 44.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 476.

⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 115.

⁵ Нельга А. В. Формирование потребности в труде. К., 1986. С. 11.

Автор считает, что «потребность как состояние и потребностная активность – суть различные аспекты рассмотрения одного и того же явления. Говоря о потребности как о состоянии, – пишет А. В. Нельга, – мы выделяем в рассматриваемом феномене то общее, что характеризует его как целостную определенность. Подходя к ней как к потребностной активности, мы подчеркиваем момент изменчивости, подвижности, саморазличимости, поступательности» / См.: Там же. – С. 24.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 26.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс разграничивали понятия «индивидуальное потребление» и «производственное потребление». «Труд, – писал К. Маркс, – потребляет свои вещественные элементы, свой предмет и свои средства, пожирает их, а потому является процессом потребления. Это производственное потребление тем отличается от индивидуального потребления, что в последнем продукты потре-

бляются как жизненные средства живого индивидуума, в первом — как жизненные средства труда, т. е. действующей рабочей силы этого индивидуума» / Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 194 – 195.

⁸Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Там же. Т. 4. С. 334.

⁹Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 306.

¹⁰Кайдалов Д. П., Суименко Е. И. Актуальные проблемы социологии труда. М., 1974. С. 29.

¹¹Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 117.

¹²Босенко В. А. Всеобщая теория развития. К., 2001. С. 249.

¹³Там же.

¹⁴Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 542.

¹⁵Цит.: Корнфорт М. Диалектический материализм. М., 1974. С. 248.

¹⁶Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 206.

¹⁷Ленин В. И. Великий почин // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

VI

«Долгие муки родов» социализма на современном этапе развития человеческого общества

(Опыт и уроки строительства социализма в СССР)

Основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс, обосновывая теорию социалистической революции, доказывали, что капиталистический строй в странах Западной Европы, основанный на беспощадной эксплуатации трудящихся, таит в себе непримиримые противоречия, которые не могут быть разрешены никаким иным путем, кроме как путем социалистической революции. Это относилось, как видим, к индустриально развитым странам. Данной точки зрения придерживался и В. И. Ленин. И только в 1915 году в работе «О лозунге Соединенных Штатов Европы» на основе анализа противоречий в эпоху империализма он приходит к выводу о том, что «неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, *капиталистической* (курсив наш. — *Е. Г.*) стране»¹.

Через год В. И. Ленин развивает эту мысль в «Военной программе пролетарской революции». В ней он подчеркивает, что «...социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства»².

Пролетариат, победивший буржуазию в той или иной стране, не дожидаясь победы социализма в других странах, учил В. И. Ленин, может и должен использовать благоприятные условия для прорыва в цепи империализма в его наиболее слабом звене, ибо «ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, — это значит всем застыть в ожидании. Это бессмыслица. Трудность революции всем известна. Начавшись блестящим успехом в одной из стран, она, может быть, будет

переживать мучительные периоды, ибо окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран»³. Эти слова сказаны В. И. Лениным в докладе о внешней политике Советской России 14 мая 1918 года, то есть, как видим, после свершения социалистической революции в стране.

Наиболее слабым звеном в цепи империализма в тот период, как нам известно, оказалась Россия — в ней рабочий класс в союзе с крестьянством одержал победу в Октябре 1917 года. В. И. Ленин предвидел, что в условиях капиталистического окружения неизбежна борьба молодого государства с силами мирового империализма и с внутренней контрреволюцией. Иными словами, предстоят «долгие муки родов» нового общественного строя. В своей речи на торжественном заседании Моссовета в канун 3-й годовщины Октябрьской революции В. И. Ленин вынужден был признать, что наша ставка была ставкой на международную революцию: «Мы все время знали и не забудем, что наше дело есть международное дело, и пока во всех государствах, — и в том числе в самых богатых и цивилизованных, — не совершится переворота, — до тех пор наша победа есть только половина победы или, может быть, меньше...»⁴

Итак, Советская Россия оказалась один на один с силами мирового империализма, причем это была страна с недостаточно развитой индустриальной базой; страна, только что вступившая на путь капиталистического развития. И все же В. И. Ленин с оптимизмом смотрел на ее будущее. Отвечая на тезис Н. Суханова, что «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм»⁵, В. И. Ленин сказал: «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму»⁶.

И когда стало известно, что помощи извне не будет, что придется строить социализм в одиночку, полагаясь только на собственные силы и возможности, В. И. Ленин делает ставку на новую экономическую политику (НЭП) в надежде «...продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах»⁷. И далее В. И. Ленин пишет: «Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве,

при нашей разоренности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?»⁸. К сожалению, прогноз В. И. Ленина, связанный с переходом западноевропейских стран к социализму, не осуществился и по настоящее время. Что же собой представляла Россия в конце XIX — начале XX веков, Россия, которой в одиночку предстояло строить социализм? Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Россия в предреволюционный период являлась, с одной стороны, страной, где развивались капиталистические производственные отношения, а с другой — это была отсталая, мелкокрестьянская, безграмотная, доведенная до нищеты страна, где на грандиозных просторах господствовали еще «патриархальщина и самая настоящая дикость». И в этой стране предстояло строить социализм! Что само собой предполагало «долгие муки его родов».

Что касается становления и развития капиталистических производственных отношений в России, то они всесторонне исследованы В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России». В ней он впервые делает марксистский анализ стадий и форм эволюции капитализма в промышленности пореформенной России. В. И. Ленин подробно рассматривает три главные стадии развития капитализма в русской промышленности: мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские, промыслы), капиталистическая мануфактура и, наконец, крупная машинная индустрия (фабрично-заводская промышленность)⁹. В. И. Ленин исследует развитие крупной машинной индустрии как высшую ступень капитализма в промышленности, основной и существенный признак которой состоит в употреблении для производства системы машин. «Крупная машинная индустрия, — писал он, — является, таким образом, последним словом капитализма, последним словом его отрицательных и «положительных моментов»¹⁰.

Следовательно, имелись явные признаки того, что Россия вступила в стадию быстрой индустриализации. За короткий период в стране была создана крупная индустрия. Верно, она была сосредоточена прежде всего в центре, на северо-западе и на юге страны. Высокая концентрация производства и капитала вела к тому, что одни районы как бы эксплуатировали другие, вырывались за счет этого вперед, тогда как в последних наблюдались застой и консервация ранее сложившихся отношений. Неудивительно, что между центром и окраинами углублялась пропасть. Если в центре, по утверждению В.И. Ленина, «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться

в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»¹¹, то на окраинах страны можно было наблюдать экзотические формы рабовладения (Средняя Азия) и первобытное существование (Сибирь, Дальний Восток).

Если мы с вами обратимся к работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», то увидим, что свой анализ он начинает не с промышленности, а с сельского хозяйства¹². Это объясняется тем, что общественно-экономические отношения в русской деревне (как это доказано В. И. Лениным на огромном фактическом материале) после реформы 1861 года (Столыпинской реформы) характеризовались наличием и развитием тех противоречий, которые свойственны товарному производству и капитализму. В разделе VI «Миссия капитализма» (в главе VIII «Образование внутреннего рынка») В. И. Ленин отмечает, с одной стороны, «прогрессивную историческую роль капитализма», которую, как он считает, «можно резюмировать двумя краткими положениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его»¹³, а с другой стороны — «...особенность развития капитализмом общественных производительных сил состоит в том, что рост средств производства (производительного потребления) далеко обгоняет рост личного потребления: мы, — пишет В. И. Ленин, — указывали не раз, как проявляется это в земледелии и в промышленности. Эта особенность вытекает из общих законов реализации продукта в капиталистическом обществе и находится в полном соответствии с антагонистической природой этого общества»¹⁴. О чем это говорит? Только о том, что ни о каком тождестве между производством и потреблением не может быть и речи при капитализме. Оно возможно только после преодоления товарно-денежных отношений и рынка с переходом от капитализма к социализму, а затем и к коммунизму.

Подводя итог вышесказанному и отвечая на вопрос, чем обусловлены «долгие муки родов» в бывшем Советском Союзе, мы должны констатировать тот непреложный факт, что, несмотря на развитие в ней капитализма, Россия до Октябрьской революции была преимущественно аграрной страной, отсталой в технико-экономическом отношении по сравнению с передовыми капиталистическими странами. Многочисленные остатки и пережитки крепостничества являлись главной причиной этого отставания. Характеризуя дореволюционную Россию, В. И. Ленин писал, что она «...остается невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями произ-

водства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки»¹⁵. Если к этому добавить, что первые три года после Октябрьской революции были годами открытой и жестокой гражданской войны и интервенции, то можно себе представить, в каких неимоверно тяжелых условиях необходимо было строить социализм в Советском Союзе.

Строительство социализма в СССР тормозилось низким уровнем индустриального развития страны, преобладанием мелкого малопроизводительного крестьянского хозяйства, неудовлетворительным общеобразовательным уровнем подавляющей части населения. Не говоря уже о том, что строительство социализма шло в борьбе с внутренней контрреволюцией, в обстановке окружения империалистических держав. Достаточно объективную картину состояния промышленности, сельского хозяйства, взаимоотношений между городом и деревней, обеспечения продовольствием городского населения дает в своей книге Бертран Рассел, посетивший страну в 1920 году¹⁶. Состояние промышленности он характеризует не иначе как «упадок», «развал». Отвечая на вопрос, как возникло такое положение дел, он, наряду с другими факторами, главной и наиболее явной причиной считает невиданную «...степень зависимости России от зарубежных стран. Из-за границы получали не только оборудование для фабрик и локомотивы для железных дорог — даже технические специалисты и организаторы промышленности были в подавляющем большинстве иностранцами. Когда Антанта продемонстрировала свою враждебность России, иностранцы, занятые в русской промышленности, покинули страну либо перешли в лагерь контрреволюции»¹⁷.

Характеризуя взаимоотношения между городом и деревней, то есть продовольственную программу, Бертран Рассел пишет: «Продовольственная проблема — основная причина народного сопротивления большевикам, и все же я не могу представить, какую иную политику в данных обстоятельствах можно было бы проводить. Крестьяне недовольны большевиками потому, что те изымают слишком много продовольствия; в городе же недовольны большевиками, считая, что изымают его слишком мало»¹⁸.

Руководство страны, в частности В. И. Ленин, считало, что «голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки, срывают хлебную моно-

полюю, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся»¹⁹.

И надо отдать должное Бертранию Расселу, который в 1920 году пишет: «Бесполезно взваливать на большевиков вину за мучительно тяжелую ситуацию, которой они не могли избежать. Их проблемы (не без основания считает Рассел. — *Е. Г.*) можно решить лишь двумя путями: во-первых, через прекращение войны и блокады, что дало бы возможность обеспечить крестьян в обмен на продовольствие товарами, в которых они нуждаются; во-вторых, через постепенное развитие промышленности в России»²⁰.

Возникло объективное противоречие: с одной стороны, считалось, что победа пролетарской революции, как уже отмечалось выше, в России будет прорывом слабого звена в империалистической цепи, за которым быстро последует крушение всей капиталистической системы, а с другой — реальная действительность оказалось таковой, что строить социализм предстояло в одиночку в условиях, далеко не адекватных переходу от капитализма к социализму как к низшей фазе коммунизма.

Ленинский план построения социализма в СССР

В стране, вступившей на путь социалистического строительства, необходимо было решать триединую задачу: индустриализация страны, кооперирование сельского хозяйства и проведение культурной революции. Как справедливо считает Ф. Н. Клоцвог, «гениальной идеей В. И. Ленина, обеспечившей успех социалистического строительства, явился план ГОЭЛРО (Государственной электрификации России)...». «Задания плана ГОЭЛРО по увеличению производства продукции крупной промышленности уже к середине 30-х годов были выполнены и перевыполнены, в том числе планы по выработке электроэнергии, добыче нефти, угля, выплавке чугуна и стали. Таким образом, в ходе выполнения плана ГОЭЛРО были заложены основы решения важнейшей задачи — задачи индустриализации страны, создания материально-технической базы социализма. Такой же гениальной ленинской идеей является курс Новой Экономической Политики (НЭП)»²¹.

По замыслу В. И. Ленина социализм в своем развитии должен был пройти через особый кооперативный этап, который в свою очередь имел бы различные ступени зрелости. НЭП был одной

из этих ступеней ²². Однако новые экономические порядки еще не могли быть признаны вполне социалистическими, поскольку допускали развитие свободной торговли и элементы капитализма под государственным контролем и регулированием. Именно такое состояние общества В. И. Ленин называл «социализмом в известном смысле».

Главное содержание НЭПа В. И. Ленин видел в достижении «смычки» между пролетариатом и крестьянством. «Наша цель, — говорил В. И. Ленин в докладе на XI съезде РКП(б), — восстановить смычку, доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно при всей его нищете, а не с чего-то отдаленного, фантастического, с точки зрения крестьянина, — доказать, что мы ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного, обнищавшего, мучительно голодающего мелкого крестьянина ему сейчас помогают на деле. Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо. Вот в чем значение новой экономической политики, вот в чем основа всей нашей политики» ²³. И далее: «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики» ²⁴.

Курс на социалистическое преобразование сельского хозяйства предполагал кооперирование (коллективизацию) мелких товаропроизводителей в наиболее развитые организационные формы обобществления труда в сельскохозяйственном производстве ²⁵. Необходимость утверждения коллективных форм ведения сельскохозяйственного производства диктовалась еще и тем, что сельское хозяйство в России, а следовательно и в СССР, являлось специфической и весьма сложной отраслью народного хозяйства, которое связано с неопределенностью и постоянным риском. «Биологическая продуктивность 1 га пашни в России в 2-2,5 раза меньше, чем в Западной Европе, и в 3-3,5 раза ниже, чем во влажных субтропиках Дальнего Востока и побережья Атлантики США». И далее В. И. Панов пишет, что «Россия — единственная страна, великая держава, воздвигнутая на вечной мерзлоте. Само существование России — неповторимое чудо мировой истории. В России, чтобы поддержать один и тот же уровень жиз-

ни, удельные затраты энергии должны быть в 2-3 раза большими, чем в Западной Европе»²⁶. Поэтому те достижения, которые были в сельскохозяйственном производстве, — это советское чудо — было обусловлено проведением в жизнь кооперативного плана В. И. Ленина.

Как уже отмечалось, по замыслу В. И. Ленина социализм в своем развитии должен был пройти через особый кооперативный этап, который в свою очередь имел бы различные степени зрелости. Начальный этап — переход от мелкотоварного крестьянского хозяйства к крупному социалистическому — В. И. Ленин связывал с политической властью рабочего класса. «...На общественной земле, и не иначе как под контролем государственной власти, принадлежащей рабочему классу»²⁷, кооперативные предприятия не отличаются от предприятий «последовательно-социалистического типа». В то же время В. И. Ленин предупреждал, что «...переход от мелких индивидуальных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли — требует долгого времени, что он ни в коем случае не может быть совершен сразу»²⁸. Главным вопросом аграрной политики был вопрос о земле. На начальном этапе значительную часть земли советская власть передала крестьянам в пользование. Затем, как говорил В. И. Ленин на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (6 ноября 1918 г.), «образуются те Советы и хозяйства, которые планомерно стремятся к общественной обработке земли в крупном размере, к использованию знаний, науки и техники...»²⁹, то есть возникают кооперативные объединения по совместной обработке земли. Кооперацию в данном случае В. И. Ленин понимал как форму общественно полезной деятельности, основанной на кооперативной собственности³⁰.

Третья составная часть социалистического преобразования общества — культурная революция. О ней шла речь на заседании ЦК РКП(б) 1 декабря 1920 года, где была принята резолюция «О пролеткульте». Почему науке, образованию, просвещению, культуре в первые годы советской власти уделялось столь серьезное внимание? Этого требовали реализация планов индустриализации страны, кооперирование сельского хозяйства, перевод его на индустриальную основу. Обеспечить выполнение этих планов могли лишь грамотные, образованные люди. Несмотря на то, что в начале XX века среди всех классов и слоев усиливается тяга к знаниям, подавляющая часть населения России была

неграмотной. Более того, система образования в России была построена таким образом, что обеспечивала преимущество в получении образования в основном имущим классам и затрудняла — представителям низов (сословные перегородки, предоставление привилегий, плата за обучение и т. д.). Поэтому первоочередной задачей было в исторически короткие сроки исправить положение и ликвидировать неграмотность, прежде всего среди рабочих и крестьян.

Согласно декрету СНК от 26 декабря 1919 года, «все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию»³¹. Процесс ликвидации неграмотности осуществлялся как через школы, так и через создаваемую широкую сеть внешкольного образования. Для координации всей этой работы декретом СНК от 23 февраля 1920 года были созданы комитеты политического просвещения при местных (волостных, уездных и губернских) отделах народного образования. Их задача, говорил В. И. Ленин, «...помочь воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс»³².

Задачи, поставленные партией в области реализации культурной революции и, прежде всего, ликвидации неграмотности в стране, успешно реализовались на практике. Так, если «...в царской России населения в возрасте от 9 до 49 лет были неграмотны. Около $\frac{4}{5}$ детей и подростков были лишены возможности получить образование», то «за период с 1918 года по 1990 год среднее и специальное образование получили 135 млн. человек»³³. Как таковая неграмотность населения была ликвидирована в стране уже в 20-е годы, а в 30-е была решена в основном проблема общего образования и подготовки специалистов для народного хозяйства.

Строительство социалистического народного хозяйства в сталинский период (1924—1953 гг.)

После смерти В. И. Ленина (21 января 1924 г.) — основателя партии большевиков и советского государства — И. В. Сталин стал продолжателем его дела. На II съезде Советов СССР И. В. Сталин от имени партии дал клятву на верность ленинским заветам, а на

плenumе ЦК РКП(б) было принято обращение «К партии. Ко всем трудящимся» (21–22 января 1924 г.).

Теоретическая и практическая деятельность И. В. Сталина была посвящена строительству первого в мире социалистического государства – государства рабочих и крестьян, реализации ленинского плана построения социализма в СССР, включающего в себя индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию. Деятельность И. В. Сталина в предвоенный период (1924–1941 гг.) нашла достаточно полное отражение в его докладах и выступлениях на съездах, конференциях партии, пленумах ЦК, а также перед трудящимися.

В историю партии XIV съезд ВКП(б) вошел как съезд индустриализации страны (18 декабря 1925 г.). XV съезд партии – съезд развертывания коллективизации сельского хозяйства (2 декабря 1927 г.). XVI съезд партии (26 мая 1930 г.) характеризовался как съезд развернутого наступления по всему фронту строительства социализма: в промышленности, в сельском хозяйстве, в области культуры. XVII съезд партии (26 января 1934 г.) – это «съезд победителей», так как к этому времени (в сравнительно короткий срок) страна была переведена на рельсы индустриализации промышленности, коллективизации сельского хозяйства, осуществлялась культурная революция. XVIII съезд партии (10 марта 1939 г.) констатировал дальнейший подъем как в промышленности, сельском хозяйстве, так и в материальном и культурном положении народа.

Остановимся кратко на характеристике этих съездов и на реализации ленинского плана построения социализма в СССР. Итак, как уже отмечалось, XIV съезд партии вошел в историю как съезд индустриализации страны. Выступая на нем с Политическим отчетом Центрального Комитета, И. В. Сталин подчеркнул, что мы должны вести работу «по линии превращения нашей страны из аграрной в индустриальную»³⁴. Для этого, считал он, необходимо, с одной стороны, вести работу «по линии развертывания нашей социалистической промышленности»³⁵, а с другой – «по линии включения распыленных крестьянских хозяйств в социалистическое строительство через массовое кооперирование и поднятие культурного уровня крестьянства»³⁶.

Касаясь конкретно промышленности и сельского хозяйства, И. В. Сталин обратил внимание на то, что «мы все еще страна аграрная: продукция сельского хозяйства преобладает над продукцией промышленности»³⁷. «В чем состоят наши задачи в связи

с этим обстоятельством? — спрашивает И. В. Сталин и тут же отвечает: — Прежде всего — в том, чтобы поднять нашу крупную госпромышленность во что бы то ни стало, преодолевая трудности, стоящие перед нами»³⁸. На съезде партии в принятом постановлении «По отчету Центрального Комитета» в области экономической политики съезд счел необходимым «во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополии внешней торговли, *рост социалистической госпромышленности* и вовлечение под ее руководством и *при помощи кооперации* (курсив наш. — *Е. Г.*) все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства»³⁹. Что касается поднятия культурного уровня трудящихся и особенно молодежи, то в резолюции «О работе комсомола», принятой на съезде, сказано: «Борьба за молодежь, соответствующее ее воспитание...» становятся «...главнейшими особенностями переживаемого периода»⁴⁰.

Следует отметить, что к тому времени благодаря преимуществам советской системы народного хозяйства были восстановлены и промышленность, и сельское хозяйство. Уровень их развития приближался к довоенному. Тем не менее две трети всей продукции давало сельское хозяйство и только одну треть — промышленность. Поэтому во весь рост стоял вопрос о превращении нашей страны в индустриальную державу, экономически независимую от капиталистических стран. Индустриализация обеспечивала хозяйственную самостоятельность, укрепляла ее обороноспособность и создавала условия, необходимые для победы социализма в СССР. Индустриализация имела резко выраженный социалистический характер. Причем невзирая на то, что проходила в условиях НЭПа. И что еще важно отметить — так это то, что более быстрыми темпами шел рост крупной промышленности.

Однако высокие темпы подъема промышленности, разъяснял И. В. Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 года, нельзя смешивать с уровнем ее развития. Несмотря на небывалые темпы роста социалистической индустрии, страна еще сильно отставала по уровню развития промышленности от передовых капиталистических стран. «И вот выходит, что, с одной стороны, мы имеем, — говорил И. В. Сталин, — в нашей стране наиболее передовой Советский строй и наиболее передовую власть во всем мире, Советскую власть, с другой стороны, мы имеем чрезмерно отсталую технику промышленности, долженствующей представлять базу социализма и Советской власти»⁴¹. И. В. Сталин ставит вопрос: «Что нужно

сделать, чтобы ликвидировать это противоречие?» И отвечает: «Для этого необходимо добиться того, чтобы догнать и перегнать передовую технику развитых капиталистических стран»⁴². Это с точки зрения внешних условий.

«Но кроме внешних условий, — отмечает И. В. Сталин, — есть еще внутренние условия, диктующие быстрый темп развития нашей индустрии, как ведущего начала всего нашего народного хозяйства»⁴³. К этим условиям И. В. Сталин относил: «...чрезмерную отсталость нашего земледелия, его техники, его культуры», наличие в стране «...преобладающего большинства мелких товаропроизводителей с их раздробленным и совершенно отсталым производством...»⁴⁴ И снова И. В. Сталин ставит вопрос: «Можно ли двигать вперед индустрию, оставляя сельское хозяйство в условиях совершенно отсталой техники, не обеспечивая для индустрии сельскохозяйственной базы, не реконструируя сельское хозяйство и не подгоняя его к индустрии? Нет, нельзя.

Отсюда задача — максимально обеспечить сельское хозяйство орудиями и средствами производства, необходимыми для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело его реконструкции на новой технической базе. Но для того чтобы добиться осуществления этой задачи, необходим быстрый темп развития нашей индустрии»⁴⁵.

Поставленная И. В. Сталиным задача индустриализации страны нашла отражение в резолюции, принятой на пленуме ЦК ВКП(б). В ней сказано, на какой основе будет реализовываться на практике линия партии по дальнейшей индустриализации страны: «На основе широкого вовлечения масс в процесс социалистического строительства, роста их материального благосостояния, систематического проведения 7-часового рабочего дня, на основе повышающейся качественно работы технических кадров и возрастающего объединения науки, техники, хозяйственного управления и практики хозяйства вообще партия должна решительно и твердо продолжать курс на индустриализацию страны»⁴⁶.

Если успехи политики по индустриализации страны были заметны уже к концу 1927 года, то этого не скажешь в отношении сельского хозяйства. Хотя сельское хозяйство, как отмечалось выше, в целом перевалило через довоенный уровень, объем валовой продукции его главной отрасли — зернового хозяйства — был значительно ниже довоенного уровня. Это был кризис зернового хозяйства, за которым мог последовать кризис всего сельскохозяйственного производства. Чтобы выйти из кризисного положе-

ния, в сельском хозяйстве необходимо было перейти на крупное производство, базирующееся на технической основе и, таким образом, поднять в несколько раз товарность зернового хозяйства. Поэтому XV съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1927 года, вынес решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства. До съезда были выступления И. В. Сталина по данному вопросу на конференциях партии, пленумах ЦК, перед трудящимися.

Еще в 1924 году И. В. Сталин, выступая в Свердловском университете, говорил о том, что сельское хозяйство должно пойти «...по пути вовлечения большинства крестьян в социалистическое строительство через кооперацию, по пути постепенного внедрения в сельское хозяйство начал коллективизма сначала в области сбыта, а потом — в области производства продуктов сельского хозяйства»⁴⁷. В фундаментальном труде «К вопросам ленинизма» И. В. Сталин ставит вопрос: «...по какому пути может и должно пойти развитие крестьянского хозяйства в нашей стране?» И дает ответ: «Это есть путь массового кооперирования миллионов крестьянских хозяйств по всем линиям кооперации, путь объединения распыленных крестьянских хозяйств вокруг социалистической индустрии, путь насаждения начал коллективизма среди крестьянства сначала по линии **сбыта** продуктов земледелия и **снабжения** крестьянских хозяйств городскими изделиями, а потом по линии сельскохозяйственного **производства**»⁴⁸. Как видим, основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы вовлечь в кооперативную организацию массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие.

XV съезд партии наметил план расширения и укрепления сети колхозов и совхозов. В качестве первоочередных мер съезд постановил: «...на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и механизации земледелия), всемерно поддерживая и поощряя ростки обобщественного сельскохозяйственного труда»⁴⁹. Съезд принял резолюцию «О работе в деревне», где подробно изложил очередные задачи партии, связанные с коллективизацией сельскохозяйственного производства, наметил конкретные шаги в этом направлении при составлении пятилетнего плана развития народного хозяйства. Особое внимание съезд уделил вопросу дальнейшего наступления на кулачество: «Достигнутые

успехи политики партии в деревне и создавшаяся в связи с этим новая обстановка позволяют партии пролетариата, пользуясь всей мощью хозяйственных органов и по-прежнему опираясь на бедняцко-средняцкие массы крестьянства, развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму»⁵⁰. Политика ликвидации кулачества как класса была закреплена в историческом постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В нем сказано, что на основе развернувшегося колхозного движения была создана материальная база «...для замены кулацкого сельскохозяйственного производства колхозным производством»⁵¹. Это постановление ЦК внесло ясность в дело проведения в жизнь новой политики партии в деревне. На основе политики ликвидации кулачества как класса развернулось мощное колхозное движение. После съезда партии по всем этим вопросам И. В. Сталин выступал с разъяснением их основных положений⁵².

В статье «Головокружение от успехов» (март 1930 г.), опубликованной в газете «Правда», И. В. Сталин говорит о том, что **«коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным»**⁵³. На 20 февраля 1930 года, отмечается в статье, уже было коллективизировано 50 процентов крестьянских хозяйств. Верно, на практике не обошлось и без искривлений политики партии по колхозному строительству. Нарушался принцип добровольности, происходило перескакивание через артель к коммуне и т. д. Чтобы довести до конца дело исправления перегибов и ошибок, начатое статьей И. В. Сталина, ЦК ВКП(б) принимает постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», считая, что «...все эти искривления являются результатом *прямого нарушения* политики партии...», они «...являются теперь *основным тормозом* дальнейшего роста колхозного движения и *прямой помощью* нашим классовым врагам»⁵⁴.

Таким образом, период после XV съезда партии (декабрь 1927 г.) до начала XVI съезда партии (май 1930 г.) был периодом сплошной коллективизации в сельском хозяйстве. Если к этому добавить достижения в индустриализации промышленности и проведении культурной революции, которых добился советский народ под руководством партии, то можно понять, почему XVI съезд партии вошел в историю как съезд развернутого насту-

пления по всему фронту строительства социализма, в том числе и ликвидации кулачества как класса, и проведения в жизнь сплошной коллективизации.

Если к XV съезду, в 1926–1927 годах, объем валовой продукции всей промышленности составлял всего 102,5 процента довоенного уровня, то к XVI съезду, в 1929–1930 годах — уже достиг около 180 процентов довоенного уровня. Все более укреплялась тяжелая индустрия — производство средств производства, машиностроение. К XVI съезду партии произошел определенный перелом в развитии и сельского хозяйства. Широкие крестьянские массы повернули к социализму. В деревне середняк становился опорой советской власти. Именно это и позволило перейти от лозунга ограничения и вытеснения кулачества к лозунгу ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

XVI съезд партии принял развернутое постановление «О выполнении пятилетнего плана промышленностью», где указал, с одной стороны, на успехи выполнения пятилетнего плана промышленностью, а с другой — на его недостатки. Съезд констатировал, что «благодаря все более развертывавшейся мобилизации рабочих масс для борьбы за осуществление намеченных заданий и правильному большевистскому руководству ЦК всем делом практического выполнения промышленного плана, принятый партией быстрый темп индустриализации не только выполняется, но и перевыполняется за истекшие два года»⁵⁵. Вместе с тем «перевыполнение плановых заданий по количественным показателям работы промышленности сопровождалось, однако, систематическим отставанием в части *качественных* показателей ее работы. Задания по производительности труда, снижению себестоимости промышленной продукции и стоимости строительства систематически недовыполняются, тем самым снижая общие результаты работы промышленности»⁵⁶. Съездом были намечены важнейшие задачи партии по дальнейшему развитию промышленности.

В области сельскохозяйственного производства речь шла о подъеме сельского хозяйства. «Истекшие со времени XV съезда партии 2 1/2 года, — отмечалось на съезде, — были периодом величайшего перелома в развитии сельского хозяйства СССР»⁵⁷. Этот перелом связан с тем, что значительная часть середняцкой массы поняла преимущества крупного общественного хозяйства и повернула на социалистический путь развития. Этот перелом был следствием быстрых темпов развития индустрии, являющейся

основой реконструкции сельского хозяйства на коллективных началах, а также массового развертывания кооперирования, развития совхозов, организации машинно-тракторных станций и т. д.

Примечателен вывод, к которому пришли участники съезда, а именно: «...на основе коллективизации, развития машинно-тракторных станций и организации совхозов партия сможет начать осуществлять лозунг «догнать и перегнать» капиталистические страны мира не только в отношении промышленности... но и в области сельского хозяйства...»⁵⁸. Исходя из достигнутых результатов в развитии сельскохозяйственного производства съезд считал возможным пересмотреть пятилетний план развития сельского хозяйства в направлении ускоренного развития не только зерновых и технических культур, но и животноводства. Вопросам дальнейшей коллективизации и укрепления колхозов было посвящено специальное заседание ЦК ВКП(б) 2 августа 1932 года, на котором «ЦК партии признал необходимым сосредоточить главное внимание на организационно-хозяйственном укреплении колхозов»⁵⁹. Таким образом, колхозное крестьянство стало, как отмечалось на съезде, действительной и прочной опорой советской власти.

Решение поставленных задач, связанных с реконструкцией в промышленности и сельском хозяйстве, невозможно было без проведения в жизнь культурной революции. Темпы развертывания культурной революции были недостаточны. Съезд обратил внимание на необходимость ликвидации неграмотности в стране, введения всеобщего обязательного первоначального обучения. Реализация поставленных съездом задач в этой сфере нашла отражение в постановлении ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении», буквально через несколько дней после завершения съезда, то есть 25 июля 1930 года.

«Развитие социалистического строительства и связанные с этим огромные задачи по подготовке кадров, ликвидации культурно-технической отсталости и коммунистическому воспитанию широких масс, — отмечается в этом постановлении ЦК, — требуют скорейшего проведения всеобщего обязательного начального обучения, как важнейшей предпосылки дальнейшего развития культурной революции»⁶⁰. Вопрос о кадрах, прежде всего руководителей предприятий, колхозных руководителей, ликвидации их культурно-технической отсталости, становится ключевым в деле реконструкции всех отраслей народного хозяйства. А без этой реконструкции народного хозяйства невозможно было удовлетворить растущие потребности страны, догнать и перегнать

в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны. Следовательно, надо было повернуть руководителей всех рангов лицом к научно-техническому прогрессу, объяснить необходимость изучения новой техники.

Значительную роль в этом сыграли выступления И. В. Сталина на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года, на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года, на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 года⁶¹. В речи на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности И. В. Сталин заострил внимание руководителей промышленности всех рангов на необходимости овладеть современной техникой, овладеть наукой производства. В этом вопросе «мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны, – говорил И. В. Сталин, – пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»⁶². И закончил свое выступление словами: «Техника в период реконструкции решает все. И хозяйственник, не желающий изучать технику, не желающий овладеть техникой, – это анекдот, а не хозяйственник»⁶³.

Что касается кадров в сфере сельскохозяйственного производства, то здесь огромное значение имело выступление И. В. Сталина на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 года. И. В. Сталин показал, чего добилось крестьянство, вступив на колхозный путь. И поставил вопрос: «Что требуется для того, чтобы двинуть дальше колхозное движение и развернуть всю колхозное строительство..?» Для этого требуется одно, говорил И. В. Сталин: «...трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания вашего рабоче-крестьянского государства, укреплять колхозы и вышибать вон из колхозов пробравшихся туда кулаков и подкулачников»⁶⁴.

Все эти успехи, как в развитии промышленности, сельского хозяйства, так и в проведении культурной революции, были достигнуты благодаря успешному выполнению первой пятилетки⁶⁵. К началу 1933 года стало ясно, что первая пятилетка уже выполнена, и выполнена в течение четырех лет и трех месяцев. Это была громадная, всемирно-историческая победа рабочего класса и колхозного крестьянства. Не случайно поэтому, как уже отмечалось, XVII съезд партии и вошел в историю как «съезд победителей».

В своем отчетном докладе на съезде И. В. Сталин отметил те коренные преобразования, которые произошли в стране: «СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличье отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства он стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства. Из страны темной, неграмотной и некультурной он стал — вернее, становится — страной грамотной и культурной, покрытой громадной сетью высших, средних и низших школ, действующих на языках национальностей СССР»⁶⁶. Социалистическая промышленность к этому времени составляла уже 99 процентов всей промышленности страны. Социалистическое сельское хозяйство — колхозы и совхозы — занимали около 90 процентов всех посевных площадей. Что касается вопроса ликвидации неграмотности, то к концу 1933 года уровень грамотности достиг уже 90 процентов. По всей стране наблюдался значительный рост научно-исследовательских институтов, учреждений культурного типа, кинотеатров, прессы и т. д. На конкретном фактическом материале И. В. Сталин показал подъем промышленности, а также сельского хозяйства, материального положения и культуры трудящихся.

В докладе он фактически говорил о необходимости достижения тождества противоположностей между производством и потреблением, подчеркивая, что «социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культурности. Ибо социализм, марксистский социализм, означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно-развитых трудящихся людей»⁶⁷.

XVII съезд партии заслушал доклады товарищей В.М.Молотова и В.В.Куйбышева по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР. Задачи второго пятилетнего плана были еще более грандиозными, чем задачи первой пятилетки. К концу второй пятилетки, в 1937 году, объемы промышленной продукции должны были возрасти, примерно, в восемь раз по сравнению с довоенным уровнем. Во втором пятилетии должна в основном завершиться механизация сельского хозяйства. Была намечена широкая программа дальнейшего повышения материального и культурного уровня рабочих и крестьян⁶⁸.

На основе достигнутых успехов в промышленности, сельском хозяйстве, в развитии культуры развернулась борьба за досрочное выполнение заданий второго пятилетнего плана. И здесь немаловажное значение имели кадры. Если раньше, в начале реконструкции, когда в стране чувствовался голод в области техники, партия дала лозунг: «Техника в период реконструкции решает все», то теперь лозунгом партии стали слова: «Кадры решают все». Об этом И. В. Сталин говорил в своей речи на выпуске академиков Красной Армии в мае 1935 года: «Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихя в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях «кадры решают все». Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, — наша страна будет непобедима»⁶⁹.

Таким образом, в целях дальнейшего подъема промышленности и сельского хозяйства необходимо было наращивание кадрового потенциала, владеющего современной техникой и способного, по выражению И. В. Сталина, «использовать ее до дна». Наиболее ярким примером роста таких кадров, примером освоения людьми новой техники явилось стахановское движение. Отвечая на вопрос «В чем состоит значение стахановского движения?», И. В. Сталин подчеркивал: «Прежде всего в том, что оно выражает новый подъем социалистического соревнования, новый, высший этап социалистического соревнования. Почему новый, почему высший? Потому, что оно, стахановское движение, выгодно отличается, как выражение социалистического соревнования, от старого этапа социалистического соревнования. В прошлом, года три тому назад, в период первого этапа социалистического соревнования, социалистическое соревнование не обязательно было связано с новой техникой. Да тогда у нас, собственно, и не было почти новой техники. Нынешний же этап социалистического соревнования — стахановское движение, наоборот, — обязательно связан с новой техникой. Стахановское движение было бы немыслимо без новой, высшей техники»⁷⁰. И еще, говоря о значении стахановского движения, И. В. Сталин ставит вопрос: «Разве не ясно, что стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущее нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только

и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим?»⁷¹

За пять лет, прошедших после XVII съезда партии, советский народ добился значительных успехов как в промышленности, сельском хозяйстве, так и в области культуры. Именно об этом говорил И. В. Сталин на XVIII съезде партии. Если на XVII съезде вопрос стоял о подъеме промышленности, сельского хозяйства, материального положения и культуры трудящихся, то на XVIII съезде вопрос уже стоял об их дальнейшем подъеме. Дело в том, что, как отмечал И. В. Сталин в отчетном докладе, наша промышленность выросла за отчетный период более чем в два раза. По темпам роста наша социалистическая промышленность стояла на первом месте в мире, догнав и перегнав главные капиталистические страны. Задача состояла в том, что «...нужно перегнать их, — говорил И. В. Сталин, — также в экономическом отношении. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе»⁷² (курсив наш. — Е. Г.).

В сельском хозяйстве, констатировал И. В. Сталин, реконструкция нашего земледелия на основе новой техники в основном уже завершена. Растут объемы валовой продукции зерновых и технических культур и поголовье скота: «Наше земледелие является, следовательно, не только наиболее крупным и механизированным, а значит и наиболее товарным земледелием, но и наиболее оснащенным современной техникой, чем земледелие любой другой страны»⁷³.

В стране за отчетный период наблюдался подъем материального и культурного положения народа за счет подъема промышленности и сельского хозяйства. «С точки зрения культурного развития народа, — отмечал И. В. Сталин, — отчетный период был поистине периодом культурной революции (курсив наш. — Е. Г.). Внедрение в жизнь всеобщего обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции, — такова общая картина культурного подъема наро-

да»⁷⁴. Эта общая картина подъема не только в области культуры, но и в промышленности, и сельском хозяйстве дает нам основание сделать вывод о том, что если по завершении второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР Ленинский план построения социализма был реализован в *основном*, то, надо полагать, с выполнением третьего пятилетнего плана он был бы выполнен *полностью и окончательно*. Ибо пятилетним планом предполагалось: «развернуть дальше подъем нашей промышленности, рост производительности труда, усовершенствование техники производства с тем, чтобы, после того, как уже перегнали главные капиталистические страны в области техники производства и темпов роста промышленности, — перегнать их также экономически в течение ближайших 10–15 лет»⁷⁵. Первым шагом в этом направлении должно было бы быть выполнение заданий третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1938–1942 годы, принятого на XVIII съезде партии. Планом предусматривалось: «установить *объем продукции* по всей промышленности СССР в 1942 году, на последний год третьей пятилетки, в 184 миллиарда рублей (в ценах 1926–1927 годов) против 95,5 миллиарда рублей в 1937 году, то есть рост промышленной продукции за третью пятилетку на 92 процента»⁷⁶. Особо следует отметить то, что съезд определил на третью пятилетку рост производительности труда в промышленности на 65 процентов, что должно было обеспечить в 1942 году против 1937 года прирост промышленной продукции на 62 миллиарда рублей, а снижение себестоимости промышленной продукции (в ценах 1937 года) на 10 процентов. Это должно было обеспечить государству в 1942 году экономию по сравнению с 1937 годом в размере 20 миллиардов рублей⁷⁷. В сельском хозяйстве съезд определил рост продукции с 20,1 миллиарда рублей в 1937 году (в ценах 1926–1927 годов) до 30,5 миллиарда рублей в 1942 году, то есть на 52 процента⁷⁸. Намечен был и новый крупный шаг вперед в создании мощной материальной базы для последующего развития производительных сил, благосостояния и культуры социалистического общества.

Но этим планам не суждено было сбыться — помешала война. В то время, когда принимался третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, новая империалистическая война была фактом. В 1935 году Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 года Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испанию. В 1937 году Япония, после захвата Маньчжурии, вторглась в Китай и захватила огромную террито-

рию. В начале 1938 года Германия оккупировала Австрию, а осенью — часть территории Чехословакии. «Ввиду этого наша страна, — говорил И. В. Сталин на XVIII съезде партии, — неуклонно проводя политику сохранения мира, развернула вместе с тем серьезнейшую работу по усилению боевой готовности нашей Красной Армии, нашего Красного Военно-Морского флота»⁷⁹. Съезд наметил конкретные меры по дальнейшему укреплению оборонной мощи СССР, так как в подготовке к войне наряду с достигнутыми успехами имели место и нерешенные проблемы. Наблюдались диспропорции в развитии экономики, не все проблемы были решены и в сельском хозяйстве, была недостаточной пропускная способность железных дорог в некоторых районах страны, а главное — по оснащению новейшим вооружением страна уступала фашистской Германии.

Не прошло и полугодия после XVIII съезда партии, как фашистская Германия напала на Польшу. В сентябре 1939 года Англия, а затем и Франция объявили войну Германии. Вслед за Англией войну Германии объявили британские доминионы: Австралия, Новая Зеландия, а также Южно-Африканский Союз и Канада. Так началась Вторая мировая война. В создавшихся условиях крайне важно было сочетать величайшую осторожность по отношению к возможным провокациям и строгое соблюдение советско-германского договора о ненападении⁸⁰, одновременно принимая необходимые меры по приведению Вооруженных Сил СССР в полную боевую готовность. В связи с началом Второй мировой войны и усилением военной опасности были приняты дополнительные меры, направленные на ускорение перевооружения Красной Армии более совершенной боевой техникой.

Опыт и советско-финской войны, и войны, ведущейся в Западной Европе, со всей определенностью показал возросшее значение новой техники: самолетов, танков, артиллерии, автоматического оружия. Однако перевооружение Красной Армии новой техникой проходило намного медленнее, чем это было предусмотрено принятыми постановлениями партии и правительства. Об этом говорил на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в конце мая 1941 года, то есть за месяц до начала Великой Отечественной войны, недавно назначенный начальник Генерального штаба Г. К. Жуков. Он кратко остановился на подготовке страны к обороне, на характеристике всех родов войск и их готовности к войне.

Характеризуя работу танковой промышленности, Г. К. Жуков отметил высокие темпы ее развития. «В 1938 году, — говорил он, — по сравнению с началом тридцатых годов производство танков возросло более чем в три раза. В настоящее время в связи с задачами, поставленными ЦК ВКП(б) и Советским правительством, создаются танки с более мощной броневой защитой и вооружением при высокой подвижности и надежности в эксплуатации (средние танки Т-34 и «КВ» тяжелые). В то же время нельзя не отметить, — констатировал Г. К. Жуков, — что некоторые танковые заводы план не выполняют, вооружение войск танками «КВ» и Т-34 идет крайне медленными темпами. Практически новые танки только со второй половины 1940 года начали поступать в бронетанковые училища и в войска приграничных округов»⁸¹. Машины типа «КВ» и Т-34 по качеству значительно превосходили немецкие танки. В своем выступлении Г. К. Жуков отмечал: «Для полного укомплектования новых мехкорпусов требуется 16,6 тыс. танков только новых типов, а всего около 32 тысяч танков. Такого количества машин в течение одного года практически, конечно, взять неоткуда, недостает для этого и технических, и командных кадров»⁸².

Это касалось не только танков, но и артиллерии, авиации, стрелкового вооружения и т. д. Что касается артиллерии, то, обращаясь к И. В. Сталину, Г. К. Жуков говорил: «Хочу также отметить, что Главное артиллерийское управление недооценивает такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 («Катюши»). Необходимо, товарищ Сталин, немедленно принять решение об их срочном серийном производстве. Нужно сделать все возможное, чтобы войска как можно скорее получили это грозное оружие»⁸³.

В авиации таковым грозным оружием были истребители Як-1, Миг-3, Лаг-3, штурмовик Ил-2, пикирующий бомбардировщик Пе-2. «Однако в количественном отношении, — говорил Г. К. Жуков, — в ВВС преобладают машины старых конструкций. По данным специалистов, примерно 75–80 процентов общего числа машин по своим летно-техническим данным уступают однотипным самолетам фашистской Германии»⁸⁴.

Выводы Г. К. Жукова совпадают с мнением авиаконструктора, заместителя наркома авиационной промышленности А. С. Яковлева, высказанным им в беседе с И. В. Сталиным в марте 1941 года. На вопрос И. В. Сталина о том, «...что основная масса наших истребителей не может противостоять немецким?», А. С. Яковлев отвечал: «Им могут противостоять лишь наши новые истребители

«Миг», «Як» и «Лаг», которые появились в образцах лишь в 1940 году, но сейчас запущены в серийное производство. К сожалению, товарищ Сталин, сравнение наших бомбардировщиков с немецким «Юнкерсом-88» тоже не в нашу пользу. По скорости, по бомбовой нагрузке немцы имеют преимущество и в бомбардировочной авиации. Превосходящий немецкие бомбардировщики наш пикирующий бомбардировщик «Пе-2» только недавно запущен в серийное производство»⁸⁵.

В заключение своего доклада Г. К. Жуков сказал: «...Сколь велики мероприятия, осуществленные партией и правительством по укреплению обороны страны в 1939–1941 годах, говорит рост численности наших вооруженных сил.

Они выросли за это время в 2,8 раза, было сформировано 125 новых дивизий. За период с 1931-го по 1941 год огневые возможности сухопутных войск увеличились более чем в три раза, число боевых самолетов – в 7 раз, танков – в 43 раза. За это время вступило в строй 312 боевых кораблей, в том числе 206 подводных лодок.

Только в начале 1941 года вооруженные силы получили 2650 самолетов новых конструкций, свыше 600 тяжелых танков «КВ» и 1440 лучших в мире средних танков Т-34. К 1 января 1941 года в сухопутных войсках, военной авиации, на флоте, в войсках ПВО насчитывалось более 4200 тысяч человек. Уделяется большое внимание развитию теоретической военной мысли, подготовке квалифицированных командных и политических кадров»⁸⁶.

Г. К. Жуков доложил, что «в марте 1941 года Генеральный штаб закончил разработку мобилизационного плана для промышленности по производству военной продукции на случай войны»⁸⁷. Через три месяца, 22 июня 1941 года, фашистская Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз.

Был ли готов Советский Союз к отражению агрессии? Был. Напомним, что в речи на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (4 февраля 1931 г.) И. В. Сталин говорил о том, что «мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»⁸⁸. Превращение за десять лет отсталой страны в великую индустриальную державу было уникальным в истории достижением. Именно благодаря этому советская промышленность сумела в годы войны namно-

го превзойти немецкую и по количеству, и по качеству вооружения⁸⁹. Тем самым обеспечив победу советского народа в Великой Отечественной войне⁹⁰.

Народное хозяйство СССР в годы войны

Самый критический период войны (с 22 июня по декабрь 1941 года) был связан с перестройкой народного хозяйства СССР на военный лад, а военной промышленности – на выпуск новейшей техники. Надо иметь в виду, что в это время немецкими захватчиками уже были оккупированы Прибалтика, Украина, Молдавия, западные и частично центральные области России, то есть территории, которые располагали значительным промышленным, сельскохозяйственным и военным потенциалом. И несмотря на это социалистическая система народного хозяйства доказала свою эффективность уже в первые дни войны тем, что в кратчайший срок была перебазирована промышленность из районов, оказавшихся под угрозой оккупации, в глубокий тыл и там был начат выпуск военной продукции; а также тем, что перестройка народного хозяйства на военный лад была завершена к концу 1942 года.

Партией и советским правительством для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей был создан Совет по эвакуации⁹¹. На новые места с июля по декабрь 1941 года были перебазированы 2593 предприятия, главным образом тяжелой и оборонной промышленности⁹². Эвакуация отраслей народного хозяйства и населения из этих районов на восток страны в кратчайший срок продемонстрировала преимущество плановой системы социалистической экономики, централизованного управления ею, а также высокую организованность и дисциплину от руководителя до рядового гражданина.

И. В. Сталин, выступая по радио 3 июля 1941 года, говорил о том, что «мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага»⁹³.

«Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону»⁹⁴.

Для обеспечения выполнения поставленных И. В. Сталиным задач необходимо было осуществлять строго централизованное и гибкое управление Вооруженными Силами, всем народным хозяйством СССР. С этой целью партия и советское правительство приняли ряд постановлений, а именно – о Ставке Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР (23 июня 1941 г.). 10 июля 1941 года Ставка Главного Командования была преобразована в Ставку Верховного Командования, а 8 августа 1941 года, в целях укрепления связи между военным и государственным руководством, Президиум Верховного Совета СССР, Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) назначили Председателя Государственного Комитета Оборона и Народного Комиссара Оборона тов. Сталина И. В. Верховным Главнокомандующим всех войск Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота⁹⁵. Таким образом, будучи Председателем Государственного Комитета Оборона и Верховным Главнокомандующим вооруженных сил, И. В. Сталин координировал всю работу как по управлению войсками, так и по обеспечению оборона страны.

Важным шагом в процессе перевода советской экономики на военные рельсы явилось решение Государственного Комитета Оборона от 4 июля 1941 года о выработке военно-хозяйственного плана обеспечения оборона страны⁹⁶. Такой план был разработан на IV квартал 1941 года и на 1942 год по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, а 16 августа утвержден Политбюро ЦК ВКП(б): «Этим постановлением по указанным районам СССР был утвержден план выпуска военной продукции на IV квартал 1941 г. и на 1942 г., включая артиллерийское и стрелковое вооружение, боеприпасы, самолеты, авиамоторы, автобронетанковое вооружение, военное судостроение, а также план производства таких видов промышленной продукции, как уголь, нефть, цветные металлы, машиностроение и др.»⁹⁷ Следует отметить, что утвержденный Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б) военно-хозяйственный план предусматривал поставку современного вооружения, в частности зенитных автоматических пушек, танковых, противотанковых, полковых, корпусных пушек, ми-

нометов, стрелкового оружия, новейших типов самолетов и авиамоторов к ним, танков и танковых дизелей; предусмотрена была и расширенная программа строительства для Военно-Морского Флота кораблей и производства вооружения.

Развитие военного хозяйства Советского Союза во время Великой Отечественной войны ученые подразделяют на два этапа: первый – перестройка народного хозяйства на военный лад (июнь 1941 г. – декабрь 1942 г.) и второй – рост слаженного военного хозяйства (январь 1943 г. – май 1945 г.). Военная перестройка народного хозяйства СССР проходила в исключительно тяжелых условиях, о чем говорилось выше. Здесь же отметим, что «во втором полугодии 1941 г. валовая продукция советской промышленности составляла 76 процентов продукции, изготовленной во втором полугодии 1940 г., а если взять только ноябрь и декабрь 1941 г. – лишь половину продукции, произведенной за эти месяцы в 1940 г.»⁹⁸ Подводя итог войны за вторую половину 1941 г., то есть за четыре с небольшим месяца, И. В. Сталин в докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1941 года еще раз подтвердил опасность, что нависла над нашей страной. «Теперь, в итоге 4-х месяцев войны, – говорил И. В. Сталин, – я должен подчеркнуть, что эта опасность не только не ослабла, а, наоборот, еще более усилилась»⁹⁹.

И все же, И. В. Сталин выразил твердую убежденность в том, что «разгром немецких империалистов и их армий неминуем». Формулируя наши задачи, И. В. Сталин подчеркнул, что «...для этого необходимо, чтобы наша армия и наш флот имели деятельную и активную поддержку со стороны всей нашей страны, чтобы наши рабочие и служащие, мужчины и женщины, работали на предприятиях, не покладая рук, и давали бы фронту все больше и больше танков, противотанковых ружей и орудий, самолетов, пушек, минометов, пулеметов, винтовок, боеприпасов, чтобы наши колхозники, мужчины и женщины, работали на своих полях, не покладая рук, и давали бы фронту и стране все больше и больше хлеба, мяса, сырья для промышленности, чтобы вся наша страна и все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей Родины, за разгром немецких армий»¹⁰⁰. И надо сказать, что эта задача, поставленная И. В. Сталиным, успешно выполнялась советским народом. Вот несколько цифр, по которым можно составить представление о том, какой поистине всеобщий

характер носила перестройка народного хозяйства на военный лад. Если в 1940 году на военные нужды расходовалось 15 процентов национального дохода, то в 1942 году — 55 процентов. В промышленности доля продукции, используемой на военные нужды, равнялась в 1940 году примерно 26 процентам, а в 1942 году — 68 процентам. В сельском хозяйстве соответственно в 1940 году — 6 процентов, а в 1942 году — 24 процента. В 1942 году объем продукции наркоматов военной промышленности превысил довоенный уровень на 86 процентов, то есть увеличился почти в два раза.

Этим было обусловлено то, что если во втором полугодии 1941 года в среднем в месяц производилось: артиллерийских орудий — 5124 всех типов и калибров; танков — 696 (без самоходно-артиллерийских установок, которые в 1941 году еще не производились); самолетов — 1630, то в 1942 году соответственно: артиллерийских орудий — 10 591; танков и самоходно-артиллерийских установок — 2060; самолетов — 2120. Таким образом, уже в первый период Великой Отечественной войны Советскому государству удалось решить очень важную задачу — обеспечить численно возросшую армию основными видами вооружения и свести на нет преимущество противника, каким он обладал в первые месяцы войны.

В 1942 году завершился первый этап, связанный с перестройкой народного хозяйства на военный лад. Наступил второй — динамичного развития военного хозяйства на протяжении последних трех лет войны.

«Известно, — говорил И. В. Сталин в речи перед избирателями Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года, — что наша танковая промышленность в течение последних трех лет войны производила ежегодно в среднем более 30 тысяч танков, самоходов и бронемашин.

Известно далее, что наша авиационная промышленность производила за тот же период ежегодно до 40 тысяч самолетов.

Известно также, что наша артиллерийская промышленность производила за тот же период до 120 тысяч орудий всех калибров, до 450 тысяч ручных и станковых пулеметов, свыше 3 миллионов винтовок и около 2 миллионов автоматов»¹⁰¹.

В этот период почти все вооружение Красной Армии претерпело качественные изменения. Непрерывно возрастал удельный вес автоматического оружия. К концу войны автоматы стали самым массовым видом вооружения пехоты. Число их в стрелковой дивизии увеличилось за время войны в 21 раз. Особенно быстро развивалась танковая и противотанковая артиллерия. Грозным

оружием в годы войны стала реактивная артиллерия — новая и эффективная разновидность артиллерийских систем. Боевые установки советской реактивной артиллерии — широко известные «катюши» — сочетали многозарядность и скорострельность с самоходностью и высокой подвижностью. Одним из важнейших средств вооруженной борьбы, нашедших массовое применение и во многом определяющих характер боевых действий, были танки. Они стали основной ударной силой сухопутных войск. Во второй половине войны наша промышленность стала выпускать танки Т-34 с мощной пушкой (85-мм). При этом танк сохранил хорошую маневренность. Наш тяжелый танк «КВ» в ходе войны был заменен более совершенной машиной «ИС», превосходившей новые немецкие танки как по бронезащите, так и по вооружению. В течение всех военных лет не прекращалась борьба за качественное превосходство над противником в авиационной технике. Во время войны наша промышленность выпускала истребители Як-3, Як-7б, Як-9, Ла-5, штурмовики Ил-2, бомбардировщики Пе-2, Ил-4 и другие самолеты. Были запущены в серийное производство новые типы самолетов: Ла-7, штурмовик Ил-10, бомбардировщик Ту-2. За время войны советская авиация получила более 59 тысяч истребителей, более 37 тысяч штурмовиков и 17,8 тысячи бомбардировщиков. Техническая и боевая мощь Военно-Морского Флота изменялась также в соответствии с боевыми потребностями. Во второй период войны советский флот получил новые подводные лодки, торпедные катера и другие боевые и вспомогательные корабли, а военно-морская авиация — самолеты новых типов.

Все это говорит о том, что социалистическая экономика, которая основана на общественной собственности на орудия и средства производства, опирающиеся на социалистические производственные отношения и плановое централизованное управление ею, имела преимущество над капиталистической экономикой фашистской Германии. Об эффективности социалистической экономики, например, говорят такие факты: уже в 1944 году себестоимость всех видов военной продукции сократилась в среднем в 62 раза по сравнению с 1940 годом. Национальный доход в 1944 году увеличился на 33 процента по сравнению с 1942 годом. Это дало возможность не только полностью обеспечить нужды фронта, но и непрерывно увеличивать капитальные вложения в развитие легкой и пищевой промышленности, в жилищное строительство, в оказание помощи населению районов, освобожденных от немецких оккупантов.

21 августа 1943 года партией и правительством было принято постановление о неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Непосредственное руководство по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от оккупации, было поручено специально созданному при СНК СССР Комитету. В его задачи входило: возврат скота, эвакуированного в восточные районы, увеличение поголовья скота и птицы в колхозах, восстановление машинно-тракторных станций и мастерских, восстановление железнодорожных вокзалов, станций, путевых будок и других железнодорожных построек. Были приняты меры по оказанию помощи в восстановлении и строительстве жилья для колхозников, рабочих и служащих, а также льготы по поставкам сельхозпродуктов государству; меры по организации для детей воинов Красной Армии, партизан, детей-сирот – суворовских военных училищ, специальных ремесленных училищ, детских домов и детских приемников-распределителей и т. д.¹⁰²

Можно считать, что уже на завершающем этапе Великой Отечественной войны начался процесс восстановления народного хозяйства СССР. «Несмотря на то, что Советский Союз почти четыре года ведет невиданную по своим масштабам войну, — говорится в приказе Верховного Главнокомандующего, — требующую колоссальных затрат, наша социалистическая экономика укрепляется и растет, а хозяйство освобожденных областей, разграбленное и разрушенное немецкими захватчиками, успешно и быстро возрождается. Это является результатом героических усилий рабочих и колхозников, советской интеллигенции, женщин и молодежи нашей страны, вдохновляемых и направляемых великой большевицкой партией»¹⁰³.

Однако не следует забывать, что всякая длительная война истощает народное хозяйство, задерживает развитие производительных сил в целом в стране. Война причинила советской экономике огромный ущерб. Он исчислялся 2 триллионами 569 миллиардами рублей, что во много раз превышало национальный доход СССР в довоенное время. Говоря об успехах советской военной экономики в годы войны, нельзя забывать, что в это время уменьшается, а в некоторых случаях вовсе прекращается производство средств производства для легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства, культурно-бытовых учреждений. Если капитальные вложения в тяжелую промышленность в 1945 году почти на одну треть превысили вложения 1940 года, то в то же время капитальные вложения в промышленность, производящую предметы потре-

бления, в сельское хозяйство, транспорт, связь, жилищное строительство и в некоторые другие отрасли были значительно ниже довоенного уровня. В то время когда наблюдались быстрый рост производительности труда и снижение издержек производства в военной индустрии, во многих других отраслях народного хозяйства положение с производительностью труда и себестоимостью продукции по сравнению с довоенным не улучшилось, а ухудшилось. Техническая вооруженность труда в этих отраслях снизилась, снизилась и квалификация работников. Закон распределения по труду во время войны свелся фактически к распределению по карточкам и т. д. Таковы были условия, при которых нашему народу необходимо было решать задачи восстановления народного хозяйства СССР.

Восстановление и развитие народного хозяйства СССР (1946–1960 гг.). (Советское экономическое «чудо»)

Советский Союз после войны быстро восстановил довоенный уровень экономического развития, а период с 1951-го по 1960 год явился самым успешным для советской экономики как с точки зрения темпов роста, так и с позиций эффективности общественного производства. Мир вновь был потрясен выдающимися достижениями советского народа. Это было новое советское «чудо». Первым экономическим «чудом» было превращение отсталой аграрной страны, какой была Россия до революции, в высокоразвитую индустриальную державу. Поистине экономическим «чудом» явилось теперь послевоенное восстановление народного хозяйства СССР. И, наконец, новое советское экономическое «чудо» — превращение страны в сверхдержаву, занявшую второе место в мире.

В основе восстановления и развития народного хозяйства СССР лежало выполнение и перевыполнение заданий нового пятилетнего плана. В целях мобилизации масс трудящихся ЦК ВКП(б) принимает постановление «Об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы». «ЦК ВКП(б) выдвинул перед всеми партийными организациями в качестве важнейшей задачи широкое развертывание агитационно-пропагандистской и организаторской работы среди трудящихся. Эта работа, — отмечалось в постановлении, — имела целью разъяснение задач пятилетки, максимальное повышение трудовой

активности советских людей, организацию массового социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение текущих планов, повышение производительности труда и использование всех ресурсов подъема народного хозяйства»¹⁰⁴.

Несколько ранее с разъяснениями трудящимся задач нового пятилетнего плана выступил И. В. Сталин. В речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского округа города Москвы (9 февраля 1946 г.) И. В. Сталин сформулировал задачи на ближайшее и отдаленное будущее: «Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах...»

«...Особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары и на широкое строительство научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы.

Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны.

Что касается планов на более отдаленный период, то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным... Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше»¹⁰⁵.

Выше шла речь о восстановлении пострадавших районов страны в связи с выполнением принятого 21 августа 1943 года, то есть еще в годы войны, постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Здесь же остановимся на выполнении советским народом задач, связанных с восстановлением народного хозяйства страны в послевоенный период. Как формулировал И. В. Сталин, вначале необходимо было восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства, а затем и превзойти его.

Война, как мы знаем, нанесла промышленности СССР огромный ущерб. Немецко-фашистские захватчики разрушили

31 850 промышленных предприятий, на которых было занято 4 млн человек. И несмотря на это перестройка промышленности на мирную продукцию в основном была завершена в 1946 году, а в 1948 году страна достигла и превзошла довоенный уровень промышленного производства. Если после гражданской войны нашей стране потребовалось шесть лет, чтобы восстановить хозяйство, то, несмотря на громадные потери, понесенные в Великой Отечественной войне, на восстановление промышленности ушло лишь около двух с половиной лет. Это ли не экономическое «чудо»!

Восстановить сельскохозяйственное производство было значительно труднее. Оно понесло огромные потери – как людские, так и материальные. Не этим ли объясняется тот факт, что партия и советское правительство особое внимание в послевоенные годы уделяли развитию сельского хозяйства¹⁰⁶. Программой восстановления и развития сельскохозяйственного производства стало постановление пленума ЦК ВКП(б) о мерах подъема сельского хозяйства. В нем отмечается, что «колхозное крестьянство после войны успешно восстанавливает сельское хозяйство. В 1946 г., несмотря на сильную засуху, охватившую значительную территорию европейской части СССР и превосходившую по размерам засуху 1921 г., валовой сбор и товарная продукция зерна, правда, несколько ниже, чем в 1945 г., но несравнимо выше уровня 1921 г., что могло иметь место только благодаря социалистической организации производства с его машинно-тракторными станциями и колхозным строем»¹⁰⁷.

Пленум следующим образом формулирует самую неотложную задачу сельского хозяйства: «...обеспечить такой подъем сельского хозяйства, который позволил бы в кратчайший срок создать обилие продовольствия для нашего населения, сырья для легкой промышленности и накопление необходимых государственных продовольственных и сырьевых резервов»¹⁰⁸.

Для того чтобы успешно решить эту задачу, Центральный Комитет партии считает необходимым следующее:

«Улучшить руководство сельским хозяйством со стороны партийных и советских органов, Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства совхозов СССР и их местных органов».

«Ликвидировать до конца вскрытые ЦК ВКП(б) и Советом Министров СССР нарушения Устава сельскохозяйственной артели, выражающиеся в неправильном расходовании трудодней, расхищении общественных земель колхозов, в растаскивании кол-

хозяйной собственности, нарушении демократических основ управления делами сельскохозяйственной артели...»

«Устранить недостатки в организации и оплате труда колхозников, тормозящие дело дальнейшего подъема производительности труда и укрепления общественного хозяйства в колхозах...»

«Решительно улучшить работу машинно-тракторных станций, от которых в значительной мере зависит судьба урожая на колхозных полях...»

«Организовать широкую подготовку и переподготовку кадров для сельского хозяйства с тем, чтобы в кратчайшие сроки ликвидировать недостаток опытных и подготовленных кадров в МТС, колхозах и совхозах...»

«Оснастить сельское хозяйство новыми тракторами, сельскохозяйственными машинами, автомашинами, обеспечить его удобрениями и горючим»¹⁰⁹.

Исходя из поставленных задач пленум ЦК ВКП(б) наметил конкретные меры по развитию всех сфер и направлений сельскохозяйственного производства. Так, например, ЦК ВКП(б) обязал партийные, советские организации, Министерство сельского хозяйства СССР, Министерство совхозов СССР и их местные органы:

«Восстановить в течение трех лет — 1947, 1948 и 1949 гг. по валовому сбору довоенный уровень производства зерна и значительно превзойти его к концу пятилетки...»

«...Восстановить и превзойти в течение трех лет — 1947, 1948 и 1949 гг. довоенный уровень производства технических культур: хлопка, льна-долгунца, сахарной свеклы...»

«Восстановить и превзойти к концу 1948 г. довоенный уровень поголовья крупного рогатого скота, овец и коз и к концу 1949 г. — поголовье свиней; значительно превзойти довоенный уровень по всем видам продуктивного скота к концу пятилетки; увеличить поголовье лошадей в колхозах к концу 1950 г. на 58 % по сравнению с 1946 годом»¹¹⁰ и т. д. Определены были и меры по улучшению агротехники и ирригации, работы машинно-тракторных станций, а также совхозов, меры по техническому оснащению сельского хозяйства и т. д.

Как же выполнялись поставленные задачи, связанные с восстановлением и развитием народного хозяйства СССР, в четвертой, послевоенной пятилетке? Обратимся к статистическому ежегоднику, в котором приводятся основные данные, отражающие развитие народного хозяйства СССР. Важным показателем

развития промышленности является рост промышленной продукции. Валовая продукция всей промышленности в 1950 году, в процентном отношении к 1945 году, составляла 189 процентов, в том числе: производство средств производства (группа «А») – 183 процента, а производство предметов потребления (группа «Б») – 207 процентов, то есть более чем в два раза¹¹¹. Таким образом, задача, поставленная И. В. Сталиным, а именно – «поднятие жизненного уровня трудящихся», успешно выполнялась. В конце 1947 года уже была отменена карточная система распределения продуктов питания.

Если провести сравнительный анализ выполнения заданий четвертого пятилетнего плана с довоенным уровнем, то валовая продукция всей промышленности в 1950 году, в процентном отношении к 1940 году, составила 173 процента, а производство средств производства соответственно – 205 процентов, в то время как производство предметов потребления – 123 процента¹¹². Если в 1950 году валовая продукция промышленности по плану должна была превысить уровень 1940 года на 48 процентов, то фактически промышленной продукции было произведено на 73 процента больше, чем в 1940 году. За годы четвертой пятилетки было построено, восстановлено и введено в действие 6200 крупных государственных промышленных предприятий – больше, чем в первой и второй пятилетках, вместе взятых. Рост валовой продукции промышленности был достигнут благодаря высоким темпам ее развития. Поднималось из руин и сельское хозяйство, обеспечивая страну продовольствием, а промышленность – сырьем. Неделимые фонды колхозов на конец 1950 года составили 50,6 млрд рублей, а денежные доходы колхозов – 34,9 млрд рублей. Возросла и техническая вооруженность колхозов, то есть механизация таких сельскохозяйственных работ, как пахота, сев и уборка урожая¹¹³.

Следует заметить, что зарубежные «ученые» считали, что на восстановление народного хозяйства СССР потребуется не менее 20 лет. Советский народ справился с восстановлением народного хозяйства за три года, а к концу четвертой пятилетки по многим показателям превзошел довоенный уровень.

Успешное выполнение четвертого пятилетнего плана позволило принять новый пятилетний план, обеспечивающий дальнейший подъем всех отраслей народного хозяйства, рост материального благосостояния и культурного уровня народа. Наметился дальнейший рост производительных сил общества, производства продуктов питания и товаров широкого потребления, то есть сня-

тие противоречия между производством и потреблением, достижение их тождества.

Деятнадцатый съезд КПСС (октябрь 1952 г.) принимает директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 годы. Директивами было предусмотрено «...повышение уровня промышленного производства за пятилетие, примерно, на 70 % при среднегодовом темпе роста всей валовой продукции промышленности, примерно, 12 процентов», а «темп роста производства средств производства (группа «А») в размере 13 % и производства предметов потребления (группа «Б») 11 %»¹¹⁴.

В соответствии с планом дальнейшего подъема промышленного производства было предусмотрено увеличение государственных капитальных вложений в два раза по сравнению с 1946–1950 годами¹¹⁵. И, что существенно важно для достижения тождества между производством и потреблением, так это необходимость «обеспечить высокие темпы роста производства предметов массового потребления. Увеличить производство продуктов легкой и пищевой промышленности не менее чем на 70 %»¹¹⁶.

В сфере сельскохозяйственного производства главной задачей оставалось «...повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, дальнейшее увеличение общественного поголовья скота при одновременном значительном росте его продуктивности, увеличение валовой и товарной продукции земледелия и животноводства путем дальнейшего укрепления и развития общественного хозяйства колхозов, улучшения работы совхозов и МТС на основе внедрения передовой техники и агрокультуры в сельском хозяйстве»¹¹⁷.

За пятилетие планировалось: валовой урожай зерна увеличить на 40–50 процентов, а поголовье крупного рогатого скота по всему сельскому хозяйству на 18–20 процентов соответственно; для обеспечения намеченного роста сельскохозяйственной продукции планировалось увеличение государственных капиталовложений в сельское хозяйство примерно в 2,1 раза, причем на ирригацию и мелиорацию в 4 раза по сравнению с четвертой пятилеткой¹¹⁸.

Что касается роста материального благосостояния и культурного уровня народа, то «на основе непрерывного роста социалистического производства и повышения производительности общественного труда намечалось увеличить национальный доход СССР за пятилетие не менее чем на 60 % и в связи с этим обеспечить дальнейший рост доходов рабочих и служащих и доходов крестьян»¹¹⁹. Директивами съезда было определено: снижение роз-

ничных цен на предметы массового потребления, всемерное расширение жилищного строительства, дальнейшее улучшение и развитие здравоохранения, образования, научно-исследовательской работы, а также развитие кино и телевидения, сети библиотек и т. д. Соответственно было предусмотрено и увеличение объема «...капитальных вложений на эти цели за пятилетие, примерно, на 50 % по сравнению с предыдущей пятилеткой»¹²⁰.

Подводя итог выполнения пятого пятилетнего плана, мы должны отметить новый мощный подъем промышленности и сельского хозяйства, рост материального благосостояния и культурного уровня народа. Так, например, рост валовой продукции всей промышленности в 1955 году (в процентном отношении к 1950-му) составил 185 процентов, в том числе: производство средств производства — 191 процент, а производство предметов потребления — 176 процентов¹²¹.

Валовой сбор всех зерновых культур по СССР составил 131 процент (по отношению к 1950 году). Возросло производство и основных продуктов животноводства¹²². На конец 1955 года неделимые фонды колхозов составили 87,6 млрд. рублей, в то время как в 1950 году — 50,6 млрд. Соответственно возросли и доходы колхозов — с 34,2 млрд. в 1950 году до 75,6 млрд. в 1955-м, то есть более чем в два раза¹²³.

Таким образом, задачи, поставленные И. В. Сталиным еще перед войной на XVIII съезде партии — за две-три пятилетки догнать и перегнать главные капиталистические страны не только по темпам роста промышленности, но и в целом в экономическом отношении, — на протяжении четвертой и пятой пятилеток успешно выполнялись. В 50-е годы СССР входил в число стран с наиболее высокими темпами экономического роста наряду с ФРГ, Японией, Францией и некоторыми другими, значительно опережая по этому показателю США и Великобританию.

Сравнительный анализ динамики экономического развития СССР и развитых капиталистических стран привел в своем выступлении на международной научно-практической конференции в Институте философии РАН (Москва, май 2003 года) доктор экономических наук Г. И. Ханин: так, динамика ВВП в СССР и в развитых капиталистических странах за период с 1950-го по 1955 год (в процентах к началу периода, принятому за 100 процентов) составляла: в СССР — 162 процента, в США — 124, в Великобритании — 115, во Франции — 124, в ФРГ — 154 и в Японии — 143 процента. Соответственно развитие промышленности составляло: в

СССР – 152 процента, в США – 124, в Великобритании – 120, во Франции – 132, в ФРГ – 182 и в Японии – 211 процентов¹²⁴.

О чем говорит данный сравнительный анализ? Только о том, что темпы роста промышленности в годы пятой пятилетки в СССР были намного выше, чем в США, Великобритании и Франции, лишь незначительно уступая темпам роста западногерманской и, верно, очень сильно еще японской промышленности.

Благодаря высоким темпам экономического развития произошло качественное улучшение уровня жизни населения: по доле расходов в ВВП на образование, здравоохранение и науку в 50-е годы СССР занимал одно из первых мест в мире. Высокие темпы роста советской экономики позволяли оснастить советские вооруженные силы самой современной военной техникой, включая атомное и водородное оружие и т. д.

Огромные экономические и социальные достижения в 50-е годы, то есть в период с 1951-го по 1960 год, по праву называют советским экономическим «чудом», так как к этому времени СССР в военном и экономическом отношении стал сверхдержавой, уступая только США, но далеко опережая все другие страны. В свою очередь не будет преувеличением, если мы скажем, что это было не просто советское, а сталинское экономическое «чудо», и это несмотря на то что 5 марта 1953 года И. В. Сталина не стало.

Предпосылки для крупных успехов советской экономики в 50-е годы были заложены И. В. Сталиным в предвоенные годы (1924–1941), в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) и в послевоенный период (1945 – март 1953-го). Напомним, что именно в период, как об этом нами было сказано выше, с 1928-го по 1941 год в исторически короткий срок произошли крупнейшие структурные сдвиги в экономике – страна из аграрной превратилась в мощную индустриальную державу. Это было поистине сталинское экономическое «чудо». Сталинское военное и экономическое «чудо» в годы Великой Отечественной войны нашло свое подтверждение в разгроме фашистской Германии и в спасении человечества от коричневой чумы. И послевоенные годы – это годы восстановления, а затем и динамичного развития народного хозяйства СССР.

Что собой представлял И. В. Сталин, который на протяжении почти тридцати лет руководил партией и страной? Наиболее объективной, правдивой и яркой является та оценка, которую дал И. В. Сталину его заклятый враг, ненавидящий Страну Советов с

первых дней ее основания, — Уинстон Черчилль. Выступая в палате общин, он сказал: «Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавлял гений и непоколебимый полководец И. В. Сталин.

Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и негибкой силы воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить...

В его произведениях звучала исполинская сила. Эта сила настолько велика в Сталине, что казался он неповторимым среди руководителей всех времен и народов... Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали. И, странное дело, — держали руки по швам.

Сталин обладал глубокой, лишенной всякой паники логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту путь выхода из самого безвыходного положения... Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставлял нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов...

...Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием»¹²⁵.

И это сказано человеком, который сразу же после окончания Второй мировой войны объявил так называемую холодную войну Советскому Союзу!

И еще предоставим слово, как об этом он сам говорил, убежденному антисталинисту с ранних лет, пересмотревшему свою позицию в последние годы жизни, — А. А. Зиновьеву, доктору философских наук, профессору МГУ. В своем выступлении на международной научно-практической конференции в Институте философии РАН (Москва, апрель 2002 г.) он дал, на наш взгляд, объективную характеристику сталинской эпохе. А. А. Зиновьев поднял вопросы коллективизации и индустриализации страны, организации советской власти, проведения экономической и культурной революции, а главное — показал, по его выражению, «триумф сталинизма» в годы Великой Отечественной войны. «Война 1941–1945 годов против гитлеровской Германии была величайшим испытанием для сталинизма и лично для самого Сталина. И надо признать, — говорил А. А. Зиновьев, — как бесспорный

факт, что они это испытание выдержали: величайшая в истории человечества война против сильнейшего и страшнейшего в военном и во всех прочих аспектах врага завершилась триумфальной победой нашей страны, причем – главными факторами победы явились, во-первых, коммунистический социальный строй, установившийся в нашей стране в результате Октябрьской революции 1917 года, и, во-вторых, сталинизм как строитель этого строя и лично Сталин как руководитель этого строительства и как организатор жизни страны в военные годы и главнокомандующий вооруженными силами страны»¹²⁶.

От себя добавим, что не только в военные годы, но и до войны, и после войны И. В. Сталин проявил себя и как руководитель строительства социализма в СССР, и как организатор жизни советского народа. И. В. Сталин был и теоретиком, и практиком социалистического строительства. Как теоретик он обосновал необходимость индустриализации страны, а также органически связанную с ней коллективизацию сельского хозяйства. Особенно важно подчеркнуть практическую сторону его деятельности. Преобразование всего народного хозяйства СССР в неданные сроки с необходимой силой подтвердили гениальность И. В. Сталина как теоретика и как практика строительства социализма в СССР.

И. В. Сталин никогда не был философом в строгом смысле слова, но им был написан раздел «О диалектическом и историческом материализме» для краткого курса Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)¹²⁷. Его каждый крупный практический шаг как руководителя и как организатора строительства социализма в СССР сверялся, как об этом пишет доктор философских наук, профессор Е. И. Суименко, с методами и принципами его философии – «философии сталинизма».

Философия сталинизма, по мнению Е. И. Суименко, это «*философия действия*, практического движения, импонирующая пассионарности всей первой половины XX века. Это совокупность методов и принципов марксистской диалектико-материалистической научной философии, своеобразно и удачно преломленной через специфику творческого действия революционных масс»¹²⁸. Е. И. Суименко на основе связи теории с практикой формулирует основные принципы философии сталинизма, а именно: принцип однозначности (единонаправленности) действия; принцип поляризационной редукции; принцип нахождения приоритетного действия («основного звена»); принцип

корректирования действия (принцип самоотрицания); принцип соединения противоположностей.

Что же дает овладение принципами философии сталинизма коммунистам, всем прогрессивным силам в наши дни? «И сегодня, — отвечает Е. И. Суименко, — акцентируя внимание на двух несомненно очевидных захватывающих моментах политической, государственно-организационной практики Сталина и сталинизма — на колоссальном взлете полуфеодальной Российской империи к высотам научно-технической цивилизации, беспрецедентной духовной культуры и на планово-прогнозной научной основе, на просчитанности этого взлета, — вопреки злопыхательству и наветам умных бездельников всех классовых мастей, мы должны, — пишет Е. И. Суименко, — вернуться к упущениям прошлого — к осмыслению, переосмыслению и систематизации идей, взглядов, исходных оснований и принципов деятельности Сталина, философии сталинизма»¹²⁹.

Что касается политико-экономической теории и практики сталинизма, то она, как мы уже знаем, достаточно полно раскрыта в докладах на съездах партии, в выступлениях на пленумах ЦК партии, но особого внимания заслуживает работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней он излагает свою точку зрения на экономические вопросы, а именно: о характере экономических законов при социализме, о товарном производстве, о законе стоимости, об уничтожении противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, об основном экономическом законе социализма и др.

Формулируя основной экономический закон социализма как «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»¹³⁰, И. В. Сталин тем самым ставит вопрос о достижении тождества между производством и потреблением по мере строительства социализма и перехода от социализма к коммунизму.

Для И. В. Сталина это был не столько теоретический, сколько практический вопрос в его деятельности. «Руководствуясь ленинскими заветами в социалистическом строительстве, великий вождь советского народа И. В. Сталин, — пишет А. Г. Арсенко в статье «Сталинский план решения продовольственной проблемы в СССР в действии», — понимал, что решение продовольственной проблемы в такой крайне отсталой стране, какой была цар-

ская Россия, возможно только на путях индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства»¹³¹. Автор прослеживает, как на этой экономической основе, от съезда к съезду, от пятилетки к пятилетке, решалась продовольственная проблема в СССР.

Напомним, что еще на XVII съезде партии И. В. Сталин говорил о том, что социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культуры, а на XVIII съезде он формулирует задачу догнать и перегнать главные капиталистические страны экономически с тем, чтобы страна была полностью насыщена предметами потребления и имела возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе. И такая возможность, связанная с «изобилием продуктов» в стране, реально появилась в 50-е годы.

По утверждению академика С. Г. Струмилина, «для нас несомненно, что в практике строительства коммунизма мы продвинулись уже довольно далеко. И ныне коммунизм — это уже не отдаленное будущее, а непосредственная цель практической деятельности советских людей»¹³². Что же явилось основанием для столь радикальных выводов? Его прогноз о том, что «крутой подъем сельского хозяйства в области сырьевых и продовольственных ресурсов СССР позволяет нам уже в ближайшие годы выйти по уровню потребления трудящихся масс на первое место в мире...»¹³³, а «...лет через 12 СССР сможет выйти на первое место в мире уже по всей индустриальной продукции из расчета на душу, ибо станет ясно, что тем самым мы, — пишет С. Г. Струмилин, — подойдем уже вплотную от *полного достатка* в области народного потребления к решению *проблемы изобилия* во всем ее объеме, какой станет возможным лишь в условиях завершения коммунизма»¹³⁴.

Надо отдать должное одному из талантливейших советских экономистов, который на основе сравнительного анализа между США и СССР по такому показателю, как физиологические нормы питания (в калориях на душу населения за год), пришел к заключению, что в вопросе удовлетворения повседневных потребностей человека в продуктах питания СССР уже в ближайшие годы не только догонит, но и значительно превзойдет США. И его расчеты у нас не вызывают сомнения. К этому Советский Союз шел долгим путем строительства социализма, находясь на сравнительно ранней стадии своего развития, но никак не на стадии уже перехода от социализма к коммунизму.

Нерешенными остались еще такие проблемы, как преодоление при социализме товарного производства и товарооборота. «В настоящее время, — писал И. В. Сталин, — у нас существуют две основные формы социалистического производства: государственная — общенародная и колхозная, которую нельзя назвать общенародной». И только «...когда вместо двух основных производственных секторов — государственного и колхозного — появится один всеобъемлющий производственный сектор с правом распоряжения всей потребительской продукцией страны, товарное обращение с его «денежным хозяйством» исчезнет как ненужный элемент народного хозяйства»¹³⁵. А «там, — продолжил И. В. Сталин, — где есть товары и товарное производство, не может не быть и закон стоимости»¹³⁶. И только «на второй фазе коммунистического общества количество труда, затраченного на производство продуктов, будет измеряться не окольным путем, не через посредство стоимости и ее форм, как это бывает при товарном производстве, а прямо и непосредственно — количеством времени, количеством часов, израсходованным на производство продуктов»¹³⁷. Это в полной мере касается и вопроса уничтожения противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

Только подъем производственных отношений социализма на высшую ступень обеспечит ликвидацию социального различия между городом и деревней и приведет к полному исчезновению товарного производства, в связи с чем потеряет силу и перестанет действовать закон стоимости. Немаловажное значение имеют также превращение труда в «первую жизненную потребность», всестороннее и гармоничное развитие личности, подъем культурно-технического уровня всех трудящихся и т. д. Только после выполнения этих предварительных условий, возможен, считал И. В. Сталин, переход от экономики социализма к другой, высшей экономике коммунизма.

Однако этих предварительных условий к концу 1950-х годов не было создано. Более того, «многие экономические проблемы и к концу 1950-х годов, — по утверждению Г. И. Ханина, — оставались достаточно острыми. Низким, по сравнению с западными странами, оставалось качество большинства видов продукции, особенно это касается потребительских товаров в части внешнего вида и технического совершенства. Производство многих потребительских товаров отставало от платежеспособного спроса, а часто они вообще не производились...

Целый ряд событий, — включает Г. И. Ханин, — в экономической и социальной жизни СССР в 1950-е годы подготовил замедление темпов экономического роста и снижение эффективности производства, которое началось в 1958–1960 годах и продолжалось практически непрерывно до начала 1980-х¹³⁸. Но это уже относится не к И. В. Сталину и сталинизму, а к тем недалеким и амбициозным преемникам, которые после смерти И. В. Сталина отбросили все научные достижения и практический опыт по превращению социалистической экономики в коммунистическую. Если в годы сталинизма и не были созданы все необходимые предпосылки для перехода от экономики социализма к экономике коммунизма, но все же в этом направлении делались определенные шаги, то в послесталинский период, и об этом будет сказано ниже, последующие руководители фактически отошли от марксизма, скатившись к соглашательству с капитализмом, к его экономическим теориям.

В отличие от конъюнктурщиков и перевертышей наших дней И. В. Сталин был убежденным марксистом, высокообразованным человеком, хотя формального образования (диплома) не имел. В руководстве страной И. В. Сталин полагался на свой природный ум, богатую интуицию. Он обладал редкой волей, упорно и неутомимо преодолевал трудности и сложности, которые возникали на пути строительства социализма в СССР. И. В. Сталин был талантливым организатором, умел сплотить людей, добиваясь, казалось бы, невозможного в достижении поставленной цели. Это была харизматическая личность¹³⁹. Перед страной, как мы видели, стояли неимоверно трудные задачи, и только исключительная одаренность И. В. Сталина, его компетентное, жесткое руководство соответствовали данной конкретно-исторической обстановке и психологической потребности масс. В сознании масс утвердился безоговорочный авторитет И. В. Сталина, вера в него. Не И. В. Сталин, а народ формировал его культ. Культ в прямом значении этого слова — это есть вера, в данном случае в руководителя партии и страны — И. В. Сталина. С именем И. В. Сталина народ терпел лишения во имя строительства социализма. Во время войны люди шли на смерть с возгласом «За Родину! За Сталина!». В послевоенные годы с энтузиазмом возрождали державу и добились выдающихся успехов — создав сверхдержаву.

И еще — как ответ тем, кто в действиях И. В. Сталина усматривает «сталинщину», а не «сталинизм», обратимся к Г. К. Крючко-

ву, который говорил о Сталине и сталинизме в связи с 50-летием со дня смерти И. В. Сталина. На вопрос «Какие личные качества Сталина сыграли решающую роль в его победе?» Г. К. Крючков отвечал: «Прежде всего, **непоколебимая верность ленинизму, преданность делу социалистического строительства.** Сталин постоянно подчеркивал, что он всего лишь ученик Ленина, и это работало на его авторитет...»

«Сталину, как никому другому, был присущ четкий, последовательный **классовый, политический подход.** Любое явление общественной жизни анализировалось им, исходя из интересов рабочего класса, задач революционного строительства нового общества, с учетом отношений между классами, расстановки и соотношения политических сил...»

«Сталина отличало... уникальное **классовое, политическое чутье,** позволяющее ему объективно и всесторонне оценивать любую ситуацию и прогнозировать ведущие тенденции общественного развития, верно формулировать и обосновывать как стратегические, так и очередные, тактические задачи...»

«Поражает сталинское **умение выдвинуть стреляющий девиз — боевой лозунг,** который поднимал миллионы людей на решение исторических задач революционного преобразования мира, на защиту родной страны...»

«Нельзя не сказать, — говорил Г. К. Крючков, — и о присущих Сталину **самобытном уме, разносторонней образованности, высокой эрудиции, стратегическом мышлении...**»

«Сталин был блестящим, **непревзойденным популяризатором ленинизма, публицистом высочайшего класса.**»

«Перечисленные качества сделали Сталина, если хотите, — заключает Г. К. Крючков, — **непревзойденным стратегом и тактиком борьбы за утверждение новой формации — социализма**»¹⁴⁰.

Триумф сталинизма — не столько в личности И. В. Сталина, сколько в том, что он жил и работал в соответствии с объективными законами развития общества, с одной стороны, а с другой — исходил из конкретно-исторических условий строительства социализма в СССР. Одной из основных опор И. В. Сталина и сталинизма была опора, как только что мы видели, на широкие народные массы. Народ, особенно участники материального производства — рабочие, крестьяне, сам не может определить и охарактеризовать возникшие проблемы и потребности, а тем более найти пути их решения. Это под силу авангарду трудящихся — партии коммунистов, вооруженной научной теорией преобра-

зования общества, а также выдающейся личности, какой в данном случае был И. В. Сталин. «Великий человек велик не тем, что его личные особенности придают индивидуальную физиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени... Великий человек является именно начинателем, потому что он видит *далее* других и хочет *сильнее* других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила. Но это — колоссальное значение, страшная сила»¹⁴¹.

Эти слова, сказанные Г. В. Плехановым о роли личности в истории, очень точно характеризуют и личность И. В. Сталина. Разве не И. В. Сталин, вслед за В. И. Лениным, был начинателем всемирно-исторических преобразований в СССР, соответствующих назревшим потребностям времени? И. В. Сталин с величайшей точностью, как мы видели, определял время и сроки осуществления жизненно важных проблем индустриализации и коллективизации страны, их содержание, методы и способ соединения этих процессов с культурной революцией. В годы войны И. В. Сталин проявил себя как выдающийся полководец и как организатор, который умел повести людей за собой и жестко с них спросить. Его сильной стороной было умение предвидеть, смотреть далеко вперед.

В своей деятельности И. В. Сталин опирался не только на широкие народные массы, но и на партию, которая, в соответствии с Конституцией СССР, являлась руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных. От съезда к съезду, от пленума к пленуму И. В. Сталин претворял в жизнь всемирно-исторические преобразования в стране и добивался выдающихся успехов. Вся жизнь И. В. Сталина — это жизнь неустанного новатора, творца, который предвидел назревающие события, прогнозировал их, находил способы разрешения возникающих проблем во всей их сложности и противоречивости. И. В. Сталин понимал, что для решения поставленных задач необходима система на-

родовластия, включающая как законодательную, так и исполнительную власть.

Советы были формой народовластия в стране. Само название Советов — Рабочих, Солдатских, Крестьянских депутатов — отражало мнение большинства населения страны. В Советах, где были представители из гущи народа, искали и находились решения, необходимые в данный момент. Как правило, в начале проводилась кропотливая работа по преодолению противоречий на предварительной стадии, состоявшая в убеждении народных представителей до голосования. В акте единого голосования все интересы, все нюансы приводились к общему знаменателю, консенсусу между партией, исполнительной и законодательной властью. Единодушная поддержка в конце каждого года и в начале каждой пятилетки планов развития страны означала поддержку этих решений всем советским народом.

В идеале советская власть предполагает верховенство представительных органов власти, то есть собственно Советов, выполнение ими не только законодательных, но и конкретных функций, проверки исполнения законов и деятельности исполнительных органов власти. К сожалению, «следует отметить, — пишет Ф. Н. Клоцвог, — что в Советском Союзе возможности советского государства как главного инструмента реализации подлинного народовластия были использованы далеко не полностью»¹⁴². Во многом, как мы знаем, это было обусловлено как внутренними, так и внешними факторами, связанными с необходимостью мобилизации всего ресурсного потенциала страны и требующими концентрации усилий прежде всего со стороны исполнительной власти. В силу этого фактически ведущая роль принадлежала исполнительным органам власти. Плохо это или хорошо? На этот вопрос нельзя ответить однозначно.

Дело в том, что в тех конкретно-исторических условиях, в условиях непрерывной угрозы военной агрессии против СССР, говорить о реализации принципа «самоуправления народа», то есть «управления народом посредством самого народа», было преждевременно. В. И. Ленин осознал это сразу после Октября 1917 года. И выступая на VIII съезде РКП(б), подчеркнул, что «...Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы»¹⁴³. Таким образом, не следует смешивать понятие «власть от имени народа», которым пользовались все прави-

тели во все времена и в наши дни после поражения Советского Союза, с понятием «власть в интересах народа», которая, как уже сказано, была провозглашена сразу же после Октября 1917 года, а также с понятием «власть самого народа». И. В. Сталин строго придерживался принципа «власть в интересах народа». Напомним, что «диктатура» и «демократия» — взаимообусловленные понятия. В. И. Ленин, как мы уже знаем, в работе «Государство и революция» подчеркивал, что только диктатура пролетариата в состоянии установить демократию, сделать благо демократии достоянием широких народных масс. Мы также знаем, что государство диктатуры пролетариата наследует, по терминологии К. Маркса, «буржуазное право» в сфере распределения продуктов потребления, а следовательно и «буржуазное государство, но без буржуазии», то есть государство с аппаратом управления, способного принуждать народ к соблюдению норм права.

На наш взгляд, государство выступает как машина подавления, как синоним авторитарной власти, а следовательно демократия носит ограниченный характер. На эту сторону или черту государства указывал в свое время и Ф. Энгельс в статье «Об авторитете», замечая, что государство, как и революция, «...есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна»¹⁴⁴. В этой связи государство из авторитарной формы правления имеет возможность перейти или в тоталитарную, или в демократическую форму правления. Все зависит от условий места и времени проявления политических процессов. В этой связи, с нашей точки зрения, не совсем корректным является разделение политических режимов на авторитарные, тоталитарные и демократические. Эта типология, принятая большинством социологов и политологов Запада, восходит к взглядам испанского политолога Хуана Линда, который предложил при определении типа политического режима исходить из дилеммы «демократия — антидемократия». К недемократическим режимам он относил авторитарные и тоталитарные. Мы же с вами знаем, что нет «чистой демократии». Она никогда не бывает полной: или только для богатых, или для подавляющей части населения. Полная демократия равняется, по терминологии В. И. Ленина, никакой демократии. Поэтому нами допускается, что в годы советской власти, в силу известных причин, имели место определенные черты тоталитаризма и ограничение демократии. Об этом свидетельствует тот факт, что в послевоенные годы, когда военно-политические задачи были решены, сам И. В. Сталин пришел к выводу о назревшем повороте от жесткого, сурово-

го режима к развертыванию социалистической демократии. А до этого опорой И. В. Сталина и сталинизма была мобилизационная, жестко централизованная модель реального социализма. И так, народ и власть — опора сталинизма в социально-политической сфере.

В сфере экономической опорой сталинизма, как об этом писал сам И. В. Сталин, являлась собственность государственная — общенародная и колхозная. Не этим ли объясняется тот факт, что категория «общенародная собственность» неправомерно отождествлялась в нашей прежней политэкономии с категорией «государственная собственность» — на том основании, что огосударствление собственности считалось высшей точкой процесса обобществления. К слову, такое отождествление ничего общего не имело со взглядами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, да и И. В. Сталина. «В условиях социалистического способа производства господствующей формой собственности становится не государственная, — как справедливо пишет Ф. Н. Клоцвог, — а именно общественная и, прежде всего, общенародная собственность»¹⁴⁵. И далее: «своеобразие социалистической общенародной собственности состоит в том, что функции владения, распоряжения и пользования рассредоточены по различным субъектам собственности. Владелец собственности — все общество, распорядитель — сформированное обществом и подконтрольное ему государство, а непосредственный пользователь отдельных комплексов общенародных средств производства (предприятий) — их трудовые коллективы»¹⁴⁶.

На наш взгляд, действительное присвоение средств производства начинается там и тогда, когда субъект труда (трудовой коллектив) становится в такое положение, при котором он является не только совладельцем, но и распорядителем на своем рабочем месте. Иными словами, следует проводить различие между суверенным распоряжением (собственником как таковым) и условным, когда, например, государство опосредованно оперирует имуществом собственника, обеспечивая ведение хозяйства по его поручению и усмотрению. Именно так понимал суть государственной собственности И. В. Сталин, когда писал: «В государственных предприятиях средства производства и продукция производства составляют всенародную собственность... Это обстоятельство ведет к тому, что государство может распоряжаться лишь продукцией государственных предприятий...»¹⁴⁷ И не вина И. В. Сталина, что в бывшем СССР и странах Восточ-

ной Европы имело место сведение общественной собственности к собственности государственной. Государство полностью брало на себя функции владения, распоряжения и использования собственности народа. «Государственная собственность, — писали мы, — в условиях социализма — собственность в известном смысле, так как государство, на наш взгляд, не может являться суверенным распорядителем (собственником как таковым), а может, в лучшем случае, выступать условным распорядителем, то есть от имени и по поручению собственника (народа). На практике же «государственная собственность» выступала в форме собственности государственного аппарата, причем содержание собственности определялось структурой власти. В таких условиях при формально-юридическом праве собственности на средства производства трудящихся последние фактически были отчуждены от нее. Соединение работника с отчужденными от него средствами производства принимало форму государственного найма, а сам работник становился наемным работником у государства»¹⁴⁸. Эти процессы давали о себе знать еще при жизни И. В. Сталина.

Собственность на орудие труда и средства производства, вместо того чтобы попасть в руки трудового коллектива, оказалась в распоряжении государственного аппарата. Это было результатом игнорирования такой категории, как «коллективная трудовая собственность» при социализме. «Речь идет, — писали мы, — не просто о «коллективной собственности», а о «коллективной трудовой собственности», обеспечивающей соединение субъекта труда (индивида) с орудиями труда, с одной стороны, и производимым продуктом — с другой»¹⁴⁹. Доктор философских наук, профессор Борис Владимирович Новиков, на наш взгляд, научно обоснованно вводит в оборот категорию «обобществленная форма собственности». Он пишет: «Сущность обобществления состоит в том, что это есть перманентный процесс осуществления диалектического противоречия: обобществления индивидуального (коллективного) и индивидуализация (коллективизация) общественного. Это есть процесс, позволяющий осуществить самовыявление и актуализацию всего творческого потенциала любого из субъектов собственности (один, много, все). В этом процессе обобществления личности, субъект трудовой деятельности воплощает собой (персонифицирует) универсальную силу истории развития сущностных сил человека (каждый, многие и все): как цель истории, как ее субъект. Только при этих условиях во всех без изъятия сферах

обобщественного производства (производство вещей, идей и людей) оно становится действительным, то есть таким, где обеспечено органическое совпадение сущности и существования; оно носит непосредственно-общественный характер»¹⁵⁰. В то время как «объявить, декларировать собственность на средства производства «общественной», следовательно – всеобщей, всехней, значит, – утверждает Б. В. Новиков, – по факту, реально, практически утвердить ее – НИЧЬЕЙ. А поскольку ничьей огромные массы накопленного труда предыдущих поколений, огромная собственность БЫТЬ НЕ МОЖЕТ, то происходит стремительная редукция собственности «общественной» к таковой ГОСУДАРСТВЕННОЙ. А государство – только в воспаленном мозгу.. может быть ОТОЖДЕСТВЛЕНО с обществом как таковым, с обществом в целом. Орган отождествляется (!) с организмом...»¹⁵¹

Имело ли место огосударствление собственности при И. В. Сталине и сталинизме? На этот вопрос Б. В. Новиков отвечает однозначно: да, было. Но чем это было обусловлено? Тем, что «советская система хозяйства сложилась в своих основных чертах в процессе индустриализации, войны и послевоенного восстановления (30–50-е гг.). Это – эпоха так называемого **МОБИЛИЗАЦИОННОГО СОЦИАЛИЗМА** (иначе ее называют сталинизмом)»¹⁵². Следовательно, опора И. В. Сталина на огосударвленную собственность в тех конкретно-исторических условиях была единственно верной.

Основными опорами сталинизма как «философии действия» и лично И. В. Сталина в его деятельности по строительству социализма в Советском Союзе были: социалистическая собственность в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативная в сфере экономической. В сфере социально-политической – опора на широкие народные массы, с одной стороны, а с другой – на институты власти (законодательную, исполнительную и судебную), а также на партию – ядро политической системы общества. В этом состояла положительная сторона сталинизма, обеспечивавшего поступательное развитие социалистического общества на протяжении 30–50-х годов.

Следует отметить, что мы не можем согласиться с подменной термина «сталинизм» термином «сталищина», которую предложили наши уважаемые товарищи – доктор экономических наук, профессор А. П. Гош и доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент НАНУ С. И. Дорогунцов. Если первый термин отражает советскую систему хозяйства, которая сложи-

лась в своих основных чертах в процессе, как мы видели, индустриализации страны, коллективизации сельского производства и проведения культурной революции в предвоенные, военные и в послевоенные годы, то второй термин исходит из того, что «...сталинщина причинила колоссальный вред строительству социализма»¹⁵³, а это, как видели выше, не соответствует действительности. Более того, как говорят, «льет воду на мельницу» контрреволюции, которая также обвиняет И. В. Сталина во всех тяжких грехах, в узурпации политической власти, в жестоких репрессиях и т. д. — одним словом, не «сталинизм», а «сталинщина». В этой связи вызывает недоумение формулируемое ими основное противоречие строительства советского социализма, а именно: «...антагонистическое противоречие между соцстроительством и командно-административной системой, между трудящимися и обуржуазивающейся частью управленческой номенклатуры страны, противоречие, которое, — как пишут А.П. Гош и С.И. Дорогунцов, — мы определили как основное противоречие строительства советского социализма»¹⁵⁴. Можно согласиться, что данное противоречие имело место в бывшем Советском Союзе, но было ли оно основным, а не производным?

Выделяя основное противоречие социализма, следует, на наш взгляд, исходить из того, что существует целостная и взаимосвязанная система противоречий в различных сферах жизнедеятельности общества. В данном случае, как видим, это лишь одна из сфер жизнедеятельности общества. Основное противоречие должно быть связано со всеми сферами и противоречиями и в обобщенном виде как бы инициировать их в себе¹⁵⁵.

Подводя итог деятельности И. В. Сталина по строительству социализма в СССР за период с 1924-го по 1953 год, мы должны признать, что это была поистине Героическая эпоха — эпоха создания первого в мире государства трудящихся, к концу 60-х годов значительно опередившего в экономическом отношении развитые капиталистические страны. Это ли не экономическое «чудо»? Но И. В. Сталин говорил, что нельзя останавливаться на достигнутом, а нужно идти дальше по пути строительства коммунизма. Он писал: «Для того, чтобы подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму, нужно осуществить по крайней мере три основных предварительных условия.

Необходимо, во-первых, прочно обеспечить не мифическую «рациональную организацию» производительных сил, а непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным

ростом производства средств производства. Преимущественный рост производства средств производства необходим не только потому, что оно должно обеспечить оборудованием как свои собственные предприятия, так и предприятия всех остальных отраслей народного хозяйства, но и потому, что без него вообще невозможно осуществить расширенное воспроизводство»¹⁵⁶. Иными словами, И. В. Сталин обратил внимание на то, что переход от социализма к коммунизму будет означать коренной переход от одной экономики — экономики социализма — к экономике коммунизма. Этот переход будет происходить в диалектическом единстве производительных сил и производственных отношений. Поэтому вторым условием перехода от социализма к коммунизму является подъем производственных отношений социализма на высшую ступень.

«Необходимо, — писал И. В. Сталин, — во-вторых, путем постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение — тоже путем постепенных переходов — заменить системой продуктообмена, чтобы центральная власть или другой какой-либо общественно-экономический центр мог охватить всю продукцию общественного производства в интересах общества»¹⁵⁷.

И. В. Сталин рассматривал колхозную собственность и товарное обращение как явления, которые тормозят развитие производительных сил, так как они создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства централизованным планированием и управлением. Он считал необходимым постепенное превращение товаров в продукты и постепенное введение вместо товарного обращения продуктообмена и продуктообеспечения. «Чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, — писал И. В. Сталин, отвечая товарищам А. В. Саниной и В. Г. Венжеру на вопрос о мерах повышения колхозной собственности до уровня общенародной собственности, — нужно исключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами»¹⁵⁸.

Нечто подобное происходило и с личной собственностью. Она также может способствовать сохранению и расширению товарно-денежных отношений в сфере потребления. Если общественная часть сферы потребления является экономической базой перехода от экономики социалистической к экономике

коммунистической, то личная собственность на продукты потребления является экономической основой возрождения экономики капиталистической. К этому следует добавить, что обобществление личного потребления также будет способствовать ликвидации социального различия между городом и деревней и приведет к полному исчезновению товарного производства и перестанет действовать закон стоимости.

В целях ликвидации социальных различий между умственным и физическим трудом «необходимо, в-третьих, — писал И. В. Сталин, — добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии».

«Что требуется для этого?» «Было бы неправильно, — отвечает И. В. Сталин, — думать, что можно добиться такого серьезного культурного роста членов общества без серьезных изменений в нынешнем положении труда. Для этого нужно прежде всего сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления.

Таковы основные условия подготовки перехода к коммунизму.

Только после выполнения **всех** этих предварительных условий, взятых вместе, можно будет надеяться, что труд будет превращен в глазах членов общества из обузы «в первую жизненную потребность» (Маркс), что «труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение» (Энгельс), что общественная собственность будет расцениваться всеми членами общества как незыблемая и неприкосновенная основа существования общества.

Только после выполнения **всех** этих предварительных условий, взятых вместе, можно будет перейти от социалистической формулы «от каждого по способностям, каждому по труду» к коммунистической формуле «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Это будет коренной переход от одной экономики, от экономики социализма — к другой, высшей экономике, к экономике коммунизма»¹⁵⁹.

Что касается основного противоречия при социализме, то оно, как и при капитализме, вытекает из основного экономического закона социализма, а им является максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей всего общества. Следовательно, и основное противоречие социализма — это противоречие между тенденцией к безграничному всестороннему развитию человека, общества, с одной стороны, и теми имеющимися материально-производственными условиями, через которые реализуется эта тенденция, — с другой. Есть ли при социализме противоречие между производительными силами и производственными отношениями? «Противоречия, безусловно, есть и будут, поскольку, — поясняет И. В. Сталин, — развитие производственных отношений отстает и будет отставать от развития производительных сил»¹⁶⁰. Следовательно, не является основным и «противоречие между соцстроительством и командно-административной системой», как это утверждают товарищи А. П. Гош и С. И. Дорогунцов.

Напомним, что еще в 1954 году Академией общественных наук при ЦК КПСС и Институтом философии АН СССР, о чем должно было быть известно нашим товарищам, была проведена дискуссия о противоречиях при социализме. Одна группа ученых отстаивала положение о том, что основное противоречие социализма — между производительными силами и производственными отношениями; другая придерживалась мнения, согласно которому основное противоречие социализма — между потребностями и производством, включая потребность в самом труде; некоторые ученые основным противоречием социализма считали противоречие между производством и потреблением.

На наш взгляд, все эти противоречия имеют место при социализме и образуют диалектические моменты единого общественного производства, где противоречие между производством и потреблением — *исходный момент*; противоречие между производством и потребностями — *составной элемент развития*; противоречие

между производительными силами и производственными отношениями — средство разрешения противоречия между производством и потребностями.

И. В. Сталин как теоретический практик и как практический теоретик являлся, пожалуй, единственным теоретиком и практиком, который в практической деятельности неуклонно следовал основному закону социализма, а именно, как отмечалось выше, им же сформулированному: «Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества», а следовательно и необходимости разрешения основного противоречия социализма — между тенденцией к безграничному всестороннему развитию человека и общества, заложенной в их внутренней сущности, и теми наличными материально-производственными условиями, через которые реализуется эта тенденция.

Решая задачи максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей человека и общества в ходе строительства социализма, объективно шел процесс и становления тождества противоположностей между производством и потреблением в зависимости от материально-производственных условий в тот или иной период времени. Напомним, что еще в предвоенные годы партия и правительство делали все возможное в этом направлении, развивая производительные силы страны — осуществляя индустриализацию и совершенствуя производственные отношения на базе коллективизации сельского хозяйства. Именно эти задачи были поставлены и решались на XIV и XV съездах партии. На XVI съезде, как мы знаем, была поставлена задача «догнать и перегнать капиталистические страны не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве», а это значит — значительно улучшить снабжение населения продовольствием, а легкую промышленность сырьем.

Вспомним и слова, сказанные И. В. Сталиным на XVII съезде партии о том, что социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни всех трудящихся. А на XVIII съезде партии, ставя задачу догнать и перегнать главные капиталистические страны и в экономическом отношении, И. В. Сталин прогнозировал, что наша страна будет полностью насыщена продуктами потребления. К этому СССР, как мы уже знаем, вплотную подошел не в предвоенный, а в послевоенный период — в 50-е годы.

Процесс сближения производства и потребления, а следовательно и разрешение противоречия между ними как исходного

момента разрешения противоречия между производительными силами и производственными отношениями происходил с большими трудностями. Это было связано с тем, что, как утверждает Г. И. Ханин, имело место «отсутствие прогресса в повышении эффективности производства в 1929 и 1930 гг. и резкое снижение ее в 1931–1932 гг.»¹⁶¹.

К чему это вело? К тому, что «в период резкого сокращения эффективности производства в первой пятилетке, — пишет Г. И. Ханин, — основным источником служила перекачка средств из фонда потребления в фонд накопления и из сельского хозяйства в промышленность. В результате резко снизился жизненный уровень населения»¹⁶². Это не значит, что партия отошла от курса на повышение жизненного уровня населения. С ростом эффективности производства в 1934–1936 годы стало возможным существенно сократить долю в фонд производственного накопления в национальном доходе и увеличить долю в фонд потребления, то есть на производство предметов потребления для населения.

Но, как мы знаем, одного желания недостаточно. Необходимы соответствующие условия, через которые реализуется основной закон социализма — удовлетворение материальных и культурных потребностей населения страны. К сожалению, необходимость увеличения военных расходов вынудила партию и правительство пойти если не на снижение, то на прекращение повышения жизненного уровня населения. И только после восстановления народного хозяйства в послевоенный период, то есть к концу 50-х годов, как уже отмечалось, было достигнуто сталинское экономическое «чудо» и страна стала приближаться к тому периоду, когда со всей определенностью можно было сказать, что социализм на стадии развития общества, которое отвечало бы на вопрос, поставленный еще В. И. Лениным: при каких условиях бывают тождественными противоположности, в данном случае противоположности между производством и потреблением.

К этой стадии, в свойственной И. В. Сталину манере, он шел, решительно, твердо, целенаправленно, последовательно претворяя в жизнь курс партии на создание условий реализации на практике основного закона социализма — повышения материального и культурного уровня населения, условий для всестороннего и гармонического развития личности. С уходом из жизни И. В. Сталина деятеля, чуждые его делу, начали свои разрушительные действия, и на смену Героической эпохе пришла эпоха «дикого капитализма» для стран бывшего Советского Союза и Восточной Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы//Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 354.

² Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции// – Т. 30. – С. 133.

³ Ленин В. И. Доклад о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г.// – Т. 36. – С. 335.

⁴ Ленин В. И. Речь на Торжественном заседании пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, МК РКП(б) и МГСПС, посвященном 3-й годовщине Октябрьской революции, 6 ноября 1920 г.//. – Т. 42. – С. 3.

⁵ Ленин В. И. О нашей революции. (По поводу записок Н. Суханова.)//. – Т. 45. – С. 380.

⁶ Там же. – С. 381.

⁷ Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше//Там же. – С. 401.

⁸ Там же. – С. 402.

⁹ См.: Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Глава V. Первые стадии капитализма в промышленности; Глава VI. Капиталистическая мануфактура и капиталистическая работа на дому; Глава VII. Развитие крупной машинной индустрии//Там же. – Т. 3.

¹⁰ Ленин В. И. Развитие капитализма в России//Там же. – С. 455.

¹¹ Там же. – С. 597–598.

¹² См.: Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Глава II. Разложение крестьянства; Глава III. Переход землевладельцев от барщинного хозяйства к капиталистическому; Глава IV. Рост торгового земледелия// – Т. 3.

¹³ Ленин В. И. Развитие капитализма в России//Там же. – С. 597.

¹⁴ Там же. – С. 598–599.

¹⁵ Ленин В. И. Как увеличить размеры душевого потребления в России?// Там же. – Т. 23. – С. 360.

¹⁶ См.: Рассел Б. Практика и теория большевизма. – М., 1991.

¹⁷ Там же. – С. 47.

¹⁸ Там же. – С. 59.

¹⁹ Ленин В. И. О голоде. (Письмо к питерским рабочим.)//– Т. 36. – С. 357.

²⁰ Рассел Б. Практика и теория большевизма.–М.,1991, с.60.

²¹ Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. (Размышляя о марксизме.) – М., 2005. – С. 88.

²² Подробно об этом нами сказано в брошюре «Кооперация и перестройка» (К., 1989) и в разделе II монографии «Новые аспекты общественной мысли: проблемы и анализ» (К., 1991).

²³ Ленин В. И. XI съезд РКП(б). 27 марта – 2 апреля 1922 г. 2. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б). 27 марта// – Т. 45. – С. 77.

²⁴ Там же. – С. 78.

²⁵ См.: Об отношении к кооперации. Резолюция IX съезда РКП(б). 1920 г.// Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том второй. 1917–1923. – М., 1970. – С. 169–171; О кооперации. Резолюция X съезда РКП(б). 1921 г.//Там же. – С. 258; О задачах партии в кооперации. Резолюция XII конференции РКП(б). 1922 г.//Там же. – С. 385–390.

²⁶ Панов В. И. Аграрная политика Советского государства: достижения и проблемы//Исторический опыт и уроки созидания, развития и разрушения СССР: Сб. статей. — Кострома, 2003. — С. 22.

²⁷ Ленин В. И. О кооперации//Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 374.

²⁸ Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г.// — Т. 37. — С. 356.

²⁹ Ленин В. И. VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6–9 ноября 1918 г. 1. Речь о годовщине революции 6 ноября//Там же. — С. 144.

³⁰ Термин «кооперация» употребляется, на наш взгляд, в трех значениях: «кооперация как форма совокупного труда», «кооперация как форма организации производства», «кооперация как форма (вид) общественно полезной деятельности». В первом случае речь идет о форме связи между индивидами, участвующими в одном или в разных, но связанных между собой процессах. Что касается «кооперации как формы организации производства», то здесь имеется в виду внешняя сторона формы совокупного труда. Если форма (кооперация) совокупного труда есть способ его существования, способ взаимосвязи людей по их участию в процессе производства, то организация труда представляет собой целесообразное упорядочение этих связей и отношений. В этом значении кооперация выступает как форма организации производства. Наконец, «кооперация как форма (вид) общественно полезной деятельности». В данном случае речь идет о деятельности работников в кооперативных предприятиях (организациях) в отличие от деятельности на государственных или иных предприятиях. Здесь кооперация рассматривается как особая, самостоятельная сфера общественно полезной деятельности/См.: Герасимов Е. Н. Кооперация и перестройка. — К., 1989.

³¹ Вестник Народного Комиссариата просвещения. — Минск, 1921. — № 1. — С. 42.

³² Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г.//Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 400.

³³ Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. (Размышляя о марксизме.) — М., 2005. — С. 100.

³⁴ Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б). 18 декабря 1925 г. — М., 1950. — С. 169.

³⁵ Там же. — С. 170.

³⁶ Там же. — С. 171.

³⁷ Там же. — С. 121.

³⁸ Там же. — С. 124.

³⁹ Четырнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 18–31 декабря 1925 г. Постановление съезда. По отчету Центрального Комитета//Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том третий. 1924–1927. — М., 1970. — С. 247.

⁴⁰ О работе комсомола. Введение//Там же. — С. 282.

⁴¹ Сталин И. В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г.//Сталин И. В. Соч. — Т. 11. — С. 247.

⁴² Там же. — С. 248.

⁴³ Там же. — С. 252.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. — С. 253.

⁴⁶ Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 16–24 ноября 1928 г. Резолюция пленума. О контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29год //Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том четвертый. 1927–1931. – М., 1970. – С. 123.

⁴⁷ Сталин И. В. Об основах ленинизма. V. Крестьянский вопрос. (Лекции, читанные в Свердловском университете в начале апреля 1924 г.)//Вопросы ленинизма. Изд. одиннадцатое. – М., 1947. – С. 43.

⁴⁸ Сталин И. В. К вопросам ленинизма. VII. Борьба за победу социалистического строительства//Там же. – С. 148, 149.

⁴⁹ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 2–19 декабря 1927 г. Постановление съезда. По отчету Центрального Комитета//Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том четвертый. 1927–1931. – М., 1970. – С. 17.

⁵⁰ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 2–19 декабря 1927 г. Резолюция съезда. О работе в деревне. IV. Очередные задачи партии//Там же. – С. 63.

⁵¹ Постановление ЦК ВКП(б). О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству. 5 января 1930 г.//Там же. – С. 383.

⁵² См.: Сталин И. В. На хлебном фронте. (Из беседы со студентами Института Красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г.)//Вопросы ленинизма. Изд. одиннадцатое. – М., 1927. – С. 183–193; Сталин И. В. Ленин и вопрос о союзе с середняком. (Ответ тов. С.)//Там же. – С. 194–202; Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б). (Из речи на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г.) III. Разногласия по линии внутренней политики//Там же. – С. 225–261; Сталин И. В. Год великого перелома. (К XII годовщине Октября)//Там же. – С. 264–274; Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР. (Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.)//Там же. – С. 275–294; Сталин И. В. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса//Там же. – С. 295–298; Сталин И. В. Головокружение от успехов. (К вопросам колхозного движения.)//Там же. – С. 299–304; Ответ товарищам колхозникам//Там же. – С. 315–321.

⁵³ Сталин И. В. Головокружение от успехов. (К вопросам колхозного движения.)//Там же. – С. 299.

⁵⁴ Постановление ЦК ВКП(б). О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении. 14 марта 1930 г.//Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том четвертый. 1927–1931. – М., 1970. – С. 396.

⁵⁵ Шестнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 26 июня – 13 июля 1930 г. Резолюция съезда. О выполнении пятилетнего плана промышленности//Там же. – С. 433–434.

⁵⁶ Там же. – С. 436–437.

⁵⁷ Шестнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 26 июня – 13 июля 1930 г. Резолюция съезда. О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства//Там же. – С. 448.

⁵⁸ Там же. – С. 453.

⁵⁹ Постановление ЦК ВКП(б). О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов. 2 августа 1931 г.//Там же. – С. 559.

⁶⁰ Постановление ЦК ВКП(б). О всеобщем обязательном начальном обучении. 25 июля 1930 г.//Там же. – С. 473.

⁶¹ Сталин И. В. О задачах хозяйственников. (Речь на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.)//Вопросы ленинизма. Изд. одиннадцатое. – М., 1947; Сталин И. В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. (Речь на

совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.)//Там же; Сталин И. В. О работе в деревне. (Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933г.)//Там же.

⁶² Сталин И. В. О задачах хозяйственников. (Речь на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.)//Там же. — С. 329.

⁶³ Там же. — С. 330.

⁶⁴ Сталин И. В. Речь на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников (19 февраля 1933 г.)//Там же. — С. 415.

⁶⁵ См.: Сталин И. В. Итоги первой пятилетки. (Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г.)//Там же. — С. 362–397.

⁶⁶ Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) (26 января 1934 г.)//Там же. — С. 438–439.

⁶⁷ Там же. — С. 473.

⁶⁸ См.: Семнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 26 января — 10 февраля 1934г. Резолюция съезда. О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.)//Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том пятый. 1931–1941. — М., 1970. — С. 129–150.

⁶⁹ Сталин И. В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии (4 мая 1935 г.)//Вопросы ленинизма. Изд. одиннадцатое. — М., 1947. — С. 491.

⁷⁰ Сталин И. В. Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев (17 ноября 1935 г.)//Там же. — С. 493.

⁷¹ Там же. — С. 496.

⁷² Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) (10 марта 1939 г.)//Там же. — С. 578–579.

⁷³ Там же. — С. 582.

⁷⁴ Там же. — С. 587.

⁷⁵ Там же. — С. 591.

⁷⁶ Восемнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 10–21 марта 1939 г. Резолюция съезда. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.)//Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том пятый. 1931–1941. — М., 1971. — С. 342.

⁷⁷ См.: Там же. — С. 348–349.

⁷⁸ Там же. — С. 349.

⁷⁹ Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) (10 марта 1939 г.)//Вопросы ленинизма. Изд. одиннадцатое. — М., 1947. — С. 573.

⁸⁰ Советско-германский договор о ненападении (23 августа 1939 г.) помог, с одной стороны, выиграть время для подготовки к войне, а с другой — сорвал все планы правящих кругов западных стран, направленные на то, чтобы разрешить за счет СССР внутренние противоречия империалистических держав. Значение договора заключалось и в том, что он не допустил начавшееся было объединение двух враждующих империалистических коалиций для совместного похода против СССР. Напротив, Вторая мировая война началась не с войны против СССР, а с войны фашистского блока (Германия, Италия, Япония и их союзники) против франко-английского союза, то есть против Англии, Франции и поддерживающих их США.

⁸¹ Выступления на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) (конец мая 1941 года)//Сталин И. В. Соч. Том 15. 1941–1945/Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. – М., 1997. – С. 23.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. – С. 24.

⁸⁴ Там же. – С. 26.

⁸⁵ Беседа с А. С. Яковлевым//Там же. – С. 14–15.

⁸⁶ Выступления на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) (конец мая 1941 года)//Там же. – С. 27–28.

⁸⁷ Там же. – С. 28.

⁸⁸ Сталин И. В. О задачах хозяйственников. (Речь на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.)//Вопросы ленинизма. Изд. одиннадцатое. – М., 1947. – С. 329.

⁸⁹ Об успехах социалистического строительства в СССР в предвоенные годы достаточно обстоятельно сказано в первом томе «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945»/См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Том первый. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. Часть первая. Глава вторая. Победа социализма в СССР и ее значение для укрепления обороны страны. 1. Успехи социалистического строительства в СССР. Часть третья. Глава девятая. Советский Союз накануне Великой Отечественной войны. 2. Военно-экономические возможности СССР. – М., 1960.

⁹⁰ Нами рассмотрена деятельность партии и правительства по развитию народного хозяйства СССР и укреплению обороны страны. А были ли ошибки и просчеты в их деятельности, связанные с развитием экономики, укреплением оборонной мощи Советского Союза? Были. О них говорил И. В. Сталин как при анализе развития индустриализации страны, так и при рассмотрении проблем коллективизации сельского хозяйства.

Были недостатки и упущения в развитии военной промышленности, в частности, как отмечалось нами, с ее переходом на производство новой техники. Выступая на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), И. В. Сталин говорил, исходя из реальных возможностей, что «надо подумать и подработать первоочередные конкретные предложения по устранению недостатков в подготовке страны к обороне и внести их в правительство для решения. Письменные предложения по этим вопросам представить мне через три дня»/См.: Выступления на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) (конец мая 1941 года)//Сталин И. В. Соч. Том 15. 1941–1945/Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. – М., 1997. – С. 37. (Однако, как видим, эти меры были приняты за месяц до начала войны с Германией.)

Ошибки были и в проведении кадровой политики, в том числе и в армии. О чем также говорил И. В. Сталин на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б). «В ходе своевременного и правильного очищения наших вооруженных сил от проникшей в них иностранной агентуры товарищ Ворошилов и его заместители по наркомату обороны явно перестарались. Доверившись «информации», которую получали от бывшего наркома НКВД Ежова, уволили из вооруженных сил около 40 тыс. опытных командиров якобы за политическую неблагонадежность»/См.: Там же. – С. 31.

«Однако чем бы ни оправдывали увольнение 40 тыс. командиров из вооруженных сил – это мероприятие не только чрезмерное, но и крайне вредное во всех отношениях. Центральный Комитет партии подправил товарища Ворошилова.

К январю 1938 года в армию и на флот возвращено 11 тыс. ранее уволенных опытных в военном деле командиров»/См.: Там же. — С. 32.

Были и репрессии. Об этом также говорил И. В. Сталин. Так, «в 1938 году, — отмечал он, — по статьям о контрреволюционных преступлениях органами НКВД было арестовано 52 372 человека. При рассмотрении их дел в судебных органах осужден был 2731 человек, из них расстреляно 89 человек и 49 641 человек оправдан. Такое большое количество оправдательных приговоров подтвердило, что бывший нарком НКВД Ежов арестовывал многих людей без достаточных к тому оснований. За спиной ЦК партии творил произвол, за что и был арестован 10 апреля 1939 года, а 4 апреля 1940 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР провокаторы Ежов и его заместитель по НКВД Фриновский расстреляны» (См.: Там же.).

Репрессии командиров были и в Красной Армии, и в Военно-Морском Флоте. В 1939—1941 годах часть репрессированных командиров была возвращена в войска. В годы войны они командовали частями и соединениями, в том числе армиями и фронтами. Среди них, например, были: Александр Горбатов, командовал крупными соединениями, ему было присвоено звание генерала армии; Константин Рокоссовский, командовал фронтами, маршал Советского Союза, 24 июня 1945 года командовал Парадом Победы на Красной площади, и многие другие командиры, внесшие свой вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков.

⁹¹ Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о создании Совета по эвакуации. 24 июня 1941 г./Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том шестой. 1941—1954. — М., 1971. — С. 13.

⁹² См.: Народное хозяйство СССР в 1984 г.: Стат. ежегодник. — М., 1985. — С. 39.

⁹³ Сталин И. В. Выступление по радио 3 июля 1941 года//Сталин И. В. Соч. Том 15. 1941—1945/Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. — М., 1997. — С. 59.

⁹⁴ Там же. — С. 59—60.

⁹⁵ См.: Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о создании Ставки Главного Командования Вооруженных Сил СССР. 23 июня 1941 г.; Постановление Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР об образовании Государственного Комитета Оборона. 30 июня 1941 г.; Постановление Государственного Комитета Оборона о Ставке Главного Командования. 10 июля 1941 г.; Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о Верховном Главнокомандующем. 8 августа 1941 г./Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том шестой. 1941—1954. — М., 1971. — С. 12, 20, 22, 25.

⁹⁶ См.: Решение Государственного Комитета Оборона о выработке военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны. 4 июля 1941 г./Там же. — С. 21.

⁹⁷ Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. 16 августа 1941 г./Там же. — С. 26—27.

⁹⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Том шестой. — М., 1965. — С. 45. (Здесь и далее фактический материал о развитии народного хозяйства СССР в годы войны будет дан по указанному источнику.)

⁹⁹ Сталин И. В. Доклад на Торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы. 6 ноября 1941 года//Сталин И. В. Соч. Том 15. 1941—1945/Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. — М., 1997. — С. 72.

¹⁰⁰ Там же. — С. 82–83.

¹⁰¹ Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы. 9 февраля 1946 года // Там же. Том 16. 1946–1952/Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. — М., 1997. — С. 14.

¹⁰² См.: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации. 21 августа 1943 года // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том шестой. 1941–1954. — М., 1971. — С. 65.

¹⁰³ Приказ Верховного Главнокомандующего 1 мая 1945 года № 20 // Сталин И. В. Соч. Том 15. 1941–1945/Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. — М., 1997. — С. 219–220.

¹⁰⁴ Постановление ЦК ВКП(б). Об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы. 27 марта 1946 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том шестой. 1941–1954. — М., 1971. — С. 149.

¹⁰⁵ Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года // Сталин И. В. Соч. Том 16. 1946–1952/Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. — М., 1997. — С. 15, 16.

¹⁰⁶ См.: Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах. 19 сентября 1946 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том шестой. 1941–1954. — М., 1971; Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). О Совете по делам колхозов. 8 октября 1946 г. // Там же; Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 21–26 февраля 1947 г. Постановление пленума. О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период // Там же; Постановление ЦК ВКП(б). Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле. 30 мая 1950 г. // Там же; Постановление ЦК ВКП(б). О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве. 19 июня 1950 г. // Там же; Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). О задачах партийных и советских организаций по дальнейшему укреплению состава председателей и других руководящих работников колхозов. 9 июля 1950 г.

¹⁰⁷ Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 21–26 февраля 1947 г. Постановление пленума. О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период // Там же. — С. 211.

¹⁰⁸ Там же. — С. 212.

¹⁰⁹ Там же. — С. 212, 213, 214.

¹¹⁰ Там же. — С. 215, 219, 228.

¹¹¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1956 году: Статист. ежегодник. — М., 1957. — С. 54.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. — С. 140.

¹¹⁴ Девятнадцатый съезд КПСС. Москва. 5–14 октября 1952 г. Резолюция съезда: Директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 годы // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том шестой. 1941–1954. — М., 1971. — С. 343.

¹¹⁵ Там же. — С. 343–344.

¹¹⁶ Там же. — С. 350.

¹¹⁷ Девятнадцатый съезд КПСС. Москва. 5–14 октября 1952 г. Резолюция съезда: Директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 годы// Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том шестой. 1941–1954. – М., 1971. – С. 352.

¹¹⁸ Там же. – С. 352, 353, 357.

¹¹⁹ Там же. – С. 360.

¹²⁰ Там же. – С. 363–364.

¹²¹ Народное хозяйство СССР в 1956 году: Стат. ежегодник. – М., 1957. – С. 54.

¹²² Народное хозяйство СССР в 1956 году: Статист. ежегодник. – М., 1957. – С. 107.

¹²³ Там же. – С. 140.

¹²⁴ Ханин Г. И. О триумфе советской экономики и причинах относительно замедления ее развития (годы пятидесятые)//Конец предыстории человечества: социализм как альтернатива капитализму: Материалы одноименной междунауч.-практич. конференции. Москва, Институт философии РАН, 27–29 мая 2003 г. – Омск, 2004. – С. 216.

¹²⁵ Цит. по: Полководцы. – М., 1995. – С. 60.

¹²⁶ Зиновьев А. А. Сталин. Сталинская эпоха. Сталинизм//Марксизм: прошлое, настоящее, будущее: Материалы междунауч.-практич. конференции «Марксизм, обществоведческая мысль современности и социалистические тенденции развития человечества в XXI веке». Москва, Институт философии РАН, 22–24 апреля 2002 г. – М., 2003. – С. 144.

¹²⁷ См.: История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Глава IV. Меньшевики и большевики в период стольпинской реакции. Оформление большевиков в самостоятельную марксистскую партию (1908–1912 годы). 2. О диалектическом и историческом материализме. – М., 1997. – С. 99–127.

¹²⁸ Суименко Е. И. Философия сталинизма//Марксизм и современность. – 2004. – № 3–4. – С. 4.

¹²⁹ Там же. – С. 4–5.

¹³⁰ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года. 7. Вопрос об основных экономических законах современного капитализма и социализма//Сталин И. В. Соч. Том 16. 1946–1952/Сост. и общ. ред. Р. Косолапова. – М., 1997. – С. 182.

¹³¹ Арсенко А. Г. Сталинский план решения продовольственной проблемы в СССР в действии//Марксизм и современность. – 2004. – № 3–4. – С. 11.

¹³² Струмилин С. Г. На путях построения коммунизма. – М., 1959. – С. 103.

¹³³ Струмилин С. Г. На путях построения коммунизма. – М., 1959. – С. 81.

¹³⁴ Там же. – С. 81–82.

¹³⁵ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года//Сталин И. В. Соч. Том 16. 1946–1952/Сост. и общ. ред. Р. Косолапова. – М., 1997. – С. 164.

¹³⁶ Там же. – С. 166.

¹³⁷ Там же. – С. 169.

¹³⁸ Ханин Г. И. О триумфе советской экономики и причинах относительно замедления ее развития (годы пятидесятые)//Конец предыстории человечества: социализм как альтернатива капитализму: Материалы одноименной междунауч.-практич. конференции. Москва, Институт философии РАН, 27–29 мая 2003 г. – Омск, 2004. – С. 47.

¹³⁹ Харизма (от греч. *harizma* – милость, благодать, божественный дар) – исключительная одаренность какого-либо лица.

¹⁴⁰ Крючков Г. К. Больных вопросов не обходить. О Сталине и сталинизме. К 50-летию со дня смерти И. В. Сталина. – К., 2003. – С. 80, 81, 82, 83.

¹⁴¹ Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории//Избранные философские произведения. – Т. 2. – М., 1956. – С. 333.

¹⁴² Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. (Размышляя о марксизме.) – М., 2005. – С. 43.

¹⁴³ Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) 18–23 марта 1919 г. 3. Доклад о партийной программе 19 марта//Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 170.

¹⁴⁴ Энгельс Ф. Об авторитете//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 18. – С. 305.

¹⁴⁵ Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. (Размышляя о марксизме.) – М., 2005. – С. 47–48.

¹⁴⁶ Там же. – С. 48.

¹⁴⁷ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года//Сталин И. В. Соч. Том 16. 1946–1952/Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. – М., 1997. – С. 164.

¹⁴⁸ Герасимов Е. Собственность в условиях перехода от капитализма к социализму//Комунист України. – 2002. – № 3. – С. 74–75.

¹⁴⁹ Герасимов Е. Коллективная собственность при капитализме и социализме//Там же. – 2004. – № 2. – С. 67.

¹⁵⁰ Новиков Б. В. Невежество как демоническая сила, или Кое-что о собственности частной, общественной и обобществленной//О гуманизме и антигуманизме. – К., 2001. – С. 109–110.

¹⁵¹ Новиков Б. В. Диалектика и метафизика собственности и власти в измерениях гуманизма и антигуманизма//Почему Россия? Сб. статей. – К., 2001. – С. 169.

¹⁵² Там же. – С. 161.

¹⁵³ Гош А., Дорогунцов С. О научной концепции советского социализма//Комунист України. – 2006. – № 3. – С. 18.

¹⁵⁴ Там же. – С. 16.

¹⁵⁵ См.: Герасимов Е. Н. Противоречие труда и перестройка. Глава 1. Противоречие между трудом и его общественной формой – исходное противоречие общественной жизни. Деп. 40715. УДК 331: 330. 001.73. – К., 1990. – С. 9–48.

¹⁵⁶ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Об ошибках товарища Ярошенко Л. Д.//Сталин И. В. Соч. Том 16. 1946–1952/Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. – М., 1997. – С. 202–203.

¹⁵⁷ Там же. – С. 203.

¹⁵⁸ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Ответ товарищам Саниной А. В. и Венжеру В. Г.//Там же. – С. 223.

¹⁵⁹ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Об ошибках товарища Ярошенко Л. Д.//Там же. – С. 204 – 205.

¹⁶⁰ Там же. – С. 203.

¹⁶¹ Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991. – С. 179.

¹⁶² Там же. – С. 183.

VII

Временное поражение строительства социализма в СССР и пути его возрождения

На современном этапе развития человеческого общества система капиталистических общественных отношений сыграла свою исторически противоречивую роль. Наблюдается углубление общего кризиса капитализма, нарастание классовой борьбы между трудом и капиталом, между глобальным капитализмом, странами так называемого «золотого миллиарда» и развивающимися странами — странами третьего мира. Мировой революционный процесс снова набирает силу. В мире складывается революционная ситуация в борьбе с силами международного империализма. Альтернативой международному глобальному капитализму является социализм как переходный этап на пути коммунистического преобразования общества. Переход к социализму все новых и новых народов — закономерный процесс, в том числе и для стран бывшего Советского Союза и Восточной Европы.

Социализм, как мы знаем, — это движение от низшей стадии развития человеческого общества к его высшей стадии, от капитализма к социализму, а затем и к коммунизму. Сохранение отсталых капиталистических общественных отношений включает в себе, как мы видели, разрушение тех условий жизнедеятельности, на которых покоится капитализм. И как это ни парадоксально звучит, но именно он (капитализм) переходит в свою противоположность — в социализм. Поэтому временное поражение терпит не социализм как поступательное движение в развитии человеческого общества, а поражение его в ходе строительства социализма в Советском Союзе и странах Восточной Европы, и как возможность может иметь место и в других странах, вступивших на путь социалистического развития. Это объясняется тем, что в мире идет борьба сил прогресса и регресса, революции и контрреволюции, социализма и капитализма. Проходит она в иных формах, но сохраняет свою агрессивную сущность. Таким образом, предстоят еще «долгие муки родов» при переходе от капитализма к социализму, обусловленные как успехами, так и поражениями в революционной борьбе за ликвидацию мировой системы эксплуатации. Временное поражение строительства социализма в Советском

Союзе и странах Восточной Европы есть результат воздействия не только внешнего фактора, но и внутреннего — как объективного, так и субъективного характера.

Решающую роль в контрреволюционном перевороте бесспорно сыграл субъективный фактор, но при благоприятных объективных условиях, сложившихся к тому времени в стране. Если говорить о субъективном факторе с методологической точки зрения, то следует напомнить, что до настоящего времени категории «прогресс» и «регресс» многими учеными-обществоведами, и не только ими, рассматриваются как самостоятельные противоположные сущности. «Прогресс» — движение вперед, а «регресс» — обратное движение. В то время, как мы уже знаем, прогресс и регресс находятся в диалектическом единстве. Без регресса нет прогресса. «Прогресс сам по себе, — заключает В. А. Босенко, — и в себе есть в то же время и регресс». Развитие человеческого общества «...может быть получено, — писал и Ф. Энгельс, — только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными»¹. К сожалению, не владея диалектикой прогресса и регресса, руководители партии и правительства в послесталинский период за прогрессом не видели регресса, а если и видели, то не принимали необходимых мер, обеспечивающих дальнейший прогресс в развитии общества. Если в предвоенный, военный и послевоенный — сталинский — период партия и правительство находили адекватные прогрессу пути строительства социализма, то этого не скажешь о руководителях партии и правительства 60—80-х годов.

О каких же факторах идет речь, которые вели к торможению, замедлению всей динамики в развитии общества, что и послужило основой контрреволюционного переворота в Советском Союзе и странах Восточной Европы?

В экономической сфере — это отношение к собственности на средства производства. «Первый акт, — пишет Ф. Энгельс, — в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятые во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства»². Речь, как видим, идет о переходе от низшей фазы коммунизма к его высшей фазе, где государство берет на себя функции не просто распоряжения средствами производства, но и владения ими, верно, еще от имени общества. В идеале положительное упразднение част-

ной собственности и утверждение общественной собственности ведет к становлению непосредственно общественного способа производства, непосредственно общественной формы труда, преодолению товарно-денежных отношений, становлению социальной однородности общества, отмиранию государства и введению самоуправления, формированию нового человека и т. д., то есть к утверждению коммунистических общественных отношений, о чем речь шла выше.

В реальной же действительности в Советском Союзе утвердилась не общественная собственность (свойственная высшей фазе коммунизма), а, по терминологии И. В. Сталина, «государственная – общенародная и колхозная». Причем последнюю, как он считал, «нельзя назвать общенародной» – она была колхозно-кооперативной собственностью. Государственная (общенародная) собственность тем и отличалась от общественной, что, как мы уже знаем, государство в лице государственного аппарата выполняло функцию не владения, а лишь распоряжения собственностью, то есть средствами производства, от имени и по поручению владельца собственностью – народа. Именно указанная форма собственности обеспечивала прогресс в сфере экономики и так называемое сталинское экономическое «чудо». Однако прогрессивный характер государственной (общенародной) собственности при ее сохранении и консервировании в неизменном виде способствовал развитию ее регрессивных сторон, а именно: узурпации права не только на распоряжение, но и на владение собственностью, если не юридически, то фактически. Государственный аппарат при социализме призван блюсти сохранение, по терминологии К. Маркса, «узкого горизонта буржуазного права», то есть юридически распоряжаться общенародной собственностью и принуждать к соблюдению норм права все остальные слои населения. На практике это вылилось в то, что чиновники государственного аппарата (как бы их ни наименовали: «бюрократия», «номенклатура» и т. д.) из прогрессивного сословия, когда их интересы объективно совпадали с интересами широких народных масс, получали от них широкую поддержку, становились регрессивной силой, так как личные интересы стали превалировать над общественными. Таким образом, государственная собственность (общенародная) фактически, еще раз подчеркнем – не юридически, становилась коллективной собственностью государственного аппарата, в определенной мере и партийного аппарата, а сами чиновники

представляли социальный слой — бюрократию. «Бюрократия, — писал К. Маркс, — имеет в своем обладании государство... это есть ее *частная собственность*»³.

Нами не поддерживается возведение чиновников государственного аппарата в ранг класса — класса «номенклатуры», как это делает М. С. Восленский в своей широко разрекламированной на Западе, а затем и взятой на вооружение силами контрреволюции в годы перестройки в Советском Союзе книге «Номенклатура»⁴. И что прискорбно, данную точку зрения если не по содержанию, то по форме разделяют и некоторые ученые социалистической ориентации. Нами же в свое время, и не без основания, утверждалось, что в политической сфере «присутствует особый тип отношений «власть — собственность», когда содержание собственности определяется структурой политической власти», а «в системе властных отношений особую роль играет чиновничье-бюрократический аппарат»⁵. Чиновничье-бюрократический аппарат никак не может быть классом, если исходить из определения понятия «класс», данного В. И. Лениным. Это скорее сословие.

О возрождении сословности в позднем советском обществе говорит и Сергей Георгиевич Кара-Мурза. Он пишет: «Стихия Советов была приведена в дееспособную систему благодаря двум гениальным открытиям. Первое из них — «партия нового типа», которая представляла собой постоянно действующий поместный собор и рыцарский орден одновременно. Второе — «номенклатура», учрежденная в 1923 г., которая соединяла в масштабе страны кадры управления в единую подчиненную центральной власти систему. Это были *сословия, нового типа* (курсив наш. — *Е. Г.*), но сословия»⁶.

О чем это говорит? Только о том, что эти сословия в годы сталинизма, как уже шла речь, были носителем прогресса, взяв на себя распоряжение общественной собственностью и обеспечив таким образом развитие невиданно быстрыми темпами всех отраслей народного хозяйства.

Невиданно быстрыми темпами развитие народного хозяйства страны осуществлялось и за счет централизованного планирования и управления. «...Социалистическое народное хозяйство, — писал И. В. Сталин, — можно вести лишь на основе экономического закона планомерного развития народного хозяйства. Это значит, что закон планомерного развития народного хозяйства дает **возможность** нашим планирующим органам правильно планировать общественное производство. Но

возможность нельзя смешивать с **действительностью**. Это — две разные вещи. Чтобы эту возможность превратить в действительность, нужно изучить этот экономический закон, нужно овладеть им, нужно научиться применять его с полным знанием дела, нужно составлять такие планы, которые полностью отражают требования этого закона. Нельзя сказать, что наши годовые и пятилетние планы полностью отражают требования этого экономического закона»⁷.

Замедление темпов роста производства и снижение его эффективности было прямым результатом безграмотного и безответственного планирования, некомпетентности тех, кто по долгу службы должен был бы овладеть экономическими законами и прежде всего законом планомерного развития народного хозяйства. В годы сталинских пятилеток никому и в голову не приходило говорить о неэффективности плановой экономики. «Советское государство, — пишет С. Г. Кара-Мурза, — обязано было иметь аппарат, способный хорошо или по меньшей мере приемлемо координировать усилия всех подсистем экономики и распределение ресурсов»⁸. О неэффективности плановой экономики заговорили тогда, когда система управления народным хозяйством стала пропускать, а регрессивные факторы стали брать верх над прогрессивными. К примеру, консервация форм и методов планового управления экономикой, весьма эффективных в условиях относительно простой структуры экономики и ограниченности квалифицированных кадров, стала тормозом экономического развития страны.

Все это свидетельствовало о том, что формы и методы планирования и управления экономикой, свойственные раннему социализму, исчерпали себя, возникла необходимость перехода к новым формам и методам. Нельзя сказать, что партийные и государственные руководители в то время не осознавали необходимость реформирования системы планирования и управления экономикой. В 1962 году была создана комиссия во главе с академиком В. М. Глушковым, которой было поручено разработать проект постановления Совета Министров о создании Общегосударственной автоматизированной системы управления (ОГАС). Суть идеи состояла в том, что в стране создается единая система планирования и управления на основе сети вычислительных центров. В 1963 году по данному вопросу было принято соответствующее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР⁹. На основе этого постановления была раз-

вернута соответствующая работа. «Задача построения общегосударственной автоматизированной системы управления экономикой, — писал В. М. Глушков, — была поставлена мне Первым заместителем Председателя Совета Министров (тогда А. Н. Косыгиным)... Когда я кратко обрисовал, что мы хотим сделать, то получил одобрение от А. Н. Косыгина, и вышло распоряжение Совета Министров СССР о создании специальной комиссии по подготовке материалов под моим председательством»¹⁰.

В условиях государственной — общенародной — собственности (в то время было принято употреблять термин «общественная собственность») на средства производства данный проект обеспечивал дальнейшее развитие плановой экономики. Он был рассчитан на три пятилетки, и на его осуществление требовалось до 20 миллиардов рублей. По причине своей дороговизны проект был приостановлен, но работа над ним продолжалась и после принятия решения о так называемой экономической реформе 1965 года. В статье «Невостребованная альтернатива рыночной реформе 1965 года» В. Д. Пихорович пишет: «По не до конца сегодня понятным причинам вместо этого было принято постановление, давшее начало пресловутой экономической реформе 1965 года, основной идеей которой было сделать рынок основным регулятором производства»¹¹. Это решение было принято с подачи мало кому известных тогда экономистов Либермана, Бирмана, Белкина и др., иммигрировавших позже в Израиль и США. Теперь становится понятным, что причиной тому было целенаправленное разрушение социалистической экономики в результате внедрения «гениальной» идеи — сделать прибыль главным критерием деятельности социалистических предприятий. В постановлении сентябрьского пленума ЦК КПСС 1965 года на этот счет сказано: «Признать целесообразным устранить излишнюю регламентацию деятельности предприятий, сократить число плановых показателей, утверждаемых предприятиям сверху, наделить их необходимыми средствами для развития и совершенствования производства, *улучшить использование таких важнейших экономических рычагов, как прибыль, цена, премия, кредит*»¹² (курсив наш. — *Е. Г.*).

О чем это говорит? Только о том, что руководство партии и правительства шаг за шагом, от хрущевской оттепели и горбачевской перестройки, шло к контрреволюционному перевороту в стране, в основе которого лежал переход к рыночным отношениям и свертыванию централизованного планирования и управления народным хозяйством. И что характерно — внедрение рыночных

отношений проводилось под демагогическим прикрытием совершенствования планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства.

План и рынок — несовместимые понятия. Рынок составляет основу капиталистических общественных отношений, а план — социалистических общественных отношений. Обратимся за разъяснением по данному вопросу к основоположникам научного коммунизма. Ф. Энгельс, например, считал, что «раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией»¹³. Товарное производство, достигнув своего апогея при капитализме, при переходе к социализму устраняет капиталистическое товарное производство, так как ликвидируется процесс превращения денег в капитал, а рабочей силы в товар.

Напомним, что в истории товарного производства следует различать простое товарное производство и капиталистическое. С устранением капиталистического товарного производства, в условиях перехода от капитализма к социализму, надо полагать, не сразу преодолеваются экономические законы, свойственные простому товарному производству. С ликвидацией капиталистического товарного производства при переходе к строительству социализма сохраняются товарно-денежные отношения, но под контролем и управлением со стороны социалистического государства. Если, по терминологии В. И. Ленина, социалистическое государство — это государство переходного типа (не государство в собственном смысле), то правомерно утверждать, что и товарное производство — это товарное производство переходного типа (не товарное производство в собственном смысле), которое функционирует в условиях централизованного планирования и управления народным хозяйством.

В условиях товарного производства при капитализме, как уже отмечалось, имеет место превращение денег в капитал, а рабочей силы в товар. Об этом свидетельствует открытый К. Марксом закон прибавочной стоимости. Напомним — суть его заключается в том, что в процессе обращения $D - T - D$, где $D = D + \Delta D$, то есть равно первоначально авансированной сумме плюс некоторое приращение, называемое К. Марксом прибавочной стоимостью. С уничтожением капитализма и переходом к социализму последний наследует если не содержание, то форму товарного производства и товарного обращения.

На ранней стадии строительства социализма, и не только в период НЭПа, сохраняется государственное регулирование производства, распределения и потребления произведенной продукции, сохраняются, по терминологии В. И. Ленина, «купля-продажа» и денежное обращение, то есть элементы, присущие рыночным отношениям. До революции 1905 года В. И. Ленин писал, что «социализм требует уничтожения власти денег, власти капитала, уничтожения всей частной собственности на средства производства, уничтожения товарного хозяйства»¹⁴, что соответствовало взглядам основоположников научного коммунизма. Однако в стране, не прошедшей капиталистической стадии развития, жизнь и практика строительства социализма вносят существенные коррективы, сохраняя и «власть денег», и «товарное хозяйство». В докладе на VII Московской губпартконференции (1921) В. И. Ленин говорил: «Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения»¹⁵. В. И. Ленин признает, что «вместо товарного обмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля» между промышленностью и земледелием, продукцией государственных предприятий и сельского хозяйства.

В работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» вопрос о товарном производстве при социализме стоит особо: «Спрашивается, почему не может товарное производство обслуживать также на известный период наше социалистическое общество, не приводя к капитализму, если иметь в виду, что товарное производство не имеет у нас такого неограниченного и всеобъемлющего распространения, как при капиталистических условиях, что оно у нас поставлено в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям, как общественная собственность на средства производства, ликвидация системы наемного труда, ликвидация системы эксплуатации?»¹⁶ На что сам же И. В. Сталин, учитывая, что в стране существуют две основные формы социалистического производства — государственная и колхозно-кооперативная, дает следующий ответ: «...Пока остаются два основных производственных сектора, товарное производство и товарное обращение должны остаться в силе как необходимый и весьма полезный элемент в системе нашего народного хозяйства»¹⁷. Но, обратим внимание, — «на известный период». Это касается и закона стоимости. «Стоимость, как и закон стоимости,

есть историческая категория, связанная с существованием товарного производства. С исчезновением товарного производства исчезнут и стоимость с ее формами, и закон стоимости»¹⁸. Это исчезновение есть результат ликвидации различия между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

Именно в этом направлении и должна была проводиться работа партии и правительства, не на словах, а в ходе строительства социализма, не свертывая, а развивая действие закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства, ведущего, по мере развития производительных сил и производственных отношений социализма, к преодолению элементов товарного производства. И как в таком случае следует понимать всех тех, чьи действия вели к прямо противоположному результату — к расширению рыночных отношений и фактически к ликвидации централизованного планирования и управления народным хозяйством? И кто бы мог подумать, что так называемые «застой» и «перестройка» могут закончиться временным поражением строительства социализма в СССР и странах Восточной Европы? Достаточно эмоциональный, но по существу верный ответ дал в своем выступлении на международной научной конференции в Киеве О. А. Белевский: «Мерзавцы оказались «своими», т. е. рабоче-крестьянского происхождения, т. к. других общественных классов в СССР просто не существовало»¹⁹. Мерзавцы по призванию, то есть те, кого нашли как своих союзников и единомышленников на Западе. «Мерзавцами» оказались и те, кто «клюнул» на миф о так называемом процветающем Западе. Из этих «мерзавцев», по терминологии Владимира Александровича Сапрыкина, доктора философских наук, профессора, и были сформированы «ударные отряды контрреволюции». В своем фундаментальном труде «Революция и контрреволюция: прометеи и плутократы» он насчитывает семь таких отрядов. «Первый отряд контрреволюции: журналисты, призванные с помощью информационной войны прорубить «просеки» как в теле политической системы, так и в особенности в общественном сознании для наступления сил классового противника». «Второй отряд контрреволюции: неформальные объединения интеллигенции». «Третий отряд контрреволюции: националистическая интеллигенция, активно включившаяся в процесс дискредитации КПСС и Советской власти». «Четвертый отряд контрреволюции: ученые-монетаристы, либералы, западники». «Пятый, давно испытанный, отряд контрреволюции: «диссиденты». «Шестой отряд контрреволюции: антисоветски настроенные церковники и

сектанты из числа самых различных конфессий». «Седьмой отряд контрреволюции: маргинальная прослойка рабочего класса в основном из сырьевых отраслей народного хозяйства»²⁰.

Что касается мерзавцев по призванию, если хотите, по убеждению, то «за спиной народа, — пишет Р. И. Косолапов, — *капиталисты-подпольщики и чиновники-взяточники* вступили в сговор против трудящихся, предварительно заручившись поддержкой западных спецслужб и американо-сионистских финансовых кругов. Под личиной «демократизации» они осуществили *перехват власти* и постарались превратить послеоктябрьские *социалистические* накопления людей труда — от общенародной собственности до личных сбережений — в первоначальное *капиталистическое* накопление номенклатурной, криминально-компрадорской буржуазии. В Советском Союзе — России одержала верх *буржуазно-бюрократическая контрреволюция*»²¹. Ну что тут скажешь? Одним словом — мерзавцы! Но мерзавцами не рождаются, а ими становятся, особенно в условиях деформации общества.

Контрреволюционный переворот датируется 1985 годом, и связан он с избранием (март 1985 года) Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева. С нашей точки зрения, мерзавца по убеждению, поскольку с самого начала так называемой «горбачевской перестройки», скрытой, замаскированной, предельно лживой, ставилась задача разрушения существующей социалистической системы хозяйствования и утверждения капиталистической. Свою диверсионную деятельность «перестройщики» начали под фальшивым флагом «концепции ускорения» и со лживого утверждения о так называемом «периоде застоя» — от середины 60-х до середины 80-х годов. При всех недостатках сложившейся хозяйственной практики советская плановая экономика полного застоя не знала. Были, как мы уже знаем, проблемы, связанные с необходимостью совершенствования форм и методов планирования и управления экономикой, имело место замедление темпов экономического роста, но не было застоя. «За четверть века с 1960 по 1985 год, то есть до начала так называемой «перестройки», — пишет Ф. Н. Клоцвог, — национальный доход СССР возрос в 3,9 раза, промышленная продукция — в 4,9 раза, продукция сельского хозяйства — в 1,7 раза, производственные основные фонды — в 6,9 раза. Более чем в 3 раза увеличилась производительность общественного труда. На этой основе качественно изменился уровень и образ жизни людей. Реальные доходы в расчете на душу населения выросли в

2,6 раза, среднемесячная заработная плата рабочих и служащих — в 2,4 раза, оплата труда в общественном секторе колхозов — в 5,4 раза. Выплаты и льготы населению из общественных фондов потребления возросли также в 5,4 раза»²².

С. Г. Кара-Мурза приводит в виде таблицы показатели развития советского хозяйства за период с 1980-го по 1990 год, то есть в период начавшегося, но еще скрытого контрреволюционного переворота в Советском Союзе.

**Основные социально-экономические показатели
за 1980–1990 гг.**²³

	1980	1985	1986	1987	1988	1990
Валовой национальный продукт (в фактически действовавших ценах), млрд руб.	619	777	799	825	875	943
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд руб.	1150	1569	1651	1731	1809	1902
Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд руб.	679	811	846	879	913	928
Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд руб.	188	209	220	219	222	225

«Иными словами, — заключает С. Г. Кара-Мурза, — самые главные объективные показатели никакой катастрофы не предвещали, и формирование ее образа в массовом сознании было типичной манипуляцией»²⁴.

Или еще: чем можно оценить ту эйфорию, которая имела место в послесталинский период, как не крупнейшими экономическими успехами, на основе которых родились «знаменитые» пла-

ны перехода в ближайшие двадцать лет к коммунизму, нашедшие отражение в принятой в 1961 году Программе КПСС? В ней было записано: «Главная экономическая задача партии и советского народа состоит в том, чтобы в течение двух десятилетий создать *материально-техническую базу коммунизма*. Это означает полную электрификацию страны и совершенствование на этой основе техники, технологии и организации общественного производства во всех отраслях народного хозяйства; комплексную механизацию производственных процессов, все более полную их автоматизацию; широкое применение химии в народном хозяйстве; всемерное развитие новых экономически эффективных отраслей производства, новых видов энергии и материалов; всестороннее и рациональное использование природных, материальных и трудовых ресурсов; органическое соединение науки с производством и быстрые темпы научно-технического прогресса; высокий культурно-технический уровень трудящихся; значительное превосходство над наиболее развитыми капиталистическими странами по производительности труда, что составляет важнейшее условие победы коммунистического строя»²⁵. Что можно сказать по данному поводу? Только одно: все эти задачи, поставленные партией перед советским народом, вполне реальны, но в плане дальнейшего строительства социализма, но не коммунизма.

Советский Союз вплоть до его разрушения в 1991 году не вышел за исторические рамки *раннего социализма*, то есть не завершил решение задач строительства социализма. Мягко говоря, некорректным было заявление Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС (1959) о полной и окончательной победе социализма в СССР и о наличии уже гарантий от реставрации капитализма извне, тем более изнутри. В постановлении по докладу Н. С. Хрущева сказано: «В определении задач коммунистического строительства на современном этапе XXI съезд КПСС исходит из того, что Советский Союз вступил в новую полосу исторического развития. Социализм одержал в нашей стране полную и окончательную победу». И далее: «В мире нет таких сил, которые смогли бы восстановить капитализм в нашей стране»²⁶.

Решениям как XXI, так и XXII съездов КПСС не откажешь в оптимизме в деле строительства коммунизма, когда утверждалось, что уже «в *ближайшее десятилетие* (1961–1970) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма – США...»²⁷ Этот вывод, как мы уже

знаем, базировался на сравнительном анализе США и СССР по производству продукции на душу населения, проведенном академиком С. Г. Струмилиным в его работе «На путях построения коммунизма» (1959). А «в итоге второго десятилетия (1971–1980) будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения»²⁸.

Но все это в теории, в решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. А как обстояли дела на практике во времена руководства Н. С. Хрущева? Деятельность Н. С. Хрущева начиналась с «десталинизации», то есть с радикального разрыва с прошлым. На закрытом заседании XX съезда КПСС им был сделан доклад «О культе личности и его последствиях»²⁹. Анализ этого доклада убеждает, что в нем представлена искаженная картина деятельности партии и лично И. В. Сталина. Как пишут по данному поводу Б. Соловьев и В. Суходеев, «хотел того Хрущев или нет, доклад обернулся дискредитацией партии, социализма, марксистско-ленинского учения»³⁰, что и было взято на вооружение идеологами антикоммунизма и движущими силами контрреволюционного переворота. Отношение Н. С. Хрущева к И. В. Сталину понятно, ибо таким путем он думал самоутвердиться, закрепиться у руководящего руля. Но непонятно молчание членов Президиума ЦК, членов ЦК и ученых-обществоведов. Более того, буквально через несколько месяцев ЦК КПСС принимает постановление «О преодолении культа личности и его последствий». В нем, в частности, говорится: «Ленинское ядро Центрального Комитета сразу же после смерти Сталина стало на путь решительной борьбы с культом личности и его тяжелыми последствиями»³¹.

К чему же сводятся, по мнению Н. С. Хрущева, так называемые «тяжелые последствия» культа личности И. В. Сталина? Оказывается, «большой вред делу социалистического строительства, развитию демократии внутри партии и государства нанесла ошибочная формула Сталина о том, что по мере продвижения Советского Союза к социализму классовая борьба будет все более и более обостряться»³². Насколько «ошибочной формулой» было это утверждение И. В. Сталина об обострении классовой борьбы? Наш народ, я думаю должен убедиться, что именно в классовой борьбе с силами внешней и внутренней контрреволюции он и потерпел временное поражение. Верхом цинизма являются слова постановления о том, что последствием культа личности были ошибки в руководстве различными отраслями деятельно-

сти партии и советского государства. Что это за ошибки? «Можно, в частности, указать, — говорится в постановлении, — на серьезные ошибки, допущенные Сталиным в руководстве сельским хозяйством, в организации подготовки страны к отпору фашистским захватчикам...»³³ Но ведь мы уже говорили о деятельности И. В. Сталина в области подъема сельскохозяйственного производства в предвоенные и особенно в послевоенные годы, о его вкладе в разгром немецко-фашистских захватчиков. Исходя из этого можно сказать только одно: из уст Хрущева в его докладе лилась сплошная клевета, а ему вторило его ближайшее окружение в лице ЦК КПСС. Верно, за допущенные Н. С. Хрущевым ошибки он тем же ЦК в октябре 1964 года был освобожден от должности Первого секретаря ЦК КПСС³⁴.

Реформы Н. С. Хрущева, направленные, казалось бы, на реформирование сложившейся в стране общественной системы, на практике вели к ее демонтажу. В чем причина? В том, что многие «...решения принимались неграмотно, опираясь не столько на глубокое знание и понимание проблемы, сколько, — как метко подметил Феликс Наумович Клоцвог, — на интуицию и природный мужицкий ум Н. С. Хрущева»³⁵. Это прежде всего коснулось государственного устройства. Так называемые «реформы» в этой области вели к децентрализации и разделению всей системы управления. Была упразднена и заменена на территориальную отраслевая система управления. К чему это привело? К тому, что отмечалось некоторое оживление производства, вызванное децентрализацией и всплеском местной инициативы, но оно имело и обратную сторону — советская система была лишена важнейшего преимущества: способности государства концентрировать средства на важнейших направлениях развития народного хозяйства страны. И как мы уже знаем, так называемая косыгинская реформа 1965 года лишь обострила разнонаправленность интересов предприятий и общества в целом; расширила сферу действия товарно-денежных отношений, создав условия для перехода к рынку вместо поиска путей совершенствования социалистического планирования и управления народным хозяйством.

Таким образом, шлюзы для капитализации и изменения социально-экономической направленности развития общества были приоткрыты реформами в середине 1960-х годов. Со сменой руководства в 1964 году (снятие с должности Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева) наступил длительный (20 лет) период эволюционного развития народного хозяйства СССР, который

впоследствии назовут периодом застоя. Как было показано выше на конкретных фактах развития народного хозяйства СССР за эти 20 лет, никакого застоя не было. А что же было? Было обострение противоречия между производством и потреблением, между производительными силами и производственными отношениями.

Если в годы сталинизма делалось все возможное для достижения сближения между производством и потреблением, а в перспективе и тождества между ними, то этого не скажешь о послесталинском — хрущевско-брежневском периоде. Наступила эпоха обострения противоречия между производством и потреблением, между производительными силами и производственными отношениями.

Прежде чем перейти к рассмотрению, в чем это конкретно нашло свое отражение, следует, на наш взгляд, хотя бы кратко остановиться на методологическом значении принципа тождества противоположностей в познании и преобразовании общества. При формулировании принципа тождества противоположностей нами за основу был взят способ материального производства как совокупность производительных сил и производственных отношений, определяющих способ производства всей общественной жизни, а в нем категории «производство», «распределение», «обмен» и «потребление». В «Экономических рукописях 1857—1858 годов» К. Маркс рассматривает диалектическое взаимодействие и взаимообусловленность между производством и потреблением, производством и распределением, производством и обменом (обращением) ³⁶. При этом категория «производство» является определяющей в системе взаимодействующих в ней, по терминологии К. Маркса, моментов: распределения, обмена и потребления. В процессе производства большое значение, отмечал К. Маркс, имеет и категория «потребление», так как она создает потребность в производстве необходимых продуктов. Между производством и потреблением сопутствующими категориями выступают: «распределение» и «обмен», «потребности» и «интересы». Потребность в том или ином предмете реализуется в акте распределения, которое становится между производством и потреблением. Связующим звеном, или «моментом», между производством и потреблением выступает и обмен. Он находится между производством и распределением, с одной стороны, а также между производством и потреблением — с другой. На определенной ступени развития общества между производством и потреблением воз-

никает конфликт (противоречие перерастает в конфликт) и потребуется его разрешение.

Что касается применения принципа тождества противоположностей на практике, то следует иметь в виду, что в результате взаимодействия категорий «производство», «распределение», «обмен» и «потребление» мы получим следующее: потребление есть производство через распределение и обмен, а распределение и обмен, как связующие моменты, есть производство через потребление. В свою очередь распределение и обмен есть потребление через производство. Что это нам дает? Только то, что при анализе противоречия между производством и потреблением необходимо учитывать как позитивные, так и негативные стороны этого взаимодействия. К примеру, если рост темпов производства, а следовательно, и увеличение продукции, поступающей в сферу распределения и обмена, снимает противоречие между производством и потреблением, то спад темпов производства, напротив, ведет к уменьшению выпуска необходимой продукции, к ее дефициту, к обострению противоречия между производством и распределением (обменом), между производством и потреблением.

Если рост доходов населения непосредственно связан с ростом потребления, а потребление в свою очередь стимулирует производство, то снижение доходов населения по тем или иным причинам неизбежно приведет к снижению потребления и соответственно производства. И еще: если органы, работающие в сфере распределения и обмена, трудятся эффективно, то они тем самым стимулируют производство и обеспечивают сферу потребления необходимыми продуктами, а если нет, то и эффект будет прямо противоположный.

Остановимся на этих проблемах несколько подробнее. Прежде всего — в отношении темпов роста производства. В годы строительства социализма в СССР — в так называемые годы сталинизма — наблюдалось если не достижение тождества между производством и потреблением, то их максимальное сближение в результате неуклонного роста производства и на этой основе насыщение страны продуктами потребления. И к середине 50-х годов мы были близки к достижению этой цели.

В послесталинский период также от съезда к съезду, от пятилетки к пятилетке директивами пятилетних планов развития народного хозяйства СССР предусматривалось повышение материального и культурного уровня жизни народа, включая рост национального дохода, доходов рабочих, служащих и крестьян,

увеличение потребления на душу населения продовольственных и промышленных товаров и т. д. На XXII съезде КПСС по данному вопросу было сказано: «Обеспечить на основе дальнейшего роста промышленного и сельскохозяйственного производства неуклонное повышение *жизненного уровня народа*»³⁷. И так вплоть до XXVII съезда партии³⁸. XXII съезд КПСС состоялся в октябре 1961 года и с этого года, вплоть до 1985 года, наблюдалось снижение темпов экономического развития страны, как следствие — обострилось противоречие между производством и потреблением.

«В последние годы, — отмечается в постановлении XXIII съезда партии, — несколько замедлились темпы роста производства и производительности труда. Понижилась эффективность использования производственных фондов и капитальных вложений. В ряде отраслей не были своевременно введены в строй новые предприятия, а многие из построенных не достигли проектной мощности. В результате темпы роста национального дохода оказались меньшими, чем это было предусмотрено семилетним планом»³⁹. Падение роста национального дохода, а с ним и доходов на душу населения, неизбежно влечет за собой сбой в сфере потребления. В работе Ф. Н. Клоцвога «Социализм: теория, опыт, перспективы» показана динамика основных экономических показателей в последние шесть пятилеток: начиная с девятой и заканчивая двенадцатой мы наблюдаем падение производства промышленной продукции, национального дохода, реальных доходов на душу населения. В таблице показаны среднегодовые темпы прироста основных показателей экономики СССР в процентах⁴⁰.

Показатели	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1986–1990
Национальный доход	6,5	7,8	5,7	4,3	3,6	1,3
Продукция промышленности	8,7	8,5	7,4	4,4	3,7	2,5
Производительность общественного труда	6,1	6,8	4,5	3,3	3,1	1,5
Реальные доходы на душу населения	3,6	5,9	4,4	3,4	2,1	2,7

Нельзя сказать, что в то время руководство страны не видело причин спада темпов роста производства, национального дохода. Причинами этих отрицательных фактов явились недостатки в *управлении народным хозяйством* (курсив наш. — *Е. Г.*), недооценка экономических методов руководства, хозяйственного расчета,

неполное использование материальных и моральных стимулов, некоторые просчеты в планировании, субъективистский подход к решению ряда экономических проблем»⁴¹. Видя недостатки в управлении народным хозяйством, руководство партии и правительства вернулось к идее создания Общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством (ОГАС). После XXIII съезда партии прошло более пяти лет, и в преддверии XXIV съезда партии, в 1970 году, принимается специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров «О мерах по совершенствованию управления в народном хозяйстве на основе широкого использования средств вычислительной техники». В постановлении сказано: «Признать необходимым создать Общегосударственную автоматизированную систему сбора и обработки информации для учета, планирования и управления в народном хозяйстве на базе Государственной сети вычислительных центров и Единой автоматизированной сети связи страны»⁴². Исполнение указанного постановления было возложено на Государственный Комитет Совета Министров по науке и технике. На эти цели в 1971–1975 годах были предусмотрены необходимые капитальные вложения. Поэтому вполне резонно, что и в решениях XXIV съезда партии было записано: «Развернуть работы по созданию и внедрению автоматизированных систем планирования и управления отраслями, территориальными организациями, объединениями, предприятиями, имея в виду создать общегосударственную автоматизированную систему сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством на базе государственной сети вычислительных центров и единой автоматизированной сети связи страны»⁴³.

Однако в чем же причина того, что принятые решения партии и правительства по созданию в стране Общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством не были реализованы на практике? О внешнем факторе пишет В. М. Глушков: «Заволновались американцы. Потому что они не на войну делают ставку — это только прикрытие, они гонкой вооружения стремятся задавить нашу экономику, и без того слабую»⁴⁴. В это время президентом США Р. Рейганом вместе с особо доверенными советниками разрабатывается конкретный план развала социалистического лагеря, ослабления экономической мощи и влияния СССР в мире. И надо признать, что часть национального дохода, направляемая на оборонные нужды, росла почти вдвое быстрее остальной части национального дохода. Неоптимальный

уровень военных расходов негативно сказывался на развитии производства продуктов питания и товаров народного потребления.

Что касается внутреннего фактора, то следует иметь в виду, что к тому времени в верхах появились силы, которые выступали против самой идеи создания ОГАС, не говоря уже о ее реализации на практике. На практике имело место усиление рыночных отношений, ведущее к тому, что целью производства становилось не столько производство потребительной стоимости для удовлетворения потребностей народа и общества в целом, сколько увеличение объема производства в рублях (чем дороже выпускаемая продукция, тем успешнее выполняется план по валу). «По валу пятилетние и годовые планы выполнялись и перевыполнялись, — пишет Д. В. Валовой, — а по выпуску реальной продукции срывались. Поэтому с каждым годом на рубль приходилось все меньше и меньше предметов потребления в натурально-вещественном выражении. Важнейших видов продуктов питания и промтоваров первой необходимости в 1985 году производилось на рубль национального дохода в два раза меньше, чем в 1965 году, и в 4-5 раз меньше по сравнению с 1950 годом»⁴⁵. Апогей противоречия (конфликта) между производством и потреблением достиг критической отметки. Сокращение продуктов питания и промтоваров фактически привело к краху потребительского рынка. Тогда образно говорили: «Товары сдуло с полки».

К тому времени набрали силу организованная преступность, теневая экономика⁴⁶, контрреволюционные элементы. Что же собой представляли эти контрреволюционные элементы? На наш взгляд, достаточно обстоятельный ответ на данный вопрос дает в своей книге «Революция и контрреволюция: прометеи и плутократы» В. А. Сапрыкин. **«В середине 80-х годов, — пишет он, — происходит, казалось бы, совершенно невероятное: с избранием Горбачева на высший пост в партии именно ЦК КПСС превратился в «штаб контрреволюции».** Генсек-предатель начинает собирать вокруг себя таких же коммуно-перерожденцев: Яковлева, Шеварднадзе, Медведева, своих помощников, постепенно расширяя и расширяя этот круг сверху донизу. Их главным идейным оружием стал тотальный оппортунизм правого толка, накрывший все обществоведение, научное и обыденное сознание. «Верхушечная» контрреволюция, точнее ее заключительный этап начался»⁴⁷. Мы же дополним: завершился он в 1991 году подписанием в местечке Беловежская пуца под Минском (8 декабря 1991 года) Б. Ельциным, Л. Кравчуком и С. Шушкевичем соглашения о ликвидации

СССР. В их заявлении сказано, что СССР «как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Участники сговора переступили через результаты референдума, проходившего весной 1991 года, в котором 76,4 % участвующих в голосовании высказались за сохранение СССР. Однако на политический процесс это никакого влияния не оказало. Вернувшись из Беловежской пуши, Б. Ельцин, Л. Кравчук и С. Шушкевич провозгласили независимость своих республик, которую Верховные Советы узаконили.

М. Горбачев сложил полномочия первого и последнего президента СССР. История государства Союз Советских Социалистических Республик завершилась.

Возникает вопрос: почему могучая и процветающая социалистическая держава, какой был Советский Союз, была в одночасье разрушена, раздроблена на части и брошена в омут капитализма, тем самым продлив «долгие муки родов», связанные с построением социализма? Не отрицая влияния внешнего фактора, борьбы двух сверхдержав мира – СССР и США – и поражения в этой борьбе Советского Союза, мы склонны считать, что усилия из-за рубежа не имели бы успеха, если бы советское общество не находилось в состоянии кризиса. Кризиса, обусловленного обострением противоречия между производством и потреблением, между производительными силами и производственными отношениями, в основе обострения противоречий лежало расширение (а не сужение) сферы товарно-денежных отношений, ведущих к утверждению рыночных отношений и к капиталистической реставрации страны.

Из временного поражения строительства социализма в Советском Союзе и странах Восточной Европы, решая задачи возрождения Союза Советских Социалистических Республик, нам необходимо извлечь некоторые уроки.

Урок первый. Нельзя допустить эрозии коммунистической партии, превращения ее из партии рабочего класса – как по содержанию, так и по форме – в партию карьеристов с мелкобуржуазной психологией и идеологией, для которых партийность – единственный способ преуспевания в жизни.

Урок второй. На основе не формального, а реального обобществления производства вести борьбу с извращениями бюрократизма: корпоративностью, формализмом, карьеризмом, ведомственностью и т. д. в государственном аппарате. Не допускать при этом отчуждения трудящихся масс от власти, от управления общими делами, как это было в послесталинский период, когда к 80-м го-

дам государственный аппарат увеличился в три раза по сравнению со сталинским периодом. При социализме «...впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимется до *самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, но и в *повседневном управлении*»⁴⁸.

Урок третий. Не допускать огосударствления собственности, что имело место в условиях так называемого мобилизационного социализма — периода индустриализации, войны и послевоенного восстановления страны. Необходимо создавать условия за счет развития производительных сил и производственных отношений, где бы субъект труда и владел, и распоряжался средствами производства, с одной стороны, и производимым продуктом — с другой, то есть в основу была бы положена «коллективная трудовая собственность», являющаяся составным элементом «обобществленной формы собственности». Иными словами, при социализме труд отдельного индивида опосредуется трудовым коллективом и носит не непосредственно общественный, а опосредованный характер.

Урок четвертый. В условиях строительства социализма вопрос «План или рынок?» не стоит. План — это социализм, а рынок — капитализм. Стоит лишь вопрос об использовании товарно-денежных отношений при социализме, которые не составляют его сущности, но имеют место при экстенсивном пути развития общества. Переход страны от преимущественно экстенсивного к интенсивному пути развития в конце 50-х — начале 60-х годов поставил перед партией и правительством задачу дальнейшего совершенствования общегосударственной системы централизованного планирования и управления народным хозяйством, а никак не расширения сферы действия товарных отношений и рынка, создавая тем самым условия для реставрации капитализма.

Урок пятый. Должен быть преодолен и догматический, нетворческий подход к учению К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Догматический подход проявился в односторонней оценке изменений, происходящих в условиях интенсивного развития экономики в тот период. О чем свидетельствовала дискуссия между так называемыми «планомерниками» и «товарниками». В целом можно сказать, что ни «планомерники», ни «товарники» не смогли выявить специфику той стадии развития, в которую вступил СССР в те годы. И те, и другие находились в рамках метафизического мышления, абсолютизировали отдельные, обособленно взятые стороны предмета. Это говорит о том, что недостаточно глубокое, нетворческое овладение диалектическим материализмом, его ме-

тодом познания и прогнозирования вело к односторонности, косности мышления, ошибкам догматического порядка. Что нашло отражение в отсутствии глубокого критического анализа реальной действительности, в недооценке революционной теории, без которой, как писал В. И. Ленин, «...не может быть и революционного движения»⁴⁹.

Проводя историческую аналогию, мы можем и спустя столетие сказать, что *«роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»*⁵⁰. Партия, которая ведет борьбу за возрождение Советского Союза, планомерно и непрерывно, говоря словами В. И. Ленина, «...во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом»⁵¹, должна руководствоваться передовой теорией — марксистско-ленинской — в вопросах: подготовки и проведения социалистической революции, установления подлинного народовластия, строительства социализма на качественно новой основе. Остановимся на этих проблемах несколько подробнее.

Что значит для партии «руководствоваться передовой теорией», чтобы выполнить роль передового борца, в данном случае в борьбе за возрождение Советского Союза? Прежде всего надо отметить, что учение основоположников научного коммунизма имеет теоретическую и политическую составляющие. Что касается первой, то марксизм анализирует суть коммунизма как постэкономическую формацию, обосновывает закономерности его становления и развития, определяет характерные черты. Что же до второй составляющей, то она включает обоснование всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма и главной движущей силы построения вначале социализма, а затем и коммунизма, необходимость проведения социалистической революции и создания государства диктатуры пролетариата при переходе от капитализма к социализму, формирует важнейшие положения об авангардной роли партии рабочего класса, ее стратегии и тактики.

Утратили ли свою истинность данные положения теории марксизма? Нет, естественно, с учетом изменения конкретно-исторических условий. При разработке учения о преобразовании общества К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из единства теории и практики. Они шли от реальной действительности к теоретическому обоснованию коммунизма и от теории — вновь к практике. Иными словами, политические выводы классиков были обусловлены конкретно-историческими условиями середины XIX столе-

тия, в которых они жили и работали. Нам же, живущим в XXI столетии, следует идти от теории к практике, предварительно овладев научной теорией и творчески ее применяя в новых исторических условиях. Не утратил своего значения на современном этапе развития человеческого общества и вывод К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание»⁵². Об этом свидетельствует практика (прежде всего развитие глобального капитализма в мире, обострение противоречия между трудом и капиталом в планетарном масштабе). В современном мире основным противоречием является противоречие между интересами транснациональных монополий и международного финансового капитала, с одной стороны, и интересами стран периферии, то есть развивающихся стран – с другой. Учитывая то, что страны бывшего Советского Союза оказались отброшенными, в результате контрреволюционного переворота, на периферию, борьба за возрождение Советского Союза встретит яростное сопротивление так называемого «золотого миллиарда» во главе с США. Это необходимо иметь в виду при выработке стратегии и тактики партии, при определении задач борьбы за возрождение Советского Союза.

Но вернемся к вопросу: что значит овладеть научной теорией и творчески применять ее в новых исторических условиях? Если кратко, то это означает овладеть диалектикой как методом научного познания и преобразования общества. Как всеобщая теория развития и как метод научного познания диалектика выполняет прогностическую функцию, и в этом своем качестве она не только критична, но и самокритична, революционна. Своей революционностью диалектика в своем рациональном виде не только вызывает у современной буржуазии Запада и криминально-уголовных олигархов в бывшем СССР и в странах Восточной Европы злобу и ужас, но и приводит к активным формам борьбы против трудящихся, выступающих за освобождение от власти капитала. Поэтому перед коммунистами встают извечные вопросы: «Что делать?» и «С чего начать?». В странах бывшего Советского Союза есть коммунистические партии, партии социалистической ориентации, но у многих коммунистов нет сформированного диалектического мышления, понимания глубины происходящих исторических процессов. И таким образом, они неспособны ставить и решать вопросы, адекватные реалиям истории, конкретно-историческим условиям той или иной страны. Начинать, следовательно, необходимо с овладения теорией научного коммунизма, диалектикой как теорией и

методом ниспровержения криминально-олигархических режимов в странах бывшего Советского Союза, о чем шла речь выше.

Однако этого сегодня недостаточно. Речь идет об овладении диалектико-материалистическим методом познания и преобразования реальной действительности не только партийным активом, но и широкими народными массами, ибо «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»⁵³. Каким образом? Через отражение в теории и в своей практической деятельности коренных интересов и потребностей широких народных масс. Восстановить смычку между партией и народом, утраченную в годы хрущевско-брежневского правления, а также в результате контрреволюционного переворота, возможно только на основе кропотливой работы в массах, доказывая им, что коммунисты в самые тяжелые годы политического, экономического и морально-психологического угнетения народа были и будут с ним. Выражаясь словами В. И. Ленина (сказанного верно по отношению к крестьянству), либо коммунисты докажут народу, что они с ним, либо народ снова «пошлет их ко всем чертям». Диалектическое мышление пробивает себе дорогу в широких народных массах, по мере обострения противоречия между трудом и капиталом как на региональном, так и в планетарном масштабе. Разрешение указанного противоречия возможно только на пути революционного преобразования общества.

Актуальность постановки вопроса о подготовке партии коммунистов к проведению социалистической революции, на наш взгляд, вызвана тем, что кое-кто считает: «лимит на революцию исчерпан», так как она утратила свое значение в новых исторических условиях, объявляет ее анахронизмом истории, в то время как это объективная историческая закономерность, не зависящая от чьей-либо воли. Революция происходит в определенных условиях. Напомним, что социальные революции бывают двух типов: в широком значении — это качественный скачок от одного формационного этапа развития человеческого общества к другому, в данном случае речь идет о переходе от экономической общественной формации к коммунистической. В узком значении слова «социальная революция» — это переход от одного общественного строя к другому, от капитализма к социализму. О каком лимите на революцию может идти речь, когда это объективный исторический процесс в развитии человеческого общества? Она везде и всегда является необходимым следствием конкретно-исторических условий, сложившихся к этому времени в той или иной стране. И происходит не по воле той или

иной партии, а в результате наличия в стране классовой борьбы, в данном случае между трудом и капиталом, борьбы, ведущей к вызреванию революционной ситуации, а следовательно, к необходимости и социалистической революции. Социальная революция по форме политическая, как правило, насильственная, направленная на завоевание политической власти рабочим классом (как мирным, так и вооруженным путем), а по содержанию — социалистическая, завершающаяся построением социализма на низшей фазе коммунизма. Отрицать революцию — значит отрицать историю.

«Мы марксисты, — пишет Д. В. Джохадзе, — как всегда, целиком против навязываемой народу буржуазией насильственной революции в пользу революции научной, марксистской, революции гуманистически рациональной, мирной»⁵⁴. Что касается стран бывшего Советского Союза, можно констатировать, что медленно, но складывается предреволюционная ситуация, ведущая к вызреванию революционной ситуации, для которой в дополнение к объективным факторам необходимы еще и субъективные: с одной стороны — кризис власти, а с другой — взрыв народного возмущения и организация массовых действий. Последнее является функциональной обязанностью революционной партии — коммунистической партии. Только так, надо предполагать, возможна (в границах бывшего Советского Союза) восстановительная социалистическая революция.

На вопрос «Возможен ли парламентский путь перехода к социализму стран бывшего Советского Союза?» мы отвечаем однозначно: «Нет». Депутаты-коммунисты в буржуазном парламенте в лучшем случае могут использовать парламентскую трибуну при наличии предреволюционной ситуации в стране, для мобилизации масс, их психологической подготовки к грядущей социальной революции. Надо всегда иметь в виду, что революционная ситуация, когда взрыв объективно созрел, может возникнуть в любую минуту и по любому поводу. И народные массы могут «проснуться» быстро и неожиданно. В данном случае не парламентские реформы, а революция — единственный путь перехода к социализму.

В ходе борьбы за власть рабочему классу и его союзникам предстоит создать свои, альтернативные буржуазным, органы власти. Напомним, что на опыте Парижской Коммуны К. Маркс считал, что на смену «парламентскому кретинизму» должна прийти «работающая корпорация» с новым способом управления, которое базировалось бы на коллективном самоуправлении трудящихся в процессе производства материальных и духовных благ⁵⁵. В этой связи

В. И. Ленин констатировал: «Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения»⁵⁶. Такими «работающими учреждениями» должны быть Советы народных депутатов — фундамент советской власти. Однако в отличие от прежних Советов будущие Советы должны опираться на Советы трудовых коллективов. В этих условиях производственные отношения складываются начиная с первичной производственной ячейки, с низовых звеньев управления, органично реализовываются в системе Советов всех уровней и завершаются функционированием стройной системы исполнительных органов власти, подконтрольных народу. «Социализм начинается там, — пишет доктор философских наук Е. И. Суименко, — где институты государственной власти и управления перестают отчуждать себя от народа, выполняют его волю и находятся под постоянным контролем народовластия в его непосредственной форме, где представительный характер этих институтов обеспечивается выборностью и ротацией руководителей, подотчетностью избравшему их народу»⁵⁷. В данных советах реализуется на практике мысль К. Маркса, высказанная им в работе «Гражданская война во Франции»: органы народовластия (в то время Коммуна) должны быть «...не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»⁵⁸.

Центральным вопросом социалистической революции и социалистического строительства является вопрос о ее движущих силах. «Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса до его победы, — писал В. И. Ленин, — тот ничего не понял в истории революций или ничего не хочет знать в этой области»⁵⁹. Эти слова В. И. Ленина прямо и непосредственно касаются тех, кто выступает с заявлениями о том, что «лимит на революцию исчерпан». Лимит на революции, какие бы они ни были по форме и по содержанию, не может быть исчерпан, пока существуют классы, а следовательно, и классовая борьба. Люди, говорящие, что лимит на революции исчерпан, не владеют диалектикой, их мышление метафизично. Понятия «революция» и «контрреволюция» не исключают друг друга, а, напротив, предполагают. История человеческого общества — это история революций и контрреволюций. Современная эпоха — это эпоха перехода от экономической общественной формации к коммунистической, от капитализма к социализму, следовательно — эпоха революций и контрреволюций. Это, как видим, относится и к такому понятию,

как «диктатура пролетариата», о чем пишет В. И. Ленин. Известно, что любое государство в классовом обществе является диктатурой того или иного класса. Но понятие «диктатура» имеет и другое значение, отражающее сущность политического режима и его форму.

Если смотреть с этой точки зрения, то в результате Великой Октябрьской социалистической революции в стране была установлена диктатура пролетариата. А что такое пролетариат? Ф. Энгельс в работе «Принципы коммунизма» пишет: «Пролетариатом называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала»⁶⁰. Взяв политическую власть и установив «диктатуру пролетариата», рабочий класс перестает быть пролетариатом по содержанию, так как уничтожаются частная собственность и эксплуатация человека человеком, а устанавливается государственная (общенародная) собственность, при которой форма труда остается старой, то есть наемной, но уже у государства, работая, таким образом, не на капиталистов, а на общество. Если на этапе подготовки и проведения социалистической революции пролетариат является главной движущей силой, то с завоеванием политической власти он становится господствующим классом, главная цель которого — уничтожение классов и установление бесклассового общества, но эта функция не столько политическая, сколько экономическая.

Как же обстояло дело с выполнением этой функции в Советском Союзе в послесталинский период? Мягко говоря, тормозилось. Тормозилось в силу того, что не свертывались, а развивались товарно-денежные отношения и рынок, не уничтожалось, а углублялось разделение труда, и т.д. Рабочий класс из «класса для себя», когда он строил социализм, и строил с энтузиазмом, и защищал самоотверженно, в послесталинский период превращается в «класс в себе». Перестав быть революционным классом, он сам породил своих угнетателей, он сдал без боя все, что было завоевано и приобретено в годы социализма. Он утратил классовое чутье, а понятие классовой борьбы превратилось для него в некий абстрактный символ.

С временным поражением строительства социализма в СССР и установлением капиталистических общественных отношений современный рабочий класс вновь становится пролетариатом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому ближайшей целью коммунистических партий в странах бывшего Советского Союза является формирование пролетариата в класс, превращение

его из «класса в себе» опять в «класс для себя», то есть в силу, готовую как к свершению социалистической революции, так и к строительству социализма на качественно новой основе. Если на низшей ступени социализма рыночные отношения жестко подчинены социалистическим отношениям, то на более высокой ступени развития социализма, когда увеличивается количество жизненных предметов потребления, но сохраняются еще и рыночные отношения, неизбежно возникает противоречие между социалистическими и рыночными отношениями. Разрешение этого противоречия, как мы уже знаем, пошло по пути утверждения рыночных отношений, что и привело к капиталистической реставрации.

И что же мы имеем на данном этапе развития стран бывшего Советского Союза? Разве реставрированный дикий капитализм ускорил развитие производительных сил, а соответственно, увеличил количество материальных предметов потребления? Нет, нет и еще раз нет! Он обострил противоречие между производством и потреблением, он на порядок снизил уровень жизни подавляющего числа граждан в странах бывшего Советского Союза, превратил их в нещадно эксплуатируемых бедняков, деморализованных нищих. Этим самым реставрированный капитализм реставрировал свое антагонистическое противоречие, а именно: общественный характер производства, с одной стороны, а с другой — частнокапиталистическое присвоение, подписав тем самым свой смертный приговор. После исполнения приговора, в форме социалистической революции и установления власти народа, главной задачей станет снятие противоречия между производством и потреблением. Общественному характеру производства должна соответствовать и общественная форма распределения и потребления.

В чем же это конкретно должно найти отражение? В удовлетворении вначале самых необходимых потребностей: в пище, одежде, жилище. В годы советской власти была создана система общественного питания, но недостаточная. Она должна не только избавить, прежде всего женщину, от жуткого домашнего труда, а на уровне общественного питания организовать его рационально, на научном уровне, освободив время для всестороннего и гармоничного развития личности. В одежде необходимо будет избавиться от ненужной никому роскоши, подчеркивающей социальный статус ее владельца. Она должна быть функциональной, с одной стороны, и защищать от внешних неблагоприятных факторов — с другой. Отдельное жилье должно быть доступно каждому, комфортабельным, удовлетворяющим необходимые запросы граждан. Общественным

потреблением должно быть (бесплатными) образование, медицинское обслуживание и транспортное обеспечение.

За счет чего все это, и много другое, что входит в сферу потребления? За счет общественных фондов потребления. Это станет возможным тогда, когда темпы прироста промышленной продукции будут не замедляться, как это было в последние годы в Советском Союзе, а неуклонно расти; станет необратимым процесс снятия товарного характера производства как на основе его обобществления, так и в результате изменения самого содержания труда; должен утвердиться в производстве закон потребительной стоимости, когда новому способу производства будет присуща противоположная стоимостной — потребительно-стоимостная основа, на которой только и осуществимо перерастание социализма в коммунизм; это станет возможным на качественно новой основе централизованного планирования и управления на базе внедрения Общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством воссоединенного советского государства и т. д.

Из вышеизложенного можно сделать вывод: если противоречие между производством и потреблением, достигшее своего антагонизма в последние годы советской власти, привело к временному поражению социализма, а контрреволюционный переворот довел это противоречие до своего апогея, то только переход к социализму на качественно новой основе предполагает его снятие.

В заключение рассмотрения вопроса, заданного вначале: «Как становятся тождественными противоположности, в данном случае между производством и потреблением, при каких условиях они становятся тождественными?», нами была предпринята попытка доказать, что производство и потребление *становятся тождественными* по мере строительства социализма, а с построением коммунизма, как это было показано выше, они окончательно достигают своего тождества, так как для коммунизма характерно непосредственно общественное производство, которое с объективной необходимостью влечет за собой и непосредственно общественное распределение, обмен и потребление произведенных продуктов. Взаимосвязь между производством, распределением, обменом и потреблением была, есть и будет, писали мы выше, на протяжении всей истории развития человеческого общества. Меняться будут лишь формы этой взаимосвязи и взаимообусловленности в зависимости от конкретно-исторических условий.

Социализм в этом отношении не исключение. «Наш опыт построения социализма, — пишет Е. И. Суименко, — всего лишь

эпизод его всемирной истории. Противникам социализма, паразитирующим на его ошибках и неудачах и видящим в них его идеологический крах, можно ответить, перефразируя одно из известных ленинских положений о так называемом «исчезновении материи»: «Социализм исчез» — это значит исчез тот предел, до которого мы знаем социализм. Современный его научный анализ в историческом опыте народов приводит к новому видению этого общественного строя, открывает новые его горизонты и перспективы»⁶¹. К этому человечество шло, идет и будет идти, так как альтернативой капитализму может быть только социализм (коммунизм).

Социализм или смерть! Социализм или варварство! Другого просто не дано. Но для этого, применительно к странам бывшего Советского Союза, «необходимо последовательно и принципиально отказаться от мнимых «посреднических» иллюзий, возглавить на деле исторически необратимый процесс реинтеграции республик бывшего СССР. Тогда в обозримом будущем, — пишет Д. В. Джохадзе, — вновь окажется Великая Россия в Великом содружестве народов. Самыми верными и актуальными лозунгами сегодня по-прежнему остаются: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Вперед к социализму!», «Реинтеграция республик бывшего СССР — категорический императив современности!», «Вперед к Марксу и Ленину!»⁶²

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Введение//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 22.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Отдел третий. Социализм. II. Очерк теории// Там же. — С. 292.

³ Маркс К. К критике гегелевской философии права//Там же. — Т. 1. — С. 272.

⁴ См.: Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М., 1991.

⁵ Герасимов Е. Н. Дорогу к свободе осилит идущий: от авторитаризма к «практическому гуманизму». — К., 1997. — С. 81.

О феномене бюрократии достаточно обстоятельно рассказал в своем выступлении на международной научной конференции в г. Киеве Р. И. Паршев/ См.: Паршев Р. И. Феномен бюрократии как частной собственности на власть. Научное наследие К. Маркса и современные социальные процессы: Материалы межд. науч. конференции (5–6 мая 2004 г.). — К., 2004. — С. 292–297; По данному вопросу выступал и доктор философии, профессор Афинского технологиче-

ского института (Греция) Павлидис Периклис (тема «Бюрократизм и социалистические перевороты XX века)/См.: Марксизм: прошлое, настоящее, будущее: Материалы межд. науч.-практич. конференции «Марксизм, обществоведческая мысль современности и социалистические тенденции развития человечества в XXI веке». Москва, Институт философии РАН, 22–24 апреля 2002 г. – М., 2003. – С. 186–193.

⁶ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. – М., 2004. – С. 219.

⁷ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года. 1. Вопрос о характере экономических законов при социализме//Сталин И. В. Соч. Том 16. 1946–1952/Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. – М., 1997. – С. 158.

⁸ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. – М., 2004. – С. 134.

⁹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров не было опубликовано в документах партии.

¹⁰ Глушков В. Н. «Заветные мысли для тех, кто остается»//Марксизм и современность. – 2004. – № 1. – С. 118.

¹¹ Пихорович В. Д. Невостребованная альтернатива рыночной реформе 1965 года. К 80-летию со дня рождения В. М. Глушкова//Там же. – С. 111.

¹² Пленум ЦК КПСС. Москва. 27–29 сентября 1965 г. Постановление пленума. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства//Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том восьмой. 1959–1965. – М., 1972. – С. 518–519.

В целях реализации решения сентябрьского пленума ЦК КПСС 1965 года 4 октября 1965 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». В нем как недостаток отмечается, что прибыль, премии, кредит и другие экономические рычаги слабо используются в планировании и хозяйственной деятельности. Имеются крупные недостатки в ценообразовании. И в качестве мер по устранению этих недостатков предлагается: «Признать необходимым усилить роль прибыли в экономическом стимулировании предприятий и повышении материальной заинтересованности коллективов и отдельных работников предприятий в достижении лучших результатов работы. Размеры прибыли, оставляемой в распоряжении предприятий, должны находиться в зависимости от улучшения результатов их хозяйственно-финансовой деятельности»/См.: Там же. – С. 532.

¹³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Отдел третий. Социализм. II. Очерк теории//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 294.

¹⁴ Ленин В. И. Вставка в статью В. Калинина. Крестьянский съезд//Полн. собр. соч. — Т. 12. — С. 81.

¹⁵ Ленин В. И. III Московская губпартконференция. 21–31 октября 1921 г. 1. Доклад о новой экономической политике. 29 октября//Там же. — Т. 44. — С. 207–208.

¹⁶ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года. 2. Вопрос о товарном производстве//Сталин И. В. Соч. Том 16. 1946–1952/Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. — М., 1997. — С. 163.

¹⁷ Там же. — С. 164.

¹⁸ Там же. — С. 169.

¹⁹ Белевский О.А. Реальный социализм в свете учения К. Маркса//Научное наследие К. Маркса и современные социальные процессы: Материалы междунауч. конференции (5–6 мая 2004 г.). — К., 2004. — С. 194.

²⁰ См.: Сапрыкин В. А. Революция и контрреволюция: прометеи и плутократы. Глава 1. Контрреволюция в СССР. III. Антисоветская контрреволюция (внутренняя и внешняя) в конкретно-историческом обличье. — М., 2004. — С. 56–62.

²¹ Косолапов Р. И. От Великой революции до предательской контрреволюции. И обратно! Тезисы к 90-летию Великой Октябрьской Социалистической революции//Экономическая и философская газета. — 2006. — № 48. — Декабрь.

²² Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. (Размышляя о марксизме.) — М., 2005. — С. 94.

²³ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. — М., 2004. — С. 652.

²⁴ Там же. — С. 653.

²⁵ Двадцать второй съезд КПСС. Москва. 17–31 октября 1961 г. Программа Коммунистической партии Советского Союза//Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том восьмой. 1959–1965. — М., 1972. — С. 245.

²⁶ Внеочередной двадцать первый съезд КПСС. Москва 27 января — 5 февраля 1959 г. Постановление съезда по докладу т. Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы»//Там же. Том седьмой. 1955–1959. — М., 1971. — С. 387.

²⁷ Двадцать второй съезд КПСС. Москва. 17–31 октября 1961 г. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Часть вторая. Задачи Коммунистической партии Советского Союза по строительству коммунистического общества//Там же. Том восьмой. 1959–1965. — М., 1972. — С. 245.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Никита Хрущев. О культе личности и его последствиях. Доклад на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года//Сталин И. В. Соч. Том 16. 1946–1952/Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. — М., 1997.

³⁰ Борис Соловьев, Владимир Суходеев. Секретный доклад Н. С. Хрущева// Там же. — С. 441–442.

³¹ Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». 30 июня 1956 г.//Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том седьмой. 1955–1959. — М., 1971. — С. 209.

³² Там же. — С. 207.

³³ Там же. — С. 210

³⁴ Н. С. Хрущев на должность Первого секретаря ЦК КПСС был избран пленумом ЦК в сентябре 1953 года. После смерти И. В. Сталина с марта до сентября 1953 года было коллективное руководство — Секретариат ЦК КПСС из пяти секретарей, куда входил и Н. С. Хрущев.

³⁵ Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. (Размышляя о марксизме.) — М., 2005. — С. 106.

³⁶ См.: Маркс К. Из рукописного наследства К. Маркса. Введение. (Из экономических рукописей 1857–1858 годов.) 1. Производство, потребление, распределение, обмен (обращение)//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 12.

³⁷ Двадцать второй съезд КПСС. Москва. 17–31 октября 1961 г. Постановление съезда. По отчету Центрального Комитета КПСС//Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том восьмой. 1959–1965. — М., 1972. — С. 187.

³⁸ См.: Двадцать третий съезд КПСС. Москва. 29 марта — 8 апреля 1966г. Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966 — 1970 годы. VII. Повышение материального благосостояния и культурного уровня жизни народа. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Том девятый. — 1966 — 1968. — М., 1972;

Двадцать четвертый съезд КПСС. Москва. 30 марта — 9 апреля 1971г. Директивы XIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971 — 1975 годы. VII. Повышение уровня жизни народа.

// Там же. Том девятый. — 1969 — 1971. — М., 1972;

Двадцать пятый съезд КПСС. Москва. 24 февраля — 5 марта 1976 г. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976 — 1980 годы. VIII. Программа социального развития и повышения уровня жизни народа. // Там же. Том двенадцатый. — 1975 — 1977. — М., 1978;

Двадцать шестой съезд КПСС. Москва. 23 февраля — 3 марта 1981 г. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981 — 1985 годы и на период до 1990 года. VIII. Социальное развитие и повышение народного благосостояния. // Там же. Том четырнадцатый. — 1981 — 1984. — М., 1987;

Двадцать седьмой съезд КПСС. Москва. 25 февраля — 6 марта 1986 г. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986 — 1990

годы и на период до 2000 года. X. Социальное развитие, повышение уровня жизни народа. // Там же. Том пятнадцатый. — 1985 — 1988. — М., 1999.

³⁹ Двадцать третий съезд КПСС. Москва. 29 марта — 8 апреля 1966 г. Постановление съезда. По отчетному докладу Центрального Комитета КПСС//Там же. Том девятый. 1966—1968. — М., 1972. — С. 24.

⁴⁰ Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. (Размышляя о марксизме.) — М., 2005. — С. 107.

⁴¹ Двадцать третий съезд КПСС. Москва. 29 марта — 8 апреля 1966 г. Постановление съезда. По отчетному докладу Центрального Комитета КПСС// Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том девятый. 1966—1968. — М., 1972. — С. 24.

⁴² Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по совершенствованию управления в народном хозяйстве на основе широкого использования средств вычислительной техники». 8 октября 1970 г.//Там же. Том десятый. 1969—1971. — М., 1972. — С. 305.

⁴³ Двадцать четвертый съезд КПСС. Москва. 30 марта — 9 апреля 1971 г. Постановление съезда. По отчетному докладу Центрального Комитета КПСС//Там же. — М., 1972. — С. 429.

⁴⁴ Глушков В. М. «Заветные мысли для тех, кто остался»//Марксизм и современность. — 2004. — № 1. — С. 122.

⁴⁵ Валовой Д. В. Экономика абсурдов и парадоксов: Очерки-размышления. — М., 1991. — С. 12—13.

Под экономикой абсурдов и парадоксов автор понимает тот факт, когда рост объема производства на предприятии измеряется на основе валовой продукции, а объем валовой продукции включает многократный повтор прошлого труда, воплощенного в предметах труда. К чему это ведет? «К тому, — пишет Д. В. Валовой, — что в процессе специализации и кооперирования предметы труда на своем технологическом пути — от сырья до готового изделия — в среднем проходят пять, а зачастую десять и более разных предприятий. И всюду их стоимость включается в объем валовой (товарной) продукции. Чем больше повторов, тем больше вал»/См.: Там же. — С. 56.

Нами разделяется точка зрения Д. В. Валового, так как, действительно, показатель объема валовой продукции не ориентирует предприятия на выпуск изделий, на самом деле необходимых народному хозяйству и населению. Он был ориентиром в довоенный и первые послевоенные пятилетки, когда увеличение продукции происходило главным образом за счет строительства новых предприятий и роста численности рабочих и служащих. Но этот показатель исчерпал себя в условиях специализации и кооперирования производства, развертывания научно-технического прогресса. Из формы прогрессивной он (вал) становился регрессивной формой. И тем не менее продолжал господствовать, находя отражение во всех статистических сборниках по народному хозяйству.

⁴⁶ «Теневая экономика — такой уклад экономических отношений, который складывался в обществе вопреки законам, правовым нормам, формальным правилам хозяйственной жизни, т. е. находится вне рамок правового поля»/См.: Исправников В. О., Куликов В. В. Теневая экономика в России: иной путь и третья сила. — М., 1971. — С. 19–20.

⁴⁷ Сапрыкин В. А. Революция и контрреволюция: прометеи и плутократы. — М., 2004. — С. 54.

⁴⁸ Ленин В. И. Государство и революция//Полн. собр. соч. — Т. 33. — С. 116.

⁴⁹ Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения//Там же. — Т. 6. — С. 24.

⁵⁰ Там же. — С. 25.

⁵¹ Там же. — С. 26–27.

⁵² Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 773.

⁵³ Маркс К. К критике гегелевской философии права//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 1. — С. 422.

⁵⁴ Джохадзе Д. В. Буржуазный парламентаризм и слепое бернштейнианство — одна из основных причин кризиса современного российского и международного коммунистического движения. — М., 2004. — С. 16.

⁵⁵ См.: Маркс К. Гражданская война во Франции//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 17. — С. 339–354.

⁵⁶ Ленин В. И. Государство и революция//Полн. собр. соч. — Т. 33. — С. 46.

⁵⁷ Суименко Е. Противоречия современного общественного развития и перспектива возрождения социализма//Комуніст України. — 2000. — № 2. — С. 51.

⁵⁸ Маркс К. Гражданская война во Франции//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 17. — С. 342.

⁵⁹ Ленин В. И. К вопросу о диктатуре (заметка)//Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 369.

⁶⁰ Энгельс Ф. Принципы коммунизма//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 4. — С. 332.

⁶¹ Суименко Е. Противоречия современного общественного развития и перспектива возрождения социализма//Комуніст України. — 2000. — № 2. — С. 45.

⁶² Джохадзе Д. В. Буржуазный парламентаризм и слепое бернштейнианство — одна из основных причин кризиса современного российского и международного коммунистического движения. — М., 2004. — С. 31.

VIII

Диалектика — научная основа доказательства неизбежной гибели капитализма

Диалектика — «алгебра революции».
А.И. Герцен

В качестве эпиграфа к выступлению взяты именно эти слова.

Дело в том, что если А.И. Герцен, по словам В.И. Ленина, «усвоил диалектику Гегеля» и «...понял, что она представляет из себя «алгебру революции»¹, то на современном этапе подъема мирового революционного процесса коммунисты-революционеры, опираясь на учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина о диалектике, должны, просто обязаны овладеть диалектикой — «алгеброй революции».

В предисловии ко второму изданию «Капитала» К. Маркс писал, что «в своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»². Как всеобщая теория развития и как метод научного познания диалектика выполняет прогностическую функцию, и в этом своем качестве она не только критична, но и самокритична, революционна.

Прогнозирование развития человеческого общества предполагает движение познания от прошлого через настоящее в будущее. На этой методологической основе К. Маркс и Ф. Энгельс научно доказали, что «буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»³. Это находит свое подтверждение в развитии современной эпохи, которое проходит в соответствии с Марксовой периодизацией истории: от общественной архаической формации к экономической общественной формации и от нее — к коммунистической.

К такому мнению пришли участники Международной научно-практической конференции, состоявшейся в мае 2003 года, считая, что XXI век — век мирового социализма. Исходя из комплексного анализа политического и экономического состояния современного

мира и его развития, они научно обосновывали и доказывали в своих выступлениях, что система капиталистических общественных отношений сыграла свою исторически противоречивую роль, что наблюдается углубление общего кризиса капитализма, нарастание классовой борьбы между трудом и капиталом, между глобальным капитализмом и странами так называемого «третьего мира». Участники конференции сделали вывод, что «мировой революционный процесс снова набирает силу», «вызревает революционная ситуация в мире», следовательно — «эра социализма необратима»⁴.

В этих условиях диалектика в своем рациональном виде не только вызывает у буржуазии Запада и криминально-уголовных олигархов в бывшем СССР и странах Восточной Европы злобу и ужас, но и приводит к активным формам борьбы с марксизмом, причем диалектика является эпицентром этой борьбы. Антикоммунисты наших дней в своей антимарксистской аргументации опираются на Карла Поппера, который в середине XX века был, как известно, признан в буржуазном мире «...как один из самых оригинальных, пронизательных, точных и разносторонних мыслителей»⁵.

В чем же состоит «оригинальность» взглядов «теоретика-антикоммуниста» Карла Поппера?

Антинаучность марксизма он усматривает в том, что это учение опирается на диалектику. «Благодаря диалектике, — пишет К. Поппер, — марксизм стал догматизмом, который достаточно гибок, так как пользуется диалектическим методом, чтобы избежать возможных атак. И таким образом он стал тем, что я называю усиленным догматизмом»⁶. Догматизм определяется нами «как разновидность метафизического метода познания объективной действительности, который состоит в восприятии того или иного учения, положения, теории и т.д. как законченной истины, независимо от конкретно-исторических условий ее проявления»⁷.

Следует заметить, что проявление догматизма отдельными индивидами может быть и непреднамеренным. Индивиды, чье сознание не выходит за рамки обыденного сознания, как правило, мыслят метафизически. Поэтому в вопросах теории и практики они могут выступать с догматических позиций. Недостаточно глубокое, не творческое овладение диалектикой также ведет к односторонности, косности мышления, к ошибкам догматического порядка.

Не этим ли объясняется тот факт, что рецидивы проявления догматизма в вопросах теории и практики имеют также место в современном коммунистическом и рабочем движении. Некоторые ученые-обществоведы продолжают настаивать на тех положени-

ях, высказанных К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые либо еще не получили подтверждения, так как относятся к коммунистической стадии развития общества, либо реализовались не в полной мере в конкретно-исторических условиях раннего социализма.

Современные реалии довольно сильно отличаются от условий, в которых жили и творили К. Маркс и Ф. Энгельс. Марксизм был тесным образом связан с определенными практическими задачами той эпохи. Поэтому механически переносить отдельные вопросы теории и практики, сформулированные для одних условий, в другие конкретно-исторические условия, недопустимо. Реалии XXI века требуют дальнейшего творческого развития марксизма. «Марксизм не догма, а руководство для действия» — эти слова Ф. Энгельса, о которых говорил В.И. Ленин, и в наше время актуальны как никогда.

Только научно-теоретическое, то есть диалектическое, мышление дает адекватное познание бытия, которое всегда находится в процессе становления, изменения, отмирания старого, отжившего и развития нового, нарождающегося. Диалектика — это мощное оружие как по преодолению проявлений догматизма отдельными индивидами, так и в борьбе с фальсификаторами марксизма, идеологами антикоммунизма на современном этапе.

Что же является методологической основой фальсификации марксистского учения о диалектике со стороны идеологов антикоммунизма? На данный вопрос дает ответ доктор философских наук Валерий Алексеевич Босенко. Противники диалектики, чтобы продемонстрировать ее «несостоятельность», «...сперва сводят все дело к внешним противоречиям, к несоответствиям, создают внешнюю противоречивость в отношениях понятий, а потом обрушиваются на идею противоречивости в сфере мышления, т.е. сперва создают софистическую карикатуру на противоречивость, а потом, выдавая это за подлинное, предлагают полюбоваться и убедиться в несостоятельности, ... но не такого субъективистского создания, а «диалектики противоречивости»⁸. Именно так диалектика была представлена Карлом Поппером — как способ вывернуться из любого положения.

В этой связи, говоря о диалектическом понимании противоречия, В.А. Босенко предупреждает: «Осторожно — внешняя диалектика!» В чем же отличие подлинной диалектики от внешней? Если кратко, то отличие «внутренней противоречивости» от «внешней противоречивости» состоит в том, что в первом случае мы имеем дело с противоположностями одной и той же сущности, а во втором, напротив, противоположностями выступают разные сущности. Первые являются подлинно диалектическими, а вто-

рые представляют не противоположности, а крайности, то есть противоположны друг другу по своему внутреннему содержанию. Допустим, антагонизм, где крайности доведены до взаимоисключения, вплоть до взаимоуничтожения, — это пример внешней противоположности. Следовательно, ошибочным является разделение противоречий на антагонистические и неантагонистические, когда суть противоречивости сводится к внешней противоречивости, которая не обладает значением источника самодвижения. Естественно, это не имеет ничего общего с подлинной диалектикой — «диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности»⁹. Сказанного достаточно, чтобы увидеть, в чем заключается фальсификация учения К. Маркса и Ф. Энгельса о диалектике.

Как показала практика международного коммунистического и рабочего движения в конце XX века, а также временное поражение социализма в СССР и странах Восточной Европы, фальсификация сути диалектики (преднамеренная или непреднамеренная) не проходит бесследно. Пророчески звучат слова Ф. Энгельса, сказанные двести лет назад: «Презрение к диалектике не остается безнаказанным»¹⁰. Поражение социализма в СССР и странах Восточной Европы во многом связано если не с презрением, то, во всяком случае, с некомпетентностью по отношению к диалектике. Иначе чем можно объяснить заявление бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева о том, что «целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма»¹¹, а также утверждение бывшего «главного идеолога» партии А.Н. Яковлева, что «коммунизм как цель оказался утопией»¹²? Не случайно, что никто иной как Ф. Фукуяма, объявивший одним из первых о конце коммунизма, дал высокую оценку как самому М.С. Горбачеву, так и его окружению¹³. Все они ставили себе в заслугу опровержение марксизма. Но каким путем? Через его фальсификацию.

Идеологам антикоммунизма необходимо противопоставить научную теорию преобразования человеческого общества в условиях подъема мирового революционного процесса, когда сама реальная действительность с объективной необходимостью нуждается в научно обоснованной теории преобразования общества, и овладение ею — веление времени. Кто не знает о том, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹⁴? Поэтому перед коммунистическими и рабочими партиями стоит задача о внесении теории коммунистического преобразования общества в массы. Для этого коммунистам не нужно отгораживаться от теории

(как это имело и, к сожалению, имеет место в настоящее время), ссылаясь при этом на загруженность партийной работой, на отсутствие надлежащих условий. Как тут не вспомнить выступление И.В. Сталина на XIII съезде партии в 1924 году: «Один из опасных недостатков нашей партии состоит в понижении теоретического уровня ее членов. Причина — адская практическая работа, отбивающая охоту к теоретическим занятиям и культивирующая некую опасную беззаботность — чтобы не сказать большее — к вопросам теории»¹⁵. Ему же принадлежит и высказывание: «Без теории нам смерть, смерть, смерть!»¹⁶ Эти слова стали вещими. «...Марксизм в нашей стране, — пишет доктор философских наук Евгений Иванович Суименко, — оказался фактически не востребоваан: верхами — потому что он им только мешал, низами — потому что они не имели возможности своевременно обнаружить в нем столь необходимую для них материальную силу»¹⁷. Итог известен.

Речь идет не просто об овладении марксизмом, а об овладении диалектико-материалистическим методом познания и преобразования действительности. Иными словами, необходимо формирование, прежде всего у партийного актива, диалектического способа мышления. Рано или поздно диалектическое мышление пробьет себе дорогу и в народных массах — по мере продвижения к социализму в результате классовой борьбы с глобальным капитализмом.

Подлинная диалектика возможна только как осознанно применяемая на практике, то есть в борьбе за социализм. Надо иметь в виду, что диалектика как всеобщая теория развития, согласно которой «развитие есть «борьба противоположностей»¹⁸, нуждается в классовой борьбе революционных масс для своего формирования не меньше, чем эта классовая борьба — в диалектике, в диалектико-материалистическом методе познания, направленном на изучение современного этапа развития капитализма и перехода от предыстории к подлинной истории человеческого общества.

На долю рабочего класса, тех, кто непосредственно производит материальные блага, возложена миссия доведения противоположностей до взаимоисключения и тождества. Это необходимо понимать в том смысле, что борьба рабочего класса по своим конечным целям не противоречит историческому процессу, а, напротив, является выражением объективных тенденций, выступающих как общечеловеческие и всеобщие.

Следовательно, задача, стоящая перед передовым отрядом рабочего класса — коммунистическими и рабочими партиями, —

это овладение научной теорией, формирование диалектико-материалистического мышления, позволяющего применять диалектику в качестве всеобщей теории развития как к современному глобальному капитализму, к анализу его краха, так и к доказательству торжества социализма во всемирном масштабе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Выступление на Международной научно-практической конференции «Международное коммунистическое и левое движение в условиях империалистической глобализации». Москва, Институт философии РАН, 27–29 апреля 2004г.

Опубликовано в журнале «Что делать?» — 2004. — № 8. — С. 40 — 42.

***

¹ Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч. — Т. 21. — С. 256.

² Маркс К. Капитал. Т. 1. Предисловие ко второму изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 22.

³ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 13. — С. 8.

⁴ Социализм — категорический императив современной эпохи. Декларация участников Международной научно-практической конференции «Конец предыстории человечества: социализм как альтернатива капитализму». Материалы одноименной международной научно-практической конференции, Институт философии РАН, 27–29 мая 2003 года. Омск, 2004.

⁵ «The critical Approach to Science and Philosophy, in Honor of Karl Popper», ed. by Mario Bunge, London, 1964, p. VII.

⁶ Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. Ответ д-ру Карлу Попперу на его опровержение марксизма. — М., 1972. — С. 49–50.

⁷ Герасимов Е.Н. Гносеологические корни и социальная сущность догматизма: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. — К., 1967. — С. 6.

⁸ Босенко В.А. Всеобщая теория развития. — К., 2001. — С. 24–25.

⁹ Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 98.

¹⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 20. — С. 382.

¹¹ Признание Иуды // Комуніст. — 2000. — № 37.

¹² Яковлев А.Н. Горькая чаша. Большевизм и Реформация России. — Ярославль, 1994. — С. 60.

¹³ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 147.

¹⁴ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 1. — С. 422.

¹⁵ Сталин И.В. Политический отчет Центрального комитета XIII съезду ВКП(б) // Соч. — Т.6. — С. 257.

¹⁶ Жданов Ю.А. Без теории нам смерть! Смерть!! Смерть!!! // Марксизм и современность. — 2000. — № 1. — С. 7.

¹⁷ Неистребимый М. (Суименко Е.И.) Марксизм востребованный и невостребованный // Марксизм и современность. — 1995. — № 3. — С. 16.

¹⁸ Ленин В.И. Философские тетради. К вопросу о диалектике // Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 317.

ГЕРАСИМОВ Евгений Николаевич

1927 года рождения, кандидат философских наук.

С 1944 по 1956 год служил в Советской Армии. Участник Великой Отечественной войны. В 1948 году окончил Рижское военно-политическое училище. Офицер-политработник Советской Армии, награжден орденами и медалями.

В 1963 году окончил историко-философский факультет, отделение философии Киевского государственного университета им. Т.Г.Шевченко, а в 1966 году – аспирантуру.

С 1966 по 2000 год – доцент Киевского международного университета гражданской авиации. За заслуги в области высшего образования СССР награжден нагрудным знаком «За отличные успехи в работе», а в 1997 году – знаком «Відмінник освіти України».

Автор более восьмидесяти научных работ, в том числе – шести монографий: «Диалектика содержания и характера труда в условиях развитого социализма»(1981 г.), «Диалектика труда и совершенствование социализма»(1987 г.), «Противоречие труда и перестройки»(1990 г.), «Дорогу к свободе осилит идущий: от авторитаризма к «практическому гуманизму»(1997 г.), «Диалектика общественной жизни. Часть 1. Куда идет человечество (прав ли К.Маркс в прогнозе его будущего?)»(2005 г.), «Диалектика общественной жизни. Часть 2. Коммунизм в теории и реалиях истории»(2007 г.) и брошюры «Антикоммунизм: история и современность»(2003 г.), «Гносеологические корни и психофизиологические предпосылки возникновения догматизма» (2008 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>I. Диалектика как всеобщая теория развития и всеобщий метод научного познания и прогнозирования.</i>	8
<i>II. Содержание принципа тождества противоположностей</i>	28
<i>III. Тождество противоположностей между производством и потреблением в условиях первобытного способа производства</i>	36
<i>IV. Антагонизм между производством и потреблением в условиях товарного производства</i>	59
<i>V. Сущность и характерные черты высшей фазы коммунистического общества</i>	87
<i>VI. «Долгие муки родов» социализма на современном этапе развития человеческого общества. (Опыт и уроки строительства социализма в СССР)</i>	131
<i>VII. Временное поражение строительства социализма в СССР и пути его возрождения</i>	197
<i>VIII. Диалектика — научная основа доказательства неизбежной гибели капитализма</i>	232
<i>ГЕРАСИМОВ Евгений Николаевич</i>	238

Науково-популярне видання

ГЕРАСИМОВ Євген Миколайович

КУДИ ЙДЕ ЛЮДСТВО

**Чи мав рацію Карл Маркс
у прогнозі його майбутнього?**

Редактор
кандидат філософських наук, професор
Є.Ф. Сластенко

Коректор В.М.Гордієнко

Підписано до друку 29. 04. 2011 р.
Формат 60х90/16
Гарнітура NewtonС. Офсетний друк
Ум.-друк. арк. 15
Тираж 500 прим.
Зам.№ 11 - 109

ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф»
02094 м.Київ, вул. Віскозна, 8
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
ДК №2715 від 7 грудня 2006 року